

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

СЕРГЕЙ МИНАКОВ

ЗАГОВОР «КРАСНЫХ МАРШАЛОВ»

ТУХАЧЕВСКИЙ ПРОТИВ
СТАЛИНА

Тайны военной истории

Сергей Минаков

**Заговор «красных маршалов».
Тухачевский против Сталина**

2016

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

Минаков С.

Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина
/ С. Минаков — 2016 — (Тайны военной истории)

ISBN 978-5-906880-18-5

Книга доктора исторических наук С.Т. Минакова посвящена трагическому конфликту между военной элитой и советским государственно-политическим руководством во главе со Сталиным. Именно этот конфликт стал причиной репрессий в высшем комсоставе Красной армии в 1937–1938 гг. Заговор «красных маршалов», утверждает автор, был, но какую роль сыграл в нем Тухачевский? Анализируя сложные и неоднозначные взаимоотношения «красного наполеона» и советского вождя в контексте международного положения и обострения после «военной тревоги» 1936 г. дискуссий по оборонным проблемам СССР, автор называет подлинных заговорщиков и расставляет все точки над «і».

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906880-18-5

© Минаков С., 2016

Содержание

«Нас возвышающий обман»	5
Осколки памяти	6
Часть I	14
«Краснощекие поручики», «бонапарты» и «Тухачевские»	17
Вторжение в мировую историю	19
Граф Тухачевский	21
«Наш, семеновец!...»	30
1914 год. Бой под Кжешувом	32
Ночной бой под Ломжей, плен и возвращение в полк	39
Переход к большевикам	50
Лейб-гвардии «капитан» Тухачевский	67
«Он шел туда, куда влекло его собственное воображение»	82
Одержимый войной	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сергей Минаков

Заговор «красных маршалов». Тухачевский против Сталина

«Нас возвышающий обман»

«Жизнь человека в обществе определяется не только осязаемыми реалиями, – обращает наше внимание на фактор «воображаемого» Ж. Ле Гофф, – но и образами и представлениями. Образы, порожденные воображением, не только воплощены в иконографической и художественной продукции, они населяют универсум ментальных образов... Воображение – феномен коллективный, общественный и исторический. История без воображаемого – это история-инвалид, безжизненная история»¹.

На процитированные выше мысли выдающегося французского историка уместно обратить внимание и иметь их в виду, учитывая то обстоятельство, что далее речь пойдет об одном из судьбоносных для нашей страны «исторических феноменов» – о «феномене Тухачевского» или, обозначая его иначе – синдроме «заговора красных маршалов». Обращение к мыслям выдающегося историка-медиевиста, исследовавшего «средневековый мир воображаемого» не должно восприниматься как некий анахронизм, если мы вспомним небольшое, но глубокомысленное произведение выдающегося русского мыслителя XX в. Н.А Бердяева, посвященное проникновению в сущность исторических и ментальных процессов в Европе и в России, порожденных катастрофой Первой мировой войны, – «Новое средневековье».

Осколки памяти

*И время застыло в часах на стене,
И лампы плафон, отраженный в окне,
И кант голубой темно-синей пилотки,
И в бланке служебном лишь росчерк короткий.
И капли дождя на оконном стекле,
И строчки письма на рабочем столе,
И орденский крест на армейском планшете —
Портрет Тухачевского в старой газете².*

Эти строчки навеяны рассказами моих старших родственников о 30-х гг. Они вспоминали, что у моей бабушки на стене была вырезка из газеты с портретом Тухачевского во весь рост, в длиннополой кавалерийской шинели. Ей нравились Ворошилов и Тухачевский. Особенно – Тухачевский. В этом не было никаких политических предпочтений и симпатий: просто привлек образ бравого военного с гвардейской выправкой и «старорежимным» офицерским лицом. В ее доме всегда было много военных. Военными были ее зятья, в доме часто бывали молодые военные, их товарищи, знакомые ее сына. Я помню ее уже в весьма преклонных годах. На вопрос о возрасте, она, склонная к ироничным оценкам людей и жизни, обычно улыбалась и отвечала: «Я вышла замуж, когда царь короновался». Этот ответ меня, школьника, интриговал, и позже, став старше, я выяснил, что оба события (и ее замужество, и царская коронация) произошли в 1896 г. Вообще от нее веяло чем-то таинственно-давним, «старорежимным» (как она выражалась). Среди мелких вещей в ее обиходе были какие-то дореволюционные коробочки из-под чая, конфет, иных «колониальных товаров». Забравшись однажды в выдвижной ящик ее письменного стола, я обнаружил несколько монет времен Александра II, Александра III, Николая II, медные пуговицы с двуглавыми орлами от форменных мундиров, орден св. Станислава 4-й степени, эмалевые бордовые «кубики» и «шпалы» – офицерские знаки различия, крепившиеся на петлицах в довоенные и первые военные годы, авиационную синюю пилотку с голубым кантом. Все это вызывало ощущение чего-то романтично-таинственного. От этих мелочей исходило дыхание какого-то иного, неведомого мне легендарного времени, связующим звеном с которым она была.

Фамилию «Тухачевский» впервые я услышал от моего отца. Поразила она мое, 16-летнее воображение, навсегда засев осколком в памяти, именно тогда, осенью 1962 года. Отец мой, отставной подполковник авиации, пришел домой в осеннем пальто и принес купленную им (и ныне хранящуюся в моей библиотеке) книжку с названием «Этапы большого пути». Это был сборник воспоминаний полководцев и героев Гражданской войны – С.С. Каменева, В.К. Блюхера, А.И. Корка, И.П. Уборевича, В.М. Примакова, В.К. Путны, П.Е. Дыбенко и др., в том числе М.Н. Тухачевского. Перед воспоминаниями каждого героя и полководца был помещен фотопортрет с краткой биографией и почти трафаретным окончанием: «репрессирован» в 1937-м или 1938-м, «посмертно реабилитирован».

Каждая фамилия и каждая биография были для меня откровением, рождением совершенно нового мира, но самое большое впечатление произвела на меня фотография Тухачевского – красивого молодого военного, с маршальскими звездами в петлицах, с открытым, волевым, дерзким взглядом, будто вызывающим на бой, на поединок. Именно к нему мой отец стремился привлечь мое внимание. «Это – Тухачевский, – даже не сказал, а воскликнул он, и в его последующих пояснениях звучал, как мне показалось, какой-то приглушенный восторг – отголоски давнего, уже полузабытого, отчасти ностальгического восхи-

щения. – Мне приходилось с ним встречаться. Интеллигент, выхолненный, белый офицер, поручик лейб-гвардии Семеновского полка». Именно так было сказано: «белый офицер». Замечу, что в досужих разговорах, воспоминаниях пожилых близких родственников, хорошо помнивших «старорежимные времена», различия в понятиях «белый» или «царский» офицер были совершенно размыты: если офицер «старой армии», то значит – «белый офицер». И, как правило, замечу мимоходом, говоря о ком-то, что тот был «бывшим офицером», произносили это с каким-то тихим восхищением. Это был признак человека высокого достоинства, интеллигентного человека. И то, что Тухачевский был бывшим поручиком, гвардейским офицером, интриговало. Было в этом что-то таинственное, необычное, манящее и восхищавшее. Примерно в то же время я посмотрел какой-то цветной художественный фильм, посвященный революционным событиям 1905 года, в котором было показано, как Семеновский полк подавлял восстание на Пресне. Поэтому Тухачевский, поручик лейб-гвардии Семеновского полка, ассоциировался у меня в сознании как раз с тем, контрреволюционным Семеновским полком. Но в то же время он вдруг оказывался советским маршалом, героем Гражданской войны и революции.

С малых лет я, как и все мои сверстники (а я к тому же был единственным ребенком в семье кадрового офицера ВВС, командира авиаполка), воспитывался в системе нравственных ценностей, ключевыми из которых были революция, поглощавшая явление Гражданской войны, Советская Родина, Великая Отечественная война, популярнейшими воплощениями которых были Сталин, Чапаев, Котовский и др. У нас в большой комнате на стене висели два цветных портрета – Ленина и Сталина. Я помню, как их покупали в Москве (я был тогда еще дошкольником). Мне нравился Сталин. Он мне казался красивым. Наверное, потому что он, как и мой отец, был военным, в погонах генералиссимуса, с Золотой Звездой на груди, с усами, как у Чапаева или у Лермонтова. Лермонтов тоже был военным, офицером, и он тоже мне нравился. Поэтому парадоксальное сочетание в образе Тухачевского «белого офицера Семеновского полка», подавлявшего революцию, и советского маршала, олицетворения Красной армии, было необычным, интригующим, можно сказать, как-то таинственно-завораживающим и приятно-шокирующим сознание и воображение.

Внешний облик Тухачевского ассоциировался у меня с еще одним киноперсонажем. В начале 50-х гг., когда я посмотрел фильм «Любовь Яровая», мне очень понравился один из его героев – матрос по имени Швандя (насколько мне помнится). Но был в фильме и отрицательный персонаж – белогвардейский поручик Яровой, внедренный белыми в командный состав Красной армии. Этот поручик (или подпоручик), в отличие от Чапаева, Буденного, Сталина и других «усатых» героев революции и Гражданской войны, был гладко выбритым, безусым, большеглазым, с холеным, «белогвардейским» лицом. Подобное же лицо смотрело на меня и с фотографии Тухачевского. Пожалуй, такое противоречивое сочетание различных ассоциаций и обусловило мое особое внимание к Тухачевскому.

Возвращаясь к сюжету с книгой, подаренной мне отцом, я помню, что именно тогда он и рассказал два случая из своей военной молодости, связанные с Тухачевским. И я передам его рассказ приблизительно в том изложении, в тех же выражениях, в каких я его запомнил, от первого лица. Мне кажется, что этот рассказ интересен как своего рода «фотоснимок» времени не только в историческом, но и в социально-психологическом отношении. Это рассказ военного человека о времени своей молодости, а значит, преимущественно о «времени радости», каковым оно и должно быть (хотя, сознаю и признаю, к сожалению, каковым оно бывает далеко не всегда и далеко не для всех). Это военно-бытовые эпизоды из советских 1930-х годов.

«Я, москвич по рождению и по происхождению, начал свою трудовую деятельность, поступив с товарищами в Метрострой, – тогда, в середине 20-х уже начиналось строительство московского метро, – так, издавека, начинал свой рассказ мой отец. – Однако года пол-

тора-два спустя мы, уже комсомольцы-добровольцы, решили отправиться на строительство тракторного завода в Сталинграде. Там-то, в Сталинграде, я и был призван в ряды Красной армии в ноябре 1929 г. К этому времени уже на всю страну прозвучал призыв: «Комсомолец – на самолет!» Вскоре нас, группу молодых новобранцев, вызвали в политотдел воинской части, и его начальник предложил нам подать рапорт о поступлении в летную школу. Предложение было обращено к имевшим среднее или хотя бы неполное среднее образование. Среднее образование у меня было, а по состоянию здоровья я вполне подходил для службы в авиации. Я хотел стать летчиком, ведь летчики и авиация в те годы были овеяны славой и героической романтикой.

И вот в конце 1929 г. я был зачислен курсантом одной из старейших в России Гатчинской авиационной, или, как тогда было принято называть, «летней», школы. Здесь в 1912 г. начинал свою славную авиационную жизнь известный русский летчик-герой, автор «мертвой петли» и воздушного тарана, штабс-капитан П.Н. Нестеров. Начальником школы был Ратауш Роберт Кришьянович³. Он носил пенсне, характерный по тем временам внешний признак «интеллигентности» и «старорежимности», и нам, молодым курсантам, было странно видеть и трудно представить, как это можно было летать в пенсне, надевая поверх него летные очки. А без очков летать было невозможно. Ведь тогда пилот не был закрыт колпаком. Место пилота было открыто, как говорится, «всем ветрам». Только спереди был плексиглазовый щиток.

Едва оказавшись в авиашколе, попали мы под начальство к старшине, видимо, еще со «старорежимным» стажем. Мы его прозвали «Пилсудским» за огромные пушистые усы фельдфебельского типа. Юзеф Пилсудский, тогдашний руководитель Польши, главного в те времена потенциального врага СССР, был по-своему популярен и широко известен – и по фамилии, и по портретам, преимущественно карикатурным, в газетах и журналах. Ох, и гонял же нас этот «Пилсудский»! Прикажет, бывало, в полной выкладке, со скаткой, противогазом, шанцевым инструментом и пр., летом – марш-бросок с песней – либо со старой солдатской «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет...», либо с популярной тогда красноармейской «Эй, комроты, даешь пулеметы, даешь батареи, чтоб было веселей...». И на марш-броске «Пилсудский» вдруг скомандует: «Танки – слева, кавалерия – справа, самолеты – сверху!» – или: «Газы!» Вот и начинаешь суетиться. Натягиваешь этот противогаз, плюхаешься в пыль или грязь дорожную. Буденовка сползает, скатка мешает, жарко, пот течет. Проклинаешь все на чем свет стоит и, в первую очередь, нашего «Пилсудского». А он подойдет к тебе и говорит: «Демаскируешься. Штык у тебя блестит. С самолета все видно». И все заново. Носил он шинель длинную, кавалерийскую. Видимо, служил когда-то в кавалерии. А впрочем, был он человеком старой закваски, настоящий русский унтер-служака, строго соблюдавший устав и, в общем, хорошо муштровавший нас, молодых курсантов.

Обучались мы авиационному делу, летая на стареньких аэропланах, как тогда принято было называть самолеты времен Первой мировой и Гражданской войн, на так называемых «летающих этажерках». Это были монопланы, бипланы и даже трипланы, действительно внешне напоминавшие этажерки, – «нюпоры», «фарманы», «спады», «сопвичи», на которых, наверное, летал еще сам Нестеров со своими товарищами.

Довольно часто наведывалось к нам и высокое армейское начальство. Авиационных школ у нас тогда было мало, а Гатчинская, как я уже сказал, была самой старой и самой знаменитой. Неоднократно приезжал к нам нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов. Как-то издалека довелось мне увидеть и бывшего советского Главкома в Гражданскую войну, заместителя наркома С.С. Каменева, всех поражавшего своими роскошными усами, правда, торчавшими в разные стороны, а не свисающими вниз, как у Пилсудского, и не закрученными кверху, как у Буденного. Он приезжал к нам с какой-то инспекцией. Гораздо

чаще появлялся в школе тогдашний командующий ВВС Ленинградского военного округа, очень известный в те времена летчик Межерауп⁴, а также заместитель командующего округом, тоже весьма известный – четырежды орденосец И.Ф. Федько. Однажды посетил нашу школу и сам командующий округом, знаменитый тогда Тухачевский.

Это было летом 1930 г. В училище уже знали, что он должен приехать для инспектирования. Не знаю, повезло ли мне или, наоборот, не повезло в тот день, но я оказался дневальным по казарме. К приезду командующего все было, конечно, приведено в идеальный порядок.

Накануне вечером мой товарищ, отправлявшийся в увольнительную, попросил дать ему на время мою буденовку: собственная была ему великовата и постоянно сползала. А его буденовка мне тоже оказалась не по размеру. Вообще, согласно уставной лексике, буденовка официально именовалась «красноармейским шлемом». Порой ее называли «богатыркой», а то и не без некоторой иронии «громоотводом» – из-за ее конического верха. Собственно говоря, буденовкой называли осенне-зимне-весенний вариант этого «шлема», с длинными «ушами», которые в холодную или морозную пору можно было опускать, кутая и шею, и подбородок. А в тот день на мне был летний вариант буденовки, «панамы», с двумя козырьками, спереди и сзади, за что в военной среде он заслужил прозвание «здравствуй-прощай». Так вот, эта «панамы» была не очень удобной: если она была чуть великовата, легко сползала набок. И вдруг утром начальник школы неожиданно объявил, что приезжает сам командующий Ленинградским военным округом Тухачевский. Почему-то все считали, что он поляк, видимо, из-за фамилии, похожей на польскую.

Как на грех, в это утро, выше об этом было уже сказано, я находился в наряде дневальным. Старшина раз пять меня инструктировал, как отдавать рапорт командующему. И вот в летний, жаркий день в полной выкладке, со скаткой через плечо, с винтовкой «у ноги» с примкнутым штыком, с противогазом, да еще в чужой «буденовке-панаме» я находился на своем посту. Естественно, нервничал, командующим был сам Тухачевский, и я все надеялся, что, может быть, занятый более важными делами, он в казарму не пойдет.

...Неожиданно послышались голоса, шуршание песка под ногами. Дверь распахнулась – в помещение вошел Тухачевский, а вслед за ним Межерауп, наш начальник училища Ратауш, Федько и еще несколько мне незнакомых военных «чинов». Тухачевский все-таки решил посмотреть, как живут будущие летчики. Я вытянулся, скомандовал «Смирно!» и, взяв под козырек своей буденовки, строевым шагом подошел к Тухачевскому, отрапортовал. Он, также «взяв под козырек», принял мой рапорт, скомандовал «вольно» и, пожав мне руку, направился осматривать казарму. В то время я, курсант-первогодок, видел Тухачевского только на фотоснимках в «Красной Звезде», да на стенде в Ленинской комнате. Однако мы, курсанты, уже тогда знали, что он бывший гвардейский офицер. Поэтому внешность его невольно привлекла мое внимание и запечатлелась в памяти: сравнительно молодой, красивый человек, выше среднего роста, плотного телосложения, со спокойным, но решительным взглядом своих больших серо-глубоких глаз. Пройдя вглубь казармы, он вскоре вернулся и, о чем-то говоря со своей «свитой», вышел из казармы. Так, я впервые увидел и, если можно так сказать, познакомился с Тухачевским. Разумеется, вряд ли он запомнил меня: в его жизни и боевой службе таких встреч было столь великое множество, что воспоминание о каком-то рядовом курсанте-летчике наверняка не задержалось в его сознании и его памяти. Но для меня это было большое событие – пожать руку живой «легенде».

В 1932 г. я окончил летную школу, стал летчиком и был назначен на должность летчика-инструктора в Чугуевское военно-воздушное училище, входившее тогда в состав Украинского военного округа. В те годы еще не было персональных воинских званий, введенных в Красной армии только в сентябре 1935 г. Поэтому я получил, как тогда определялось существовавшим положением по шкале комсостава, «категорию – 3», или, как обычно обо-

значалось, – К-3. Это было примерно на уровне не выше будущего «младшего лейтенанта». Командиром эскадрильи, в которой я служил, был Руденко, известный в будущем высший авиационный командир, маршал авиации, под командованием которого в составе его 18-й воздушной армии, мне пришлось вновь служить в 1944–1945 гг. Я неплохо показал себя в должности летчика-инструктора: в характеристике, выданной мне, были отмечены мои достижения в этой должности.

Различные впечатления тех лет сохранились в моей памяти. Неоднократно доводилось мне видеть и командующего округом – известного командарма И.Э. Якира, и его заместителя, а затем командующего Харьковским военным округом – бородача И.Н. Дубового.

Ко времени моей второй встречи с Тухачевским я был уже лейтенантом в должности командира звена в авиачасти, расположенной недалеко от Чугуева в Харьковском военном округе (после разделения в 1935 г. Украинского военного округа на Киевский и Харьковский). Оттуда я и был направлен в Москву на Первый всесоюзный слет стахановцев военной авиации в числе лучших летчиков военного округа. Тогда-то мне и довелось увидеть Тухачевского, уже Маршала Советского Союза, во второй раз. Это было в Москве 29 февраля 1936 года.

Слет проводился в клубе (Доме офицеров) Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского. Руководил его проведением начальник ВВС РККА командарм 2-го ранга Я.И. Алкснис.

Чтобы лучше разглядеть «знаменитых людей», я устроился на одном из первых рядов. В президиуме сидели замнаркома обороны начальник ПУР РККА Я.Б. Гамарник (он председательствовал на этом слете и вел заседание), Маршал Советского Союза С.М. Буденный, уже названный мною Алкснис, секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, корпусной комиссар Березкин...

На всех произвела впечатление большая и густая черная борода Гамарника, человека, пользовавшегося огромным авторитетом в войсках. Буденный, выступая, постоянно шутил, при этом, обращаясь к стенографисткам, тут же просил: «Это не записывайте». Его выступление, неоднократно вызывавшее веселое оживление в зале, можно сказать, несколько развлекло присутствовавших.

Неожиданно зал, заполненный молодыми, пышущими здоровьем летчиками, расслабленный шутками только что выступившего Буденного, вдруг настороженно притих. Прошелестело: «Тухачевский, Тухачевский!...» Занимая свои посты, засуетились сотрудники НКВД.

Он появился из-за кулис внезапно и быстро прошел к трибуне. В отличие от привычных для военнослужащих тех лет гимнастеров с португеей, галифе, начищенных до блеска сапог, Тухачевский был в темно-синих брюках навыпуск, в свободном кителе (без ремня, без португеи) с золотыми маршальскими звездами на красных петлицах, с орденами Ленина и Красного Знамени на груди. Тщательно расчесанные на «гвардейский» пробор, гладко прилизанные волосы, дерзкий, слегка надменный (так казалось), но открытый волевой взгляд больших, чуть навывкате, серо-голубых глаз. У нас, молодых командиров, Тухачевский ассоциировался с «киношными» выхоленными офицерами-белогвардейцами из популярного тогда кинофильма «Чапаев». Мы знали, что он был поручиком лейб-гвардии Семеновского полка. Это проявлялось в его осанке, в строевой выправке. Я не помню всего, что он говорил, да, признаться, первые минуты меня привлекало не то, что говорил маршал, а он сам... Тухачевский выступал недолго, минут пятнадцать. Он покинул трибуну и зал столь же стремительно, как и появился. Нам пояснили, что маршал сейчас очень занят. Он не казался нам «своим», как Буденный, но невольно притягивал к себе – ему хотелось подражать».

Поясняя такого рода впечатления, производимые той или иной выдающейся личностью, известный психолог Г. Лебон заметил: «...обаяние может слагаться из противоположных чувств, например, *восхищения и страха*»⁵.

Впечатление, которое произвел Тухачевский на молодого офицера-летчика, на мой взгляд, смыкается с некоторыми штрихами характеристики, данной ему маршалом Г.К. Жуковым, для которого в 30-е годы, несомненно, восхищавший его Тухачевский, кажется, тоже не был «своим». По его мнению, мнению человека «рабоче-крестьянского» происхождения и воспитания, «красного командира» из унтер-офицеров, Тухачевскому «была свойственна некоторая барственность, небрежение к повседневной черновой работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание»⁶. Ворошилов тоже называл Тухачевского «барчонком». Близкий по происхождению, по духу, по своим настроениям Жукову (по его собственным признаниям⁷), комкор И.С. Кутяков свое отношение к Тухачевскому выражал еще более резко (и в разговорах с сослуживцами, и, после ареста, на следствии), называя его «белоручкой», «белой костью» (похоже, вкладывая в определение «белый» и политический смысл), представителем «вновь нарождающейся военной аристократии»⁸. На заседании актива центрального аппарата Наркомата обороны СССР 9 мая 1937 г. А.И. Седякин, близкий друг уже арестованного комкора Кутякова, сообщал, что тот «со страшной ненавистью говорил всегда о Тухачевском: „Это же не наш человек, это – враг. Разве можно ему доверять?“»⁹

Впрочем, все-таки следует отметить и, как мне думается, принципиальные отличия в отношении к Тухачевскому со стороны «красных командиров» рабоче-крестьянского происхождения, выросших из «партизан» Гражданской войны (таких, как Белов, Кутяков, Апанасенко и др.), и молодых «красных офицеров» нового поколения, в званиях лейтенантов – майоров, получивших образование в военных училищах, особенно летчиков, танкистов, артиллеристов. Это были те командиры «новой» Красной армии, «армии моторов», командиры новой формации, которые, будучи воспитанными в основном уже в советское время и, безусловно, «до мозга костей» советскими по мировосприятию, уже позиционировали себя в армии и обществе прежде всего как военных профессионалов. Это были те, кого, отличая и выделяя, Уборевич и Тухачевский называли «культурными командирами».

Место Тухачевского и других «жертв сталинского террора» в хронологической таблице моего поколения, в силу самого хода нашей отечественной истории оказалось необычным. Тухачевский, как другие погибшие в 1937–1938 гг., для меня и моих сверстников оказались современниками. Психологически их гибель воспринималась как случившаяся именно в начале 60-х гг. Биографические сообщения о них в газетах и журналах очень походили на некрологи только что трагически погибших людей. Даже учебник «Истории СССР» для 10-го класса, по которому мы в школе изучали историю советского времени в 1962–1963 г., в значительной части (в разделах, посвященных советской истории 20—30-х гг.) был перепечаткой учебника 1936 г., с тем же портретом Тухачевского в параграфе о советско-польской войне 1920 г. Поэтому Тухачевский и подобные ему «невинные жертвы сталинского террора» стали для меня, для нас (по крайней мере, для большинства) «героями нашего времени».

И еще «*memento mori*» (помни о смерти), как говорили древние. Несомненно, существенную роль в формировании посмертной парадоксальной популярности Тухачевского, его мифологизации и противоречивой сакрализации сыграла его гибель.

Таинство Смерти, являясь, пожалуй, основополагающим в сознании Человека во все времена, рождало мировые религии и рождает ныне религиозные и псевдорелигиозные увлечения и учения новейшего толка. Но лишь таинство неожиданной, неестественной, преждевременной, как правило, насильственной смерти, в результате Великого Случая в

Истории, вторгающегося в жизнь отдельного человека, народа, страны, государства, таит в себе Великий Вопрос, обволакиваемый сакральностью.

В образе смерти, быть может, просматривается и глубинный смысл существования человека, его жизнедеятельности. В определенном мировоззренческом ракурсе это ее итог, результат. Как говорили древние, «*fines coronat opus*» (конец – делу венец). Жизненный путь, прерванный внешними силами, противоестественная и преждевременная гибель человека становятся импульсом для мифотворческой героизации или демонизации личности, обволакиваемой сакральной сумеречностью. «Иисус Христос не был бы Богом, если бы не умер на кресте», – размышлял Наполеон, находясь в изгнании на Святой Елене, по выражению А.С. Пушкина, «мучим казнию покоя», «на своей скале», затерянной в Океане. «Распятие открывает путь в царство самопожертвования, – развивает эту мысль А Мальро. – Разумеется, поступки героя истории не столь однозначны и славою своей он часто бывает обязан разнородным чувствам. Слава Александра Македонского (самого великого в западном мире завоевателя) понятна, а слава Цезаря нет; убийство Цезаря гарантирует ему славу. Если поражение Наполеона не разрушает его легенду, то лишь потому, что остров Святой Елены сделал его собратом Прометея»¹⁰. И Тухачевский обрел сумеречно-восторженное, романтически-призрачное очертание Героя-Демона – и на «на острие шпаги»¹¹ в своей «наполеоновской драме» под Варшавой, и в трагической гибели «на острие Истории».

Таинство гибели Тухачевского, пожалуй, еще долго (если не всегда) будет интриговать людское воображение, открывая ему путь в «обитель богов, героев и демонов», превращая в один из «мифов нашего времени».

Тухачевскому приписывали многие военные деяния в годы Гражданской войны, которые совершали другие «красные маршалы». Его личность мифологизировалась, обретая «архетипические» свойства в мифологизированной структуре Великой русской революции, подобно мифологизации и архетипизации Наполеона, выросшего из Великой Французской революции.

Мифологизация исторической личности являет собой обнаружение в ее поступках, поведении, манерах, жестах архетипических свойств или признаков, присущих образу или архетипу Героя или Бога. Как и Наполеон, возникший из хаоса и террора Великой французской революции, Тухачевский вырос – из русской. В структурно-семантической системе «архетипа Революции», на нее спроецированной, его место и роль оказались особыми. Это был «Бонапарт», не ставший «Наполеоном». Это был «Тухачевский».

Конечно, и в представлении советского человека 60-х гг., и ныне для большинства людей он был и является, как и Сталин, не реально-историческим образом, но мифом и легендой.

Очередная «мифологизация Тухачевского», рожденная хрущевской «оттепелью», сменила легенду о «враге народа» Тухачевском, созданную официальной пропагандой после 1937 г., в свою очередь, в свое время сменившую «героическую легенду» о Тухачевском 20-х – первой половины 30-х гг., рожденную Гражданской войной. Последние десятилетия формировали и формируют новые мифы о Тухачевском.

Чрезвычайное явление Героя в Истории не может не породить драматичную коллизию между прозой исторического реализма и мифологизированной поэзией героического эпоса, в данном случае – эпоса советского прошлого, мифологизированного государственной пропагандой. В поисках выхода из драматизма мировоззренческого противоречия, в стремлении разрешить парадоксы мировосприятия, найти нить, соединяющую реализм истории и нравственный катарсис, рождаемый героическим романтизмом, Пушкин писал о «властители дум» своих – Наполеоне:

...Да будет проклят правды свет,

Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! – Нет,
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.
Оставь герою сердце; что же
Он будет без него? Тиран!¹²

«Исторический» Наполеон является Пушкину в органически-неразрывном единстве его «исторической» и легендарной «испостасей», ибо «наполеоновская легенда», «нас возвышающий обман», непостижимым образом вырастает из феномена «исторического» Наполеона. Именно в таком совмещении таится в Наполеоне его исторический Смысл – в героической «наполеоновской легенде» и его мифе, возникающих из сумрака легендированной туманности, рожденной чрезвычайной Личностью, обволакиваемой этим сумраком.

Историософия Человека трагична по существу своему. И трагедия эта тем величественней, чем значительней сам человек «Широк человек, – не мог умолчать драматизма своего открытия Митя Карамазов, – не мешало бы сузить. Слишком много загадок угнетают на земле человека. Высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как в юные беспорочные годы. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей...»¹³.

Часть I «Феномен Тухачевского»

«Не говорите *иначе нельзя было быть*, – писал Пушкин. – Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оногo глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая*, мощного, мгновенного орудия провидения...»¹⁴.

История – это поток времени, воплощенного в людях. Причинно-следственная, рациональная логика, постоянно, непредвиденно и неожиданно сталкиваясь и переплетаясь с тайной Его Величества Случая, выхватывает из этого потока те или иные личности, а также порождаемые ими или причастные к ним события и явления. Резонируя с тональностью их природных дарований, архетипов подсознания, психокультурным настроем, свойствами интеллекта, подчас именно Случай превращает их в вершителей судеб стран, государств, сотен тысяч и миллионов людей. Потом уже изыскиваются определенные причинно-следственные обстоятельства, которые вроде бы обусловили объективную необходимость этого Случая. Может быть, и так. А может быть, и не так?

Стереотипы Великой Французской революции с ее «робеспьерами», «маратами», «наполеонами», в качестве некоего «нормативного образца» подводимые под события и процессы Российской революции с ее Гражданской войной и ее последствиями, при кажущейся порой внешней схожести, уводят нас в сторону от постижения исторических реалий. Мы оказываемся в плену неких закономерностей, «исторических повторов», более похожих на фатальную обреченность, будто бы господствующую в Истории, отвергающую Несходство, порождаемое вторжением Случая в «историческую закономерность». Но Случай разрушает ее и творит неведомые и таинственные в своей неясности *новые движения* Истории.

В своем знаменитом «Философическом письме» П.Я. Чаадаев отвергал Россию, усматривая в ней, в ее истории и культуре движение в «ложном», «неправильном» направлении, отклонение от якобы «образцовой», «правильной» западноевропейской истории и культуры.

«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, – возражал А.С. Пушкин своему другу, – ...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»¹⁵.

«Поймите же и то, – как бы продолжал, подытоживая, Пушкин в одной из статей, – что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы...»¹⁶.

Наши представления о генезисе и метаморфозах русской революции и ныне не могут вырваться из цепких объятий «Краткого курса истории ВКп (б)»¹⁷, хотя Русская революция много сложнее и противоречивее жестких формул, стесненных его «прокрустовым ложем».

Русская революция, быстро превратившаяся в тотальную всероссийскую анархию, в силу этого, кажется, таила в себе, в самом своем существовании, потребность в ее тотальном обуздании, тенденцию к тоталитарности, к тоталитарной, всеобъемлющей власти.

Множество «вождей», «вождят» и «вождишек» в начальный период революционной анархии неизбежно должен был эволюционировать в гражданскую войну множества сословных и социальных групп и «группок», «группировок». Выросшая из Мировой войны, поставившей под ружье без малого 10 миллионов солдат, «мировая революция», вспыхнувшая в России, не могла не воплотиться в многомиллионном «человеке с ружьем», в том самом, по

выражению К.П. Победоносцева, «лихом человеке», который давно уже «бродил по ледяной пустыне России».

В разлом самодержавно-государственной плотины, разрушенной окончательно Октябрем 1917-го, хлынули эти 10 миллионов молодых, напоенных кровью людей, в своем большинстве умевших лишь убивать себе подобных, привыкших решать социальные, политические и идеологические проблемы при помощи винтовки, штыка, шашки и револьвера.

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше слово,
Товарищ маузер! —

будто в подтверждение сказанному вспоминаются хрестоматийные строчки Владимира Маяковского. А еще вспоминается «красный командир» Дмитрий Жлоба, выхвативший из кобуры, в качестве аргумента, свой револьвер и стрелявший в бывшего белого генерала Я.А. Слащева, когда тот на лекции разбирал неумелые действия корпуса Жлобы летом 1920 г. Хладнокровно, не прячась от выстрелов, Слащев, сам прошедший через «огонь, и воду, и медные трубы» Гражданской войны, неторопливо, с расстановкой и почти не прикрытым издевательством добавил: «Вот, как Жлоба сейчас в меня стрелял, так он и воевал».

Возможно, это предание, мною вольно пересказанное, но, несомненно, предание, отражающее «привычки» «красных» и «белых» героев Гражданской войны.

Не помню, где-то довелось прочесть, как однажды Тухачевский в ответ на просьбу своей дочери-школьницы (в школе было дано какое-то такого рода задание), на ходу, подсказал ей строчки детского стишка:

Читать, писать, считать учиться,
Чтоб получать ответы,
И хорошо еще стрелять,
Чтоб защищать Советы!

Все они лучше всего умели стрелять... Порой мелькнет мысль: не закончилась ли Гражданская война в России лишь в 1937—38 гг., когда ее активные участники, победители и побежденные, наконец перестреляли друг друга?

Русская революция, разлившаяся Гражданской войной по всей России, разорвала ткань прошлого. Лоскуты его, полощась на ветру времени, обнажили распоротое сознание людей, внесли гражданскую войну в их мировосприятие. Порой кажется, что это «окопное состояние» по сей день до конца не покинуло нас. И потому по-прежнему кажутся актуальными строчки М. Волошина из незабываемого 1919 года:

...Одни идут освободить
Москву и вновь сковать Россию.
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.
В тех и других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула.

О том же и не лишены оттенка трагикомичной обреченности впечатления и рассуждения страдающего от гражданской войны «маленького человека» из дневника И. Бабеля:

«Житомир. 3.6.1920... Маленький еврей-философ...: все говорят, что они воюют за правду, и все грабят...»¹⁸.

Каждая сторона билась за «веру», и каждая стремилась захватить Россию. И этот, охваченный всероссийской революционной бурей поток времени, воплощенный в людях, нежданно вынес на гребень своего «девятого вала» и выплеснул на «Россию, кровью умытую»¹⁹ вместе с другими, первоначально порой и более значимыми «революционными вождями» – Сталина и Тухачевского.

«Краснощекие поручики», «бонапарты» и «Тухачевские»

18 (29) октября 1799 г. генерал-фельдмаршал А.В. Суворов оптимистично заверял в письме эрцгерцога Карла: «В Италии оставил я не более 20000 солдат неприятельской армии, но к весне могут ее пополнить крестьяне, а до сего времени совладаем мы с Бонапартами»²⁰.

Так, скорее всего неосознанно, великий русский полководец обозначил и типологизировал новое явление в военной истории, порожденное Великой Французской революцией, обобщив ее революционных генералов именем самого знаменитого из них – «бонапарты».

Революция и Гражданская война в России, устами участников и наблюдателей, внесли свои, российские коррективы в типологию своих «революционных генералов» – и «красных», и «белых, обобщенно называя их «вундеркиндами», «краснощековыми поручиками», «наполеонами», «тухачевскими» (!)²¹.

В советской публицистике времен Гражданской войны восторженно писали о «красных маршалах», ощущая в этом словосочетании пламенное дыхание Великой Русской революции, слыша в воинском чине «маршал» в противоположность «полковникам», «генералам», «фельдмаршалам» эхо Великой Французской революции

Л.Д. Троцкий в одной из своих программных статей по военной доктрине Красной армии вроде бы мимоходом, но явно с особым смыслом заметил, что «бонапартизм вырос из революционной войны»²². Стилистически броское выражение, бесспорным мастером которых являлся Троцкий, явно восходит к менее броскому, но достаточно глубокому осмыслению «бонапартизма» на теоретическом уровне, выраженному К. Марксом:

«Наполеон был олицетворение последнего акта борьбы революционного терроризма против провозглашенного той же революцией буржуазного общества и его политики... Он не был мечтательным террористом. Но в то же время Наполеон рассматривал еще государство как самоцель, а гражданскую жизнь исключительно как казначея и своего подчиненного, который не вправе иметь свою собственную волю. Он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну».

Обращаю внимание читателя лишь на последнюю фразу, несущую основную смысловую нагрузку в контексте всех последующих фактов и рассуждений: «Он завершил терроризм, поставив на место перманентной революции перманентную войну».

А в январе 1920 г. командарм Тухачевский уже сформулировал свою концепцию «революции извне» или «перманентной революционной войны», став ее главным теоретиком и идеологом. «Пролетарское государство становится островом среди моря прочих – буржуазных государств, – писал он. – Социалистический остров в таком море невозможен, буржуазия не может допустить его существования. Он или должен погибнуть под ударами буржуазии, или должен распространить социалистическую революцию путем гражданской войны во всем мире. Диктатура пролетариата, хотя бы из чувства самозащиты, должна поставить целью для своей армии свержение власти буржуазии во всем мире»²³. А в июле 1920 г. – в самый разгар своих побед на Западном фронте, своего стремительного продвижения к Варшаве – Тухачевский, до примитивности просто, сформулировал основные положения своей теории «перманентной революционной войны».

«Главными положениями стратегии классовой, т. е. гражданской войны, на которой приходится строить все расчеты, – писал Тухачевский, – будут таковы: 1) война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата, так как социалистическому острову мировая буржуазия не даст существовать спокойно. Социалистический ост-

ров никогда не будет иметь с буржуазными государствами мирных границ. Это всегда будет фронт, хотя бы в скрытом виде»²⁴. А в январе 1921 г. Тухачевский открыто признал свою концепцию «перманентной революционной войны» «коммунистическим империализмом»²⁵.

Поэтому «краснощекий поручик» Тухачевский стал первым признанным «бонапартом» и «вундеркиндом» в Красной армии: он был первым «переведен в Генштаб» в порядке исключения, без обучения в Академии Генштаба, за особо выдающиеся военные заслуги. Из приказа о его «переводе в Генштаб» становится ясным, какого рода выдающиеся заслуги обуславливали такого рода «почетное звание».

«...М.Н. Тухачевский, – указывалось в приказе, – вступил в Красную Армию и, обладая природными военными способностями, продолжал непрерывно расширять свои теоретические познания в военном деле. Приобретая с каждым днем новые теоретические познания в военном деле, М.Н. Тухачевский искусно проводил задуманные операции и отлично руководил войсками как в составе армии, так и командуя армиями фронтов Республики и дал Советской республике блестящие победы над ее врагами на Восточном и Кавказском фронтах»²⁶. С аналогичной мотивировкой были вслед за ним «переведены в Генштаб» осенью 1920 – летом 1922 г. три других советских «вундеркинда» и «бонапарта»: М.В. Фрунзе, А.И. Егоров, И.П. Уборевич.

Сказанного выше о «краснощеких поручиках», «вундеркиндах», «наполеонах», «тухачевских», «красных маршалах», думаю, вполне достаточно для выведения формулы «феномена Тухачевского», обобщающей это военно-социально-политическое явление, и определения ее в качестве центрального предмета последующих изысканий и размышлений.

«Феномен Тухачевского» обусловлен двумя «историческими контекстами» – «российской мировой революцией» и «Сталиным». Тухачевский был персонифицированным воплощением химеры «коммунистического империализма», не сумевшего втиснуться в «сталинскую шинель» «русского коммунизма». В этом словосочетании основную смысловую нагрузку несла его вторая часть – «империализм». А первая – определение «коммунистический» – имела для Тухачевского лишь «инструментальное» назначение.

Вторжение в мировую историю

«Если мы до зимы не завоюем Урала, – писал Ленин в 1919 г., – то я считаю гибель революции неизбежной»²⁷. Без преувеличения, без агитационно-пропагандистской риторики, идеологической и политической гиперболы белый режим «Омского верховного правителя России» адмирала А.В. Колчака представлял для советской власти главного соперника и конкурента в борьбе за Россию. Огромнейшее пространство Азиатской России, от Урала до Тихого Океана, территориально в несколько раз превышающее европейскую ее часть, насыщенное бесценными и грандиозными по масштабам природными ресурсами, эта большая часть бывшей Российской империи была в состоянии поглотить своего большевистского соперника. Категоричность угрозы, представленной Лениным в цитированной выше фразе, безжалостно отражала смертельную опасность для советской власти и нависшую социально-политическую вариативность для судьбы России.

«Дней восемь назад, в бытность мою в Москве, – сообщал Сталин 3 февраля 1920 г. Буденному и Ворошилову, – я добился отставки Шорина и назначения нового комфронта Тухачевского – завоевателя Сибири и победителя Колчака»²⁸

Пожалуй, Тухачевскому было уже вполне достаточно и этого, чтобы вписать свое имя в Большую Историю, в судьбу России. Уже в этой формуле, определявшей «код» личности Тухачевского, для Сталина все предельно ясно: «завоеватель Сибири и победитель Колчака». В ней присутствуют все основные признаки героического мифотворчества, учитывая свойства мировосприятия малограмотным и неграмотным большинством российского населения: неведомый доселе большинству «герой» с таинственным именем «Тухачевский» обладал основными «героическими» свойствами «завоевателя» и «победителя». Он «победитель» воплощенного Зла (всех трудящихся мира) под таинственным названием «Колчак»; он «завоеватель его царства» – «царства Зла» – «Сибири». Даже в июне 1937го, прерывая маршала Егорова, говорившего о «враге народа» Тухачевском, Сталин не мог не отметить: «Он в 5-й армии неплохо дрался... В 5-й неплохо шел»²⁹. «Герой» или «Демон гражданской войны», как назвал его как-то Сталин?

В 1920 г. непостижимым ли Замыслом свыше или игрою Случая, неисповедимыми ли путями Господними или кознями Дьявола, но удивительным образом именно подпоручик императорской лейб-гвардии Михаил Тухачевский вновь оказался «на острие шпаги»³⁰ Мировой Судьбы, во главе потока Мировой Революции, хлынувшей из России на Запад (ну не насмешка ли истории над Революцией, которую возглавил офицер самого контрреволюционного, императорского лейб-гвардии Семеновского полка, подавлявшего русскую Революцию в 1905 году?!).

Завороженный ее пламенем, вспыхнувшим в России, будто одержимый им, в inferнально-поэтическом вдохновении, замешанном на риторике и ритмике «наполеоновских приказов», Михаил Тухачевский призывал: «Красные солдаты! Устремите свои взоры на запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!»³¹ Звучит будто эхо призыва Бонапарта, обращенного к армии в 1796 г.: «Солдаты! Ваше терпение и храбрость... изумительны... Я поведу вас в самые плодородные равнины мира...»³².

«Красные гунны» во главе с «новым Аттилой», – била тревогу европейская пресса, – стремятся к Рейну, чтобы вновь напоить им своих коней, «жечь города и в церковь гнать табун, и мясо белых братьев жарить!»³³. «Hannibal ante portas!»³⁴ – с тревогой будили Европу

журналисты³⁵. Разумные или безумные, гениальные или бездарные приказы 27-летнего Тухачевского – в этом ли суть, – но они предопределили грядущий вектор российской и европейской, да, пожалуй, и мировой истории. Он оказался, как сказали бы синергетики, в «точке бифуркации»³⁶ Мировой Судьбы. Но случилось «чудо на Висле!». У самой Варшавы, у «варшавских ворот» в Западную Европу «почти победитель, почти Наполеон»³⁷ рухнул в катастрофу и, по собственному признанию, «за один день постарел на десять лет», а «мировая революция», резко изменив вектор движения, устремилась к своему преобразению в «русский коммунизм». Захлебнувшиеся в потоках крови остатки «грядущих гуннов», к которым некогда с нетерпением взывал В.Я. Брюсов, с «новым Аттилой-Тухачевским» во главе, отхлынули в Россию.

Впрочем, ошеломивший Европу июльский «блицкриг» Тухачевского, завершившийся не менее ошеломляющим его катастрофическим поражением под Варшавой, пожалуй, имел гораздо меньшее значение, чем «его Кронштадт».

Если «залп «Авроры», поднявший революционных матросов, «красу и гордость революции», на разрушение «старого мира», ознаменовал начало рабоче-крестьянской Революции в России, то «Кронштадт», оборонявшийся той же самой «красой и гордостью революции», – последний ее залп, возвестившего о ее гибели. Штурмом взяв мятежный Кронштадт, Тухачевский сам превратился в персональный символ «Человека с ружьем», спасшего «русский коммунизм» от гибели. Победа Красной армии в Гражданской войне парадоксально воплотилась в совсем не «красном» «демоне гражданской войны», в аристократе Тухачевском.

Сталин, творец «русского коммунизма», шел к власти и в Большую Историю, как будто не спеша, тихо, по кошачьи неслышно и незаметно, но неуклонно и целенаправленно, ступая в своих мягких кавказских сапогах по ступеням, ведущим к их вершинам, будто бы с черного хода, постепенно овладевая паутиной людских судеб не только на шестой части суши.

И Сталину, и Тухачевскому власть над Россией была нужна, пользуясь выражением Гете, «как мрамор нужен скульптору»³⁸. Сталин безжалостно втискивал Россию в «русский коммунизм». Тухачевский, воодушевленный «коммунистическим империализмом» (его выражение), под знаменем «национал-большевизма» (никогда не произнося этого словосочетания), не менее (а может быть, и более) безжалостно мечтал загнать ее в «казарму красного милитаризма». Но в роковом и судьбоносном 1937-м, в последний раз оказавшись «на острие шпаги», Тухачевский столкнулся с «русским коммунизмом», воплотившемся в Сталине. Не был ли Сталин Судьбой России?

Граф Тухачевский

*...В багровом мареве языческих пророчеств,
Коронной сумрака венчающих закат,
Бесшумный вещей ворон птицей ночи
Шепнет о чем-то смутно, невпопад.
И проскользнут случайно, в беспорядке,
Без логики и смысла, как во сне,
Как впечатленья в призрачном остатке
В глубинах памяти мерцают, как во тьме:
И Кот-Баюн в преданьях Лукоморья,
Варяжские ладьи на цареградском взморье;
Кудесник в свете гаснущего дня
Пророчит князю гибель от коня;
И сад чудес в безумье чародейства,
Лик «Бонапарта» в смуте лицедейства,
И пафос скифства в гуле мятежа,
И на штыке красногвардейца
Христос возникнет в снежной мгле,
На миг, чтоб тут же раствориться,
В тоскливо-монотонном дне.*

С.Т. Минаков

Он «был стройным юношей, весьма самонадеянным, чувствовавшим себя рожденным для великих дел», – вспоминал о будущем маршале друг семьи и его близкий приятель, известный музыкант Л.Л. Сабанеев. – ...В нем было нечто от „достоевщины“, скорее от „ставрогинщины“³⁹. Демонстративный «аристократизм» Тухачевского провоцировал иронию его приятелей по кадетскому корпусу и Александровскому военному училищу, прозвавших его «новоявленным Андреем Болконским»⁴⁰.

«Строевой офицер он был хороший, – оценивал его фронтовое поведение однополчанин, князь Касаткин-Ростовский, – ... хотя не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей. ... Он всегда был холоден и слишком серьезен. с товарищами вежлив, но сух»⁴¹. «Гвардейски-аристократическая», холодноватая надменность Тухачевского бросилась в глаза и Н.А. Цурикову, оказавшемуся с будущим маршалом в одном лагере для военнопленных в Ингольштадте⁴².

Сослуживец, близко наблюдавший его в 1919 г., вспоминал: «Одно время Тухачевский носил ярко-красную гимнастерку, но при этом всегда был в воротничке, в белоснежных манжетах и руки имел выхоленные с отточенными ногтями»⁴³. «Аристократ», по мнению В.М. Молотова⁴⁴. «Он казался всегда несколько самоуверенным, надменным...» – отмечала Г.Серебрякова⁴⁵.

«Аристократизм» был образом жизненного поведения Тухачевского, его общественного самоутверждения, а в условиях советских – нарочито-вызывающей демонстрацией «аристократа в демократии»⁴⁶. Английская пресса еще в 1920 г. утверждала, что «советские главари страшно дорожат присутствием в их среде Тухачевского...»⁴⁷, поэтому он мог позволить себе провоцирующую демонстрацию своего аристократизма. «Он был уверен в себе и собственном влиянии», – заметил генерал М. Гамелен, принимавший его в Париже в фев-

рале 1936 г.⁴⁸ Даже перед Военным трибуналом, судившем его в 1937-м, «Тухачевский старался хранить свой аристократизм и свое превосходство над другими...»⁴⁹.

«Аристократизм» был психоментальной призмой, сквозь которую он воспринимал жизненные, социально-политические ситуации и реагировал на них. «Груз памяти предков» в определенной мере предопределил и его гибель. «Барство Ставрогина всех прельщает – аристократ в демократии обаятелен, – и никто не может ему простить его барства, – будто бы в связи со сказанным чутко полагает Н.А Бердяев. – ...Его трагическая судьба связана с тем, что он – обреченный барин и аристократ. Барин и аристократ обаятелен, когда идет в демократию, но он ничего не может с ней сделать. Только барин и аристократ мог бы быть Иваном Царевичем и поднять за собой народ. Но он никогда этого не сделает, не захочет этого сделать и не будет иметь силы этого сделать»⁵⁰. Несомненно, в периоды политических кризисов в СССР Тухачевский, возможно, ждал «народного призыва», обращенного к нему как к «спасителю Отечества», – и это было то самое «ожидание власти». В этом-то и была его гибельная ошибка.

Согласно официальной родословной Тухачевских, указанной в 6-й части Дворянской родословной книги Московской губернии, род Тухачевских происходил от «графа Индриса»⁵¹, приписанного в Чернигове в княжестве великого князя Мстислава Владимировича, из цесарской семьи. Там (Индрис) крестился, приняв имя Константина. У Константина сын Харитон. Внуки Индриса: Андреян, Осип, Иван, Карп. Андреян и Карп приехали в Москву. От Андреяна и Карпа пошли роды»⁵². Это подтверждал в своем прошении на имя императора Александра I прапрадед маршала Н.С. Тухачевский⁵³. Кратко об этом говорится и в «Общем Гербовнике дворянских родов Всероссийской империи»⁵⁴. О самом «графе Индрисе» в родословных преданиях существовало три версии.

По одной из них, Индрис был литовским воином, жившим в XIV в. По другой – он был воином немецким, тоже жившим в XIV в. Третья, кажущаяся наименее достоверной, но принимавшаяся в качестве официальной, указывала на более древние и благородные корни этого рода.

Согласно этой версии, граф Индрис являлся сыном графа Фландрского Бодуэна (Балдуина) IX, одного из главных предводителей IV-го крестового похода (1202–1204), ставшего первым императором Латинской империи, образовавшейся на территории распавшейся империи Византийской. В сражении с болгарским царем в 1205 г. Бодуэн IX то ли погиб, то ли попал в плен и в плену умер. Во всяком случае, судьба его для современников и потомков оказалась смутной. Согласно родословному преданию, в достоверности которого в семействе Тухачевских никто не сомневался, один из его сыновей, молодой граф Индрис (Генрих), женившись на турчанке, после смерти отца появился в Одессе, тогда входившей в состав Латинской империи (на византийской территории), а затем перебрался на Русь и ок. 1251 г. появился в Чернигове⁵⁵.

Что касается «литовской версии» происхождения «графа Индриса», то косвенный намек на нее сохранился в родословной версии Даниловых. В записках майора артиллерии М.В. Данилова, составленных в 1771 г., со ссылкой на старинную «сказку» (указ), сообщается: «Лета шесть тысяч шестьсот первого года (от Рождества Христова в 1093 году) прииде немец из Цесарского государства в Чернигов, муж честен, имени Индрик, с двумя сыны своими, с Литвинусом да Земодентом, и с ними пришло дружины и людей их три тысячи мужей»⁵⁶. Имена сыновей «графа Индриса», как мы видим, указывают на их литовское происхождение, судя по имени второго сына, – выходцами из Земгалии. Однако литовская экспансия на Северские (Черниговские) земли ранее XIV в. не прослеживается. Дово-

дом в пользу польско-литовского происхождения Тухачевских является их принадлежность к польскому гербу «Гриф, Свобода»⁵⁷.

Родоначальником фамилий герба «Гриф, Свобода», согласно преданиям, был Якса, сын Лешка III, жившего в X столетии и получившего в удел Сербию⁵⁸. Однако на гербе Тухачевских, утвержденном 4 октября 1803 г. и внесенном в 7-ю часть «Гербовника», «выходящая из облак в латах рука в мечом»⁵⁹. Это – четвертая разновидность герба «Погонь», который всегда служит признаком принадлежности к княжескому литовскому дому Гедиминовичей⁶⁰. Как правило, эту разновидность герба «Погонь» разрешалось помещать на гербах «в знак храбрости и отваги»⁶¹.

Следует отметить, что гербы польско-литовского происхождения у дворян, выезжавших из Польши и Литвы и поступавших на службу и в подданство к русским Великим Князьям и царям, в XVI–XVII вв. в Посольском приказе тщательно проверяли по польским гербовникам, чтобы удостовериться в действительной принадлежности дворянина к данному родовому гербу⁶². В этом отношении герб Тухачевских может быть более достоверным основанием для выяснения происхождения их рода, чем родословное сказание о «графе Индрисе». На польско-литовское происхождение рода Тухачевских, казалось бы, указывает сама их фамилия. Впрочем, происхождение фамилии также достаточно любопытно.

О прямых предках маршала, получивших фамилию Тухачевских, в «Общем гербовнике» говорится следующее: «Происшедшие от сего Индриса Богдан и Тимофей, Григорьевы дети, от Великого Князя Василия Васильевича пожалованы вотчинами и селом Тухачевским, и потому Великий Князь прозвал их Тухачевскими»⁶³. Прапрадед маршала Н.С. Тухачевский в прошении на имя императора Александра I о восстановлении в графском титуле уточнял: «Праправнук графа Константина Индриса, Григорий Григорьев сын, от сотворения мира в 6916, от Р.Х. в 1408 г. с сродниками своими и товарищами приехал из Чернигова в Москву к Великому Князю Василию Дмитриевичу. Потом дети сего Григория Богдан и Тимофей от великого князя Василия Васильевича за верную службу пожалованы были в Серпейском уезде селами Скориным и Тухачевским с 20 к ним деревнями, да в Московском уезде в Тухачевской волости 3 деревни, и по оным Великий Князь прозвал их Тухачевскими. Сын Богдана Михаил в царствование царя и Великого Князя Ивана Васильевича... был воеводой на Романове, и потом многие Тухачевские были на службе государевой, во многих посылках при ратных и посольских делах, о чем известно в разрядном архиве, а потом по представленным документам от Московского дворянского собрания в герольдию, герб рода Тухачевских внесен в гербовник российского достоинства»⁶⁴. От отмеченных выше Богдана Григорьевича и Тимофея Григорьевича Тухачевских пошли две основные ветви этого рода: старшая – от Богдана Григорьевича и младшая – от Тимофея Григорьевича, к которой принадлежал и маршал. Однако, прежде чем продолжить генеалогический экскурс, полагаю целесообразным устранить некоторые хронологические сомнения.

Если указанный выше Михаил Богданович Тухачевский был воеводой на Романове при Иване Грозном (т. е. в пределах его правления – 1533–1584 гг.), то его отец, упомянутый выше Богдан Григорьевич Тухачевский, оказался на службе у Московских великих князей не в начале XV в., а не ранее начала XVI в. Этот Богдан Григорьевич Тухачевский, следуя вышеизложенным родословным сведениям, был прапраправнуком Константина-Индриса. При таком расчете времени, Индрис вряд ли мог оказаться на Руси ранее середины XIV в., но никак не в первой трети XII в.⁶⁵ В связи с вышесказанным обратимся к некоторым великокняжеским документам XIV–XVI вв.

В «Духовной грамоте» великого князя Ивана Даниловича Калиты 1327 г. мы читаем: «А се дал сыну своему Андрею: Лопастну, Северьску, Нарунижское, Серпохов, Нивну,

Темну, Голичичи, Шитов, Перемышль, Растовец, **Тухачев**»⁶⁶. Иными словами, Тухачев был в 1327 г. передан во владение его сыну Андрею Ивановичу, который передал его по наследству своему сыну – серпуховскому князю Владимиру Андреевичу Храброму, известному и отважному соратнику Дмитрия Донского в Куликовской битве. Лишь после смерти потомков Владимира Андреевича серпуховского, в 1504 г. великий князь Иван III по своей «духовной грамоте» передал «сыну же своему Юрию... город Брянск с волостями... Да ему же даю город Серпейск с волостями и со всем, что к нему потягло, и волости Замошье, **Тухачев**...»⁶⁷. Князь Юрий Иванович умер в 1536 г. бездетным. Таким образом, лишь после его смерти Тухачев мог получить во владение еще кто-либо. Иными словами, передача Тухачева, Тухачевского стана, Тухачевой волости Богдану Григорьевичу, получившему оттого прозвание Тухачевский, могла произойти не ранее 1536 г., т. е. лишь в первые годы правления Ивана IV. Уместно потому предположить, что родовая легенда удревяет первого представителя самой фамилии Тухачевских с первой половины XVI в. до середины или даже до начала XV в.

В стремлении объяснить этимологию фамилии «Тухачевские» некоторые исследователи полагают, что предки маршала, скорее всего, выходцы из тюркоязычной среды, о чем свидетельствует основа фамилии в виде тюркского слова «ТУХАЧИ», т. е. «знаменосец»⁶⁸. Однако, учитывая приведенные выше сведения о наличии Тухачева уже в первой трети XIV в., задолго до появления фамилии Тухачевских, это слово лежит в основе наименования этого населенного пункта. Сама же фамилия оказывается производной от его названия. Тухачева волость или Тухачев, видимо, могла первоначально принадлежать какому-то татарскому «тухачи», т. е. «знаменосцу», очевидно, в XIII – начале XIV вв. Отсюда и название «Тухачева волость», которая могла быть пожалована одному из предков маршала Тухачевского не ранее 1536 г. Только после этого и появилась сама фамилия. Интересно, что С.Б. Веселовский встретил в документах XVII в. Упоминание о приказчике бояр Шереметевых (в 1609 г.) явно татарского происхождения – Ертусланова по имени Индрис⁶⁹. Имя «Индрис», возможно, является искаженным в русском языке, весьма распространенным в мусульманском мире именем «Идрис». Так что, быть может, «граф Индрис», «выходец из цесарской земли», на самом деле, был по происхождению татарин. В таком случае вполне логичным могло быть сочетание «Индрис Тухач», т. е. «Индрис-знаменосец», получивший земли в Московском уезде, после чего это освоенное и заселенное им местечко стало называться «Тухачев стан» или «Тухачево». Но в таком случае можно полагать, что и все те дворянские фамилии, которые производили себя от «Индриса, выехавшего из цесарской земли», на самом деле происходили от этого самого «Индриса Тухачи».

Впрочем, возможна и иная этимология основы фамилии «Тухачевские». В XVII в. она произносилась и писалась также в вариантах «Тухочевские», а также «Тукачевские». Поэтому не исключено, что в основе фамилии было финно-угорское слово «тукач», что означает «сноп, связка, охалка соломы или льна»⁷⁰. Но, возможно, это слово, «тукач», имеет общеславянский корень «тук» – «жир, сало»⁷¹. Достаточно распространенное мнение, что Тухачевские происходили из польского дворянства, а точнее, из так называемой «Смоленской шляхты», что не удивительно для Смоленщины. Этнокультурный состав «Смоленской шляхты» был весьма сложным: обрусевшие поляки, литовцы, литовские татары, полонизированные русские дворяне из старинных дворянских фамилий. Однако на польское происхождение этой фамилии, несмотря на ее звучание, никаких прямых указаний нет. Не обнаружено и польских, польско-литовских или западно-белорусских, западно-украинских населенных пунктов, с названием, которое могло бы послужить основой для этой фамилии.

Согласно генеалогии старшей ветви Тухачевских, ведущейся от Богдана Григорьевича, у последнего было два сына – упомянутый выше романовский воевода Михаил Богданович и Иван Богданович. Они оба были пожалованы «в Смоленском уезде селом Чижевым да селом

Уткиным с деревнями в двести дворов»⁷². С этого времени они уже считались «смоленскими детьми боярскими», получив свои смоленские вотчины и поместья, очевидно, за службу от царя московского после присоединения Смоленска к Московскому государству (т. е. после 1514 г.).

В «синодике» погибших под Казанью в 1552 г. значится «атаман казаческий» Иван Тухачевский. Был ли это Иван Богданович Тухачевский или его сын Иван Иванович, сказать трудно. В «Родословной» этот факт не отмечен. У Ивана Богдановича Тухачевского было три сына: указанный Иван, Юрий и Астафий (Остап, Евстафий, Остафий)⁷³. В документах XVII–XVIII вв. чаще других встречаются упоминания о потомстве Астафия (Остафия, Остапа, Евстафия) Тухачевского. Известны два его сына Яков Остафьевич Тухачевский, упоминаемый в документах 1609–1644 гг.⁷⁴, и не указанный в «Родословной» Федор Остафьевич Тухачевский, оказавшийся в 1611 г., с падением Смоленска, в польском плену⁷⁵.

После потери Смоленска в 1611 г., а вместе с ним и своих поместий в Смоленском уезде оставшиеся верными русскому царю Михаилу Федоровичу «смоленские дети боярские», в частности Яков Остафьевич Тухачевский, получили от царя взамен, «на службу», поместья в других уездах. Якову Остафьевичу Тухачевскому были пожалованы поместья и вотчины в Кинешемском (в районе Кинешмы), Московском и Костромском уездах⁷⁶. Сын его, Василий Яковлевич Тухачевский, в 1650–1659 гг. упоминается как «дворянин московский»⁷⁷. Он был убит под Конотопом в 1659 г.⁷⁸ Другой его сын, Осип Яковлевич Тухачевский, указан «жильцом» в 1675 г. и воеводой в Чугуеве⁷⁹. В 1677 г. он встречается в документах в чине стряпчего, и в 1677–1692 гг. – стольника⁸⁰. В 1695 г. он участвовал в организации первого Азовского похода⁸¹. Третий сын, Гаврила Яковлевич, в чине стряпчего указан в боярских списках и в боярских книгах 1659, 1668, 1676 гг.⁸² В 1677 г. он был пожалован в стольники, оставаясь в этом чине и в 1692 г.⁸³ Он принял активное участие в русско-турецкой войне 1673–1681 гг.⁸⁴, а затем в 1682 г. воеводствовал в Кевроле на Мезени и в 1697–1698 гг. – в Пензе. Его сын, стольник Яков Гаврилович, упоминается в 1702 г. Эта ветвь Тухачевских пресеклась к 1736 г. со смертью Гаврилы Осиповича Тухачевского и его второго сына Андрея, а их владения перешли ко второй, младшей, единственной оставшейся ветви Тухачевских, к которой принадлежал маршал⁸⁵.

Младшая ветвь рода Тухачевских происходила от Тимофея Григорьевича. Как отмечено в «Родословной Тухачевских», «у Тимофея сыновья: Василий, Богдан, Александр, Данила и Юрий»⁸⁶. Юрий Тимофеевич Тухачевский погиб 24 мая 1571 г. в бою с крымскими татарами. Трое других, «Богдан, Тимофеев сын Тухачевский, с братьями Василием и Данилою переведены в г. Брянск из Серпейска и пожалованы землями в Брянском уезде»⁸⁷. Таким образом, вопреки устоявшемуся мнению, ветвь Тухачевских, к которой принадлежал маршал, была не «смоленской», а «брянской». Владения в Смоленской губернии они получили значительно позднее, вследствие пресечения другой, старшей ветви этого рода (о чем ниже будет сказано отдельно).

Следующим прямым предком маршала был Леонтий Богданович Тухачевский, который, как сказано в «Родословной», «служил по Брянску по выбору» и был «убит под Черниговым»⁸⁸. Из двух его сыновей – Игнатия и Прокофия – первый, Игнатий Леонтьевич Тухачевский, был следующим прямым предком маршала. Он также «служил по Брянску по выбору» и был «убит под Смоленском»⁸⁹. «Брянчанин» «сын боярский» Игнатий Леонтьевич Тухачевский, как и его сын Григорий Игнатьевич Тухачевский, упоминается в «жалованной грамоте» царя Бориса Федоровича Годунова 31 января 1605 г.⁹⁰ Дата гибели И.Л.

Тухачевского под Смоленском в «Родословной» не указывается. Скорее всего, это произошло в 1611 г. во время осады Смоленска польско-литовскими войсками.

У И.Л. Тухачевского было три сына – Афанасий, Михаил (оба погибли в Смоленске в 1611 г.) и Григорий⁹¹. Григорий Игнатьевич Тухачевский (ум. ок 1648) был прямым предком маршала. Выше уже отмечалось, что он как «брянчанин» и «сын боярский» упоминается в «жалованной грамоте» Бориса Годунова от 31 января 1605 г.⁹² Как указано в «Родословной», со ссылкой на официальные документы, «дано ему жалованье по указанной статье 10 рублей и поруки по нем в службе... Григорей про себя сказал жалованье, поместья за ним в

Брянском уезде 126 четей, а крестьян в том поместье 7 крестьян, а 10 бобылей с жалованьем на коне... саблюю, да человек с ним на мерине с пищалью да. окладчики про Григорей сказали: Григорей будь на службе, как сам про себя сказал, так будешь, а что в дачах за Григореем поместье и что за ним крестьян и бобылей, про то окладчики сказали, не ведают...»⁹³. По другим сведениям, полученные им за службу поместья и вотчины в Брянском уезде в 1628 г. – ок 200 десятин пахотной земли и ок. 100 крестьянских дворов⁹⁴ – в 1648 г. были переданы его сыновьям: Ивану Большому Тухачевскому, Ивану Меньшому Тухачевскому и Михаилу Тухачевскому, Роману, Григорию и Филиппу⁹⁵. В 1658 г. эти поместья оказались в распоряжении первых трех⁹⁶, поскольку трое последних погибли в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг.: Роман Григорьевич Тухачевский – под Соколом, Григорий Григорьевич Тухачевский – под Львовом и Филипп Григорьевич Тухачевский – под Мстиславлем⁹⁷. Впрочем, и Михаил Григорьевич Тухачевский, упоминаемый в 1653–1657 гг. в чине «жилца», в 1658 г. – «дворянина московского» и «поручика»⁹⁸, погиб в 1659 г. в сражении под Конотопом⁹⁹.

Упоминание прямого предка маршала – Ивана Большого Тухачевского (ум. 1683) – неоднократно встречается в документах. 29 декабря 1653 г. брянский воевода князь Г. Долгоруков писал царю Алексею Михайловичу, что «послал на Смоленский рубеж в станичные головы брянчанина Ивана Григорьева сына Тухачевского»¹⁰⁰. Этот Иван Большой Тухачевский 29 декабря 1653 г. в качестве стряпчего упоминается в походах царя Алексея Михайловича в 1654, 1664 гг. В январе – июне 1665 г. он был на том же «смоленском рубеже» воеводой в Рославле¹⁰¹. За службу свою в 1660 г. он также получил от царя Алексея Михайловича «в вотчину поместье» в том же Брянском уезде¹⁰². По данным на 1681 и 1682 гг. в «трети» И.Г. Тухачевского было 60 десятин пахотной земли и 31 крестьянский двор¹⁰³.

В отличие от Ивана Большого, верно служившего царю, его брат, Иван Меньшой, в 1644 г. «ходил за литовский рубеж», а во время русско-польской войны в 1664 г. «отъезжал к польскому гетману М. Пану, приходившему войной под Рославль и Брянск» и «с польскими людьми выжег» поместья Ивана Большого¹⁰⁴. Сын Ивана Меньшого Тухачевского, Сергей Иванович, упомянут стряпчим «в полковых начальных людях» в 1692 г.¹⁰⁵ В 1674 г. сын последнего, «Григорий Тухачевский», служил «полуголовой» в стрелецком полку Янова¹⁰⁶.

Ко второй половине XVIII в. остались лишь две генеалогические ветви потомков Петра Петровича Тухачевского, внука

И.Г. Большого Тухачевского. Одна из них – от Федора Петровича Тухачевского – закрепились в Костромском и Кинешемском уездах. Другая – от его брата Семена Петровича Тухачевского – оставалась в Орловской губернии. Его сын, Сергей Семенович Тухачевский, в 1770 г. имел в Брянском уезде будущей Орловской губернии свыше 40 четвертей – остатки некогда достаточно больших земельных владений, принадлежавших его предкам. В 1781 г. он был поручиком и закончил свой жизненный путь 21 ноября 1800 г. в Москве в чине

надворного советника. Интересно, что на его могильной плите написано «барон и кавалер», хотя его претензии на баронский титул нигде и ничем не подтверждаются. Он был женат на Елизавете Петровне Лебедевой¹⁰⁷.

«...У матери моей была сестра Елисавета Петровна Тухачевская, несколькими годами ее старее, – вспоминал Ф.Ф. Вигель, – которой имение, равно как и собственное, умел промотать в уездном городе Ломов¹⁰⁸ муж ее, Сергей Семенович. Во вдовстве и в бедности, спокойно и весело доживала она век у меньшей сестры, матери моей»¹⁰⁹. У них было три сына – Сергей, Николай и Василий.

Второй из них, прапрадед маршала, Николай Сергеевич Тухачевский (1769–1832), по воспоминаниям Ф.Ф. Вигеля, «был человек с высокими притязаниями и низкими пороками, следствиями дурного воспитания и страсти к забавам и роскоши»¹¹⁰. Он начал службу в л-гв. Преображенском полку каптенармусом с 1 января 1785 г. Произведенный 1 января 1788 г. в сержанты, он через год, в 1789 г., перешел в л-гв. Конный полк вахмейстером и 1 января 1790 г. был произведен в корнеты¹¹¹. 1 января 1796 г. он дослужился до ротмистра¹¹². Как близкий к светлейшему князю Г.А. Потемкину (находясь даже в каком-то с ним родстве), со смертью императрицы Екатерины II и восшествием на престол императора Павла I 26 декабря 1796 г. он был уволен в отставку к статским делам и переименован в надворные советники с причислением к Герольдии¹¹³. В 1791 г. он женился на дочери орловского помещика Надежде Александровне Киреевской¹¹⁴. В 1798 г. он был избран Костромским уездным предводителем дворянства и оставался в этой должности до 1800 г. Уволенный от службы 14 июня 1804 г. по состоянию здоровья с награждением чина Коллежского советника (полковника)¹¹⁵, Н.С. Тухачевский вновь поступил на службу и в 1808 г. дослужился до чина статского советника, а в следующем году вышел в отставку¹¹⁶.

«Счастье долго улыбалось ему, – продолжал свои воспоминания Вигель, – он избран был опекуном грудного ребенка, родного племянника и однофамильца жены своей, Надежды Александровны, урожденной Киреевской, у которого было более пяти тысяч душ крестьян. Когда мальчик осиротел, у него не было ни одной копейки долгу; когда же вступил в совершеннолетие, оказалось его до трехсот тысяч рублей; из сего можно видеть, как роскошно и расточительно жил его попечитель.

Сдавши опеку, он не знал, чем жить, и для того пошел опять в службу, хотя был уже не в молодых летах. Ему и тут посчастливилось. Он получил место губернатора сперва архангелогородского, потом тульского¹¹⁷, полез было в гору, но с нее упал под суд»¹¹⁸. Лишившийся своих высоких покровителей, императора Александра I и М.А. Аракчеева, с началом царствования императора Николая I, в 1826 г. Н.С. Тухачевский лишился должности тульского губернатора и оказался под следствием. Полностью разорившийся, «неоправданный и непрощенный», как вспоминал Вигель, «он умер с горя»¹¹⁹.

Его дети воспитывались матерью за счет малолетнего Н.В. Киреевского. Ее слабостью была «страсть ко всему французскому». Обожаемую дочь свою Лизоньку, «которая была мила как ангел», «с помощью мамзелей» она воспитала сентиментальной и романтической и в шестнадцать лет выдала замуж за богатого купца Кусова¹²⁰. Впрочем, в этом замужестве, как отмечает Ф.Ф. Вигель, у Н.С. Тухачевского был, несомненно, свой большой интерес, и не только к купеческому богатству: частым гостем у Кусовых бывал любивший это семейство за простоту нравов Александр I¹²¹. Поэтому Н.С. Тухачевский в 1806 г. и обратился через графа Н.С. Лопухина к благоволившему ему императору со следующим любопытным прошением.

«Всемиловитейший Государь! – писал Н.С. Тухачевский в своем прошении. – Потомок графа Константина Индриса с двумя сыновьями, осмеливаюсь испрашивать у Вашего

Императорского Величества Высочайшего благоволения. Повелите, Всемилостивейший государь, по примеру прочих, лишившихся от насильствия времени издревле принадлежавших предкам их достоинств, возвратить мне и детям моим, сыновьям Александру и Николаю и дочери Елизавете, графское достоинство и фамилию»¹²². И так, Н.С. Тухачевский просил императора официально признать за ним и его потомством графский титул. Очевидно, данное прошение было обусловлено как раз изложением в 7-й части «Общего Гербовника» происхождения Тухачевских – упоминания родоначальника без титула «граф».

«Прошение» Н.С. Тухачевского объяснялось тем, что по указу императора Павла I в число российских князей и графов не вносились русские дворяне, имевшие достоинство «князей и графов Священной Римской империи, русскими государями в сем достоинстве не утвержденные»¹²³. К ним Н.С. Тухачевский причислял и своего родоначальника Индриса, «графа», выезжего из «цесарской земли», т. е. из Священной Римской империи. Император просьбу его не удовлетворил. Однако в самом семействе, кажется, закрепилось убеждение в праве Тухачевских на графский титул в силу происхождения от графа Фландрии Бодуэна (Балдуина) IX.

Кроме упомянутой выше дочери Елизаветы, у Н.С. Тухачевского было два сына. Младший (выше о нем уже говорилось достаточно подробно), Николай Николаевич Тухачевский (1796–1870), начал службу в л-гв. Кавалергардском, а с 1817 г. перевелся в л-гв. Семеновский полк¹²⁴. Дослужившись до чина генерал-майора, в 1847 г. он вышел в отставку и поселился в Орловской губернии, купив по сходной цене поместье у своего двоюродного брата и однополчанина – упоминавшегося выше Н.В. Киреевского (1796–1876) – в с. Работьково Дмитровского уезда¹²⁵. Едва узнаваемая ныне липовая аллея, одичавший сад, пруд и несколько надгробий с фамилией «Тухачевский», по одному из которых, расколов его, пролегла дорожная колея, – все, что осталось и напоминает сейчас о бывшей помещичьей усадьбе. Н.В. Киреевский был близким приятелем Л.Н. Толстого, частым его спутником на охоте. Впрочем, и дед маршала, и его отец также были близко знакомы с великим русским писателем, порой навещая его в Ясной Поляне, иногда с детьми.

Старший из братьев (прадед маршала), Александр Николаевич Тухачевский (1791–1831), как уже говорилось выше, начал службу в л-гв. Семеновском полку в 1810 г. в чине прапорщика, участвовал в Отечественной войне 1812 г., в Бородинском сражении, в зарубежных походах русской армии 1813–1814 гг. Он погиб в 1831 г. в чине полковника и в должности командира Олонецкого пехотного полка во время «польского похода» фельдмаршала Паскевича.

Дед маршала, уже упомянутый выше Николай Александрович Тухачевский (1825–1876), благодаря тому, что его отец был участником Отечественной войны 1812 г., получил образование в Пажеском корпусе. Однако «за неспособностью к военной службе (по состоянию здоровья) выпущен с чином губернского секретаря»¹²⁶. Он начал службу в канцелярии Санкт-Петербургского гражданского губернатора 5 декабря 1845 г. и вскоре был прикомандирован «для занятий к чиновнику особых поручений при МВД действительному статскому советнику Липранди, 1846 г., февраля 17»¹²⁷, т. е. к своему родному дяде по матери. Впрочем, в 1847 г. он был уволен с государственной службы. В последующие годы он занимал выборные должности мирового судьи, уездного предводителя дворянства.

Отец маршала Николай Николаевич Тухачевский (1866–1914) никогда не был на государственной службе, но в Смоленской губернии, в Дорогобужском уезде был известен как активный земский деятель. Матерью Тухачевского, его трех братьев и пяти сестер, была простая крестьянка Мавра Петровна Милохова, что могло породить «комплекс незаконнорожденности», обостряя стремление компенсировать его демонстративным аристократизмом и претензиями на принадлежность к аристократическому, «графскому» семейству. Будущий

маршал официально был причислен к роду отца своего и, следовательно, к дворянству лишь в 8-летнем возрасте, 31 июля 1901 г.¹²⁸

Приведенные выше, весьма подробные сведения о происхождении М.Н. Тухачевского, его родословной, предках свидетельствуют о его принадлежности к старинному дворянскому роду, достоверные сведения о представителях которого восходят к XV–XVI вв. И в этом отношении он не мог чувствовать какую-либо «родовую ущербность» в среде большинства офицеров л-гв. Семеновского полка. Однако он стремился позиционировать себя как личность более знатную по происхождению, как аристократа, ведущего свой род от графов Фландрии. Этим отчасти было обусловлено и его поведение в полковой офицерской среде, и его отношение к своим товарищам, офицерам-однополчанам.

«Наш, семеновец!....»

В связи с надвигавшейся войной и планируемой мобилизацией портупей-юнкер (фельдфебель) 2-го курса Александровского военного училища Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) был выпущен подпоручиком в л-гв. Семеновский полк раньше традиционного срока (обычно это происходило в августе месяце) – 12 июля 1914 г. Как окончивший военное училище 1-м по баллам с занесением фамилии на мраморную доску училища, как лучший по выпуску, он имел право первым из выпускников выбирать полковые вакансии. Он выбрал «свой», л-гв. Семеновский полк. «Свой» потому, что, согласно семейной традиции и семейным преданиям, в полку служили его предки, начиная с формирования этого, наряду с л-гв. Преображенским, старейшего полка русской армии и императорской гвардии.

Согласно воспоминаниям Л. Норд о Тухачевском, в одном из частных и доверительных разговоров сам Тухачевский якобы поведал ей семейное предание, служившее одной из мотивировок его жизненного и военного выбора.

«...Слушай! – говорил он ей. – Военным делом я стал интересоваться очень рано. Этим я заразился от двоюродного деда, который был вояка до мозга костей. Он был генералом. Я всегда смотрел на него с восторгом и с уважением слушал его рассказы о сражениях. Дед это заметил, и раз, посадив меня на колени к себе, мне было тогда лет семь-восемь (следовательно, примерно в 1899–1900 гг. – С.М.), он спросил: «Ну, Мишук, а кем ты хочешь быть?» – «Генералом», – не задумываясь, ответил я. «Ишь ты!» – рассмеялся он. – «Да ты у нас прямо Бонапарт – сразу в генералы метишь». И с тех пор дед, когда приезжал к нам, спрашивал: «Ну, Бонапарт, как дела?» С его легкой руки меня дома и прозвали Бонапартом. В Бонапарты я, конечно, не метил, а генералом, сознаюсь, мне очень хотелось стать. И это было не только из-за честолюбия. Дед перед смертью захотел видеть меня. Я тогда уже был кадетом (1911–1912 гг.). Когда я приехал и вошел к нему, дед указал, чтобы я сел на край кровати. «Ты мне пообещай три вещи, Мишук, – сказал он. – Первое, что ты окончишь училище фельдфебелем. Второе, что будешь умеренно пить, и третье, что окончишь Академию Генерального штаба. Постарайся выйти в Семеновский полк. В Семеновском полку служил с начала его основания при Петре наш предок Михаил Артамонович Тухачевский. Вон там, в бюро, в верхнем ящике, его портрет-миниатюра. Я его дарю тебе, ты на него и лицом похож...»¹²⁹.

Следует заметить, что у Тухачевского действительно был двоюродный дед, его тезка, генерал-майор Михаил Александрович Тухачевский (единственный родной брат деда будущего маршала Николая Александровича Тухачевского). Поэтому в данной части рассказ Л. Норд кажется вполне достоверным. Сложнее с первым из Тухачевских, служивших в л-гв. Семеновском полку, – с Михаилом Артамоновичем Тухачевским.

По прямой линии у Тухачевского вообще не было предков с именами Михаил и Артамон. У Григория Игнатьевича Тухачевского, прямого предка маршала, одного из сыновей звали Михаилом. Однако этот Михаил Григорьевич Тухачевский погиб в сражении под Конотопом в 1659 г.¹³⁰ Еще один Михаил – Михаил Александрович Тухачевский, один из внуков Ивана (Большого) Григорьевича Тухачевского, – жил в XVIII в., поэтому никак не мог быть в числе первых «семеновцев» в конце XVII в. (1683–1695 гг.). Не исключено, разумеется, что кто-то из многочисленных Тухачевских (но не прямых предков маршала и с другим именем) был в первом составе л-гв. Семеновского полка. В одном из архивных документов упоминается поручик Михаил Тухачевский, умерший до 1710 г., у которого было два сына: поручик Игнатий Михайлович и Федор Михайлович Тухачевские¹³¹. Однако в родословной Тухачевских они почему-то не отмечены. Возможно, указанный поручик Михаил Тухачевский и был тем первым из Тухачевских, служивших в л-гв. Семеновском полку, который

фигурирует в рассказе Л. Норд. Во всяком случае, это семейное предание пользовалось полным доверием у Тухачевского.

Однако вполне достоверно то, что родной прапрадед М.Н. Тухачевского, будущий тульский губернатор Николай Сергеевич Тухачевский (1769–1832) служил в «петровской гвардии», начав свою службу с 1 сентября 1785 г., в 16 лет, каптенармусом в л-гв. Преображенском полку и оставаясь в составе полка, уже сержантом, до 1 января 1789 г., когда был переведен вахмистром в л-гв. Конный полк¹³². С 1810 по 1820 гг. в л-гв. Семеновском полку в чине (подпрапорщика – подпоручика) служил родной прадед маршала Александр Николаевич Тухачевский (1791–1831). В составе полка он участвовал в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.¹³³ В л-гв. Семеновский полк из л-гв. Кавалергардского в 1817 г. перевелся и Николай Николаевич Тухачевский (1796–1870), дослужившийся до генерал-майора, младший брат А.Н. Тухачевского¹³⁴.

Таким образом, л-гв. Семеновский полк был для подпоручика М.Н. Тухачевского, оказавшегося в его составе с 12 июля 1914 г., «своим» полком, «семейным». Это была его «полковая семья».

В 1913 году во время Романовских торжеств (празднования 300-летия Дома Романовых) портупей-юнкер М. Тухачевский нес караульную службу в Кремлевском дворце. «Здесь же впервые Тухачевский был представлен Его Величеству, обратившему внимание на службу его и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупей-юнкерского звания. Государь выразил удовольствие, ознакомившись из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского»¹³⁵. По существу, это была прямая императорская рекомендация Тухачевского в гвардию. Видимо, свою роль сыграло и то обстоятельство, что двоюродный дядя будущего советского маршала, Александр Михайлович Тухачевский был камергером Двора Его Императорского Величества. Возможно, была и рекомендация другого родственника, бывшего командира л-г. Преображенского полка генерал-майора Свиты Его Императорского Величества Гадона. Впрочем, подпоручик Тухачевский имел полное право быть принятым в полк и без указанных рекомендаций. Во-первых, как представитель старого «семеновского семейства». Во-вторых, у него был необходимый по выпуску из училища «гвардейский балл», – более того, его фамилия как первого по баллам выпускника училища была по традиции занесена на мраморную доску.

Выпущенный в л-гв. Семеновский полк 12 июля 1914 г. подпоручиком, М.Н. Тухачевский был зачислен в 7-ю роту 2-го батальона «младшим офицером»¹³⁶. В составе 7-й роты было 4 офицера (включая Тухачевского): командир 7-й роты – капитан Петр Николаевич Брок (1875–1931)¹³⁷; младший офицер 7-й роты – поручик А.В. Иванов-Дивов 2-й (1887–1970)¹³⁸, командир 1-го взвода и 1-й полуроты; младший офицер 7-й роты – прапорщик Н.В. фон-Фольборт 2-й (1888–1938), командир 2-го взвода (из запаса)¹³⁹; младший офицер 7-й роты – подпоручик М.Н. Тухачевский (1893–1937), командир 3-го взвода и 2-й полуроты.

1914 год. Бой под Кжешувом¹⁴⁰

Сводный официальный список офицерского состава л-гв. Семеновского полка на начало Первой мировой войны, т. е. на 1 августа 1914 г., в полковых документах отсутствует. «Список по старшинству» офицерского состава л-гв. Семеновского полка 1914 г., сохранившийся в архиве, датируется 1 января 1914 г. Бывший офицер л-гв. Семеновского полка полковник Генштаба А.А. Зайцов, позже профессор и известный военный историк¹⁴¹, в специальной работе, посвященной боевым действиям полка в 1914 г., указывает персональный состав офицеров л-гв. Семеновского полка на 20 августа 1914 г. – на начало боевых действий полка¹⁴².

Согласно официальным сведениям, 31 июля на фронт отправлялись гвардейские артиллерийские части, 1 августа – л-гв. Преображенский полк, а 2 августа – л-гв. Семеновский полк «Полк выступил в поход 2-го августа 1914 года», – подтверждает Ю.В. Макаров¹⁴³, тогда поручик-семеновец, только что возвратившийся в полк из отставки. Правда, в другом месте своих воспоминаний он уточняет, что «из Петербурга полк был увезен эшелонами, которые отошли 31-го июля, 1-го августа и 2-го августа»¹⁴⁴. Как свидетельствует Ю.В. Макаров, «полк выступил на войну, имея в строю по списку 63 офицера»¹⁴⁵.

2-й батальон л-гв. Семеновского полка должен был отправиться на фронт в 6 часов вечера 2 августа 1914 г. А.В. Иванов-Дивов 2-й отмечает, что командир батальона полковник М.С. Вешняков¹⁴⁶ был уже «налицо» и руководил погрузкой батальона в эшелон, с которым и отправлялся к месту назначения¹⁴⁷.

По свидетельству его сестер, «окончание» им «училища совпало с началом мировой войны. Брат сразу же уехал в свой полк»¹⁴⁸. Согласно официальным документам, как отмечалось выше, Тухачевский, как и все юнкера выпускных классов, были выпущены в полки раньше обычного времени: не в августе, а в июле, точнее – 12 июля 1914 г. Следовательно, в полку подпоручик Тухачевский оказался уже в июле 1914 г. Правда, Л. Никулин утверждает (без ссылки на источник информации), что Тухачевский сначала отправился в Петроград, в запасной батальон Семеновского полка, а из Петрограда – на фронт. «Он догнал свой полк в походе»¹⁴⁹. Однако автор предваряет это свое утверждение (как бы мотивируя действия Тухачевского, приведшие его к опозданию в полк) тем, что мать подпоручика потеряла «в одном году (т. е. 1914-м) мужа и любимую дочь»¹⁵⁰. Все биографы вслед за Л. Никулиным повторяют, что подпоручик Тухачевский не успел к сроку, т. е. ко 2 августа 1914 г. и догнал свой полк уже на марше¹⁵¹. Однако известно, что сестра подпоручика умерла до объявления войны, а его отец – в октябре 1914 г. Известно также, что Тухачевский в связи с этим событием покинул полк в начале ноября 1914 г. на несколько дней¹⁵². Похоже на то, что утверждение Л. Никулина и других авторов (просто взявших эти сведения у него) о том, что Тухачевский догонял свой полк на марше, относятся к его возвращению в полк из кратковременного отпуска в ноябре 1914 г., а не к первоначальному отправлению полка на театр военных действий в начале августа 1914 г. Имеется вполне достоверное свидетельство офицера, находившегося вместе с подпоручиком Тухачевским в одном эшелоне. Этот свидетель – младший штаб-офицер 4-го батальона (в августе 1914 г.) л-гв. Семеновского полка капитан князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский¹⁵³.

«Первая моя встреча с Тухачевским, – вспоминал князь, – была в вагоне воинского эшелона, который вез нас на войну. Среди молодых офицеров, еще незнакомых мне, как вернувшемуся из отставки в полк, помню, я увидел совсем юного безусого офицера, совсем маль-

чика (ему тогда было всего 19 лет)»¹⁵⁴. Сам Касаткин-Ростовский находился в составе полка, как тогда отмечалось в официальных полковых документах – «налицо», к 1 августа 1914 г., поскольку он был запечатлен на групповой фотографии офицеров-семеновцев перед отправкой на фронт вместе с командиром полка генерал-майором И.С. фон-Эттером¹⁵⁵. Генерал, как известно, со всем своим штабом отправился на фронт 2-м эшелоном 1 августа 1914 г. Следовательно, Касаткин-Ростовский к 1 августа уже был «в строю», но отправился на фронт с последним полковым эшелоном 2 августа, поскольку этим эшелоном отправлялся на фронт 2-й батальон полка, в составе которого находился подпоручик Тухачевский. Все сказанное выше позволяет утверждать, что младший офицер 7-й роты подпоручик Тухачевский также был «налицо» в составе офицеров своего батальона и входил в число 63-х офицеров полка, отправившихся на фронт 1–2 августа 1914 г.

К вечеру 6 августа 1914 г. 2-й батальон л-гв. Семеновского полка выгрузился на станции Новогеоргиевск, перешел походным порядком в деревню Помекувек, «лежащую в районе фортов, в 2 верстах от крепости», где и расположился лагерем¹⁵⁶.

Вечером 7 августа 1914 г. полк выступил походным порядком на Варшаву. К вечеру 8 августа весь полк сосредоточился неподалеку от Варшавы в деревне Бабице и простоял там до 15 августа 1914 г.¹⁵⁷

15 августа 1914 г. полк прошел через Варшаву, погрузился в эшелон и на рассвете 19 августа прибыл к Люблину. Оттуда «около 1 часа дня (19 августа) батальон (2-й) двинулся походным порядком на деревню Жабья Воля. Около 5 часов дня полк выступил на деревню Майдан-Козицкий»¹⁵⁸. 7-я рота полка была оставлена в деревне Жабья Воля для прикрытия обоза и, простояв там до 22 августа 1914 г., в указанный день двинулась следом за полком.

23 августа 1914 г. в деревне Текели 7-ю роту сменила 16я рота полка, под командованием капитана Поливанова¹⁵⁹. 7-я же рота двинулась на соединение с полком у Уршулина. Рота двигалась медленно. «Петр Николаевич¹⁶⁰ делал это как будто нарочно, – вспоминал, прозрачно намекая на трусость командира роты, поручик А.В. Иванов-Дивов, – чтобы подойти к позиции вечером»¹⁶¹. В этом замечании слышится намек на то, что командир 7-й роты капитан Брок несколько трусил, не желал ввязываться в бой.

Около 3 часов 7-я рота прошла позицию 2-й батареи 1-й л-гв. Артиллерийской бригады, которую прикрывала 5-я рота полка, которой командовал капитан Тавильдаров. В этот же день начались вялотекущие боевые действия полка у Уршулина.

Однако 24 августа 1914 г. в бою у Уршулина был ранен в руку командир 7-й роты капитан П.Н. Брок. Он эвакуировался в тыл и передал командование ротой поручику Иванову-Дивову (как старшему в чине и командиру 1-го взвода и 1-й полуроты)¹⁶². Соответственно, 24 августа изменилось и должностное положение остальных офицеров роты: подпоручик Тухачевский стал командиром 1-го взвода и 1-й полуроты и заместителем командующего 7-й ротой. Кто стал командиром 3-го взвода, Иванов-Дивов не сообщает. Скорее всего, это был вольноопределяющийся младший унтер-офицер барон Шиллинг¹⁶³, вскоре произведенный в прапорщики.

Бои в районе Уршулина продолжались до 27 августа. В ходе этих боевых действий был ранен командир 5-й роты капитан Тавилдаров и смертельно ранен поручик Тигерштедт¹⁶⁴. К ночи 27 августа 7-я рота вместе со всем полком остановилась на ночлег в деревне Воля Голендзовская¹⁶⁵. На следующий день, 28 августа, л-гв. Семеновский полк выступил в направлении деревни Закржувек-Карпиювка, где попал под жестокий обстрел¹⁶⁶. 29 августа полк передислоцировался в деревню Войцехов, а на следующий день (30 августа) продолжил движение и 31 августа вступил в Теневские леса, а к вечеру того же дня вышел к деревне

Гута Кржешовская¹⁶⁷. Утром 2 сентября полк подошел к Кржешову¹⁶⁸, где и произошел бой, в котором отличился подпоручик Тухачевский, получивший после этого боя известность во всей 1-й гвардейской пехотной дивизии.

Некоторые биографы считали обстоятельства боя под Кржешовом и его последствия, назовем так, «первым сигналом», вызвавшим неприязнь к режиму и посеявшим сомнения в его справедливости в сознании подпоручика л-г. Семеновского полка Тухачевского. «... Под Кржешовом – первое дело, где выявилась безоглядная храбрость Тухачевского, – писал в своем очерке, ему посвященном, Р.Б. Гуль. – Кржешов приказано было взять. Фронтальный бой семеновцев с австрийцами был горяч, упорен, безрезультатен. Командир приказал второму батальону, в шестой роте которого был Тухачевский, идти в обход австрийскому флангу. Батальон обход сделал быстро, незаметно, глубоко и в решительный момент боя неожиданно появился во фланге австрийцев. Австрийцы смялись, кинулись в отступление, стараясь только взорвать мосты через Сан. Но один из деревянных, приготовленных к взрыву мостов стал «лодийским мостом»¹⁶⁹ Михаила Тухачевского. С 6-й ротой Тухачевский бросился на горящий мост; по горящему мосту пробежала пехота, преследуя смявшихся австрийцев, и пошла в атаку на том берегу. Были взяты пленные и трофеи. В бригаде, в дивизии, в корпусе оценили дело под Кржешовым. О юном подпоручике заговорили однополчане. Но первое дело не только не удовлетворило, а озлобило Тухачевского. Командир полка вызвал капитана Веселаго¹⁷⁰ и подпоручика Тухачевского, пожимая руки, сообщил, что представляет к наградам: командира роты к Георгиевскому кресту, младшего офицера к Владимиру 4 степени с мечами. Безусый, молчаливый, красивый подпоручик не понравился командиру. Тухачевский счел себя явно обойденным. Захват горящего моста приписывал только себе и этого не скрыл на отдыхе за обедом в офицерском собрании»¹⁷¹. Именно Гуль сделал из данного события многозначное умозаключение: «Очень может быть, что даже дорого обошелся старой России этот Владимир с мечами. Он стал первым недовольством Тухачевского старой армией, замершей в иерархии и бюрократизме, не оценивающей «гениальных способностей» будущего красного Бонапарта»¹⁷².

Совершенно очевидно, что одним из главных источников сведений об этом событии из биографии Тухачевского, полученных Р.Б. Гулем, был князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский. Прочитую его собственное описание этого боя.

«Первый раз заговорили о Тухачевском, – вспоминал князь, – при взятии нами города Кржешова. Второй батальон, в 6-й роте которого находился Тухачевский, сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведущих с остальными нашими батальонами фронтальный бой, и принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что не успели взорвать приготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку. По этому горящему мосту, преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные. За этот бой командир роты капитан Веселаго получил Георгиевский крест, Тухачевский – Владимира 4 степени с мечами, чем явно был недоволен, считая, что Георгия заслужил он. С этих пор о Тухачевском начали говорить и интересоваться им»¹⁷³.

Напомню, что князь Касаткин-Ростовский, однокашник капитана Веселаго по Паже-скому корпусу, и достаточно подробно описал обстоятельства боя на Кржешовском мосту, потому что мог получить о нем информацию от самого командира 6-й роты. Можно полагать, что это было, собственно говоря, описание боя со слов капитана Веселаго. Судя по одному

из фронтовых эпизодов, имевших место за день до боя под Кжешувом, капитан Веселаго с симпатией относился к молодому подпоручику Тухачевскому¹⁷⁴.

Попытку дать объективное изложение и оценку боя под Кржешувом 2 сентября 1914 г. сделал и другой однополчанин Тухачевского – полковник А.А. Зайцов, известный в эмиграции русский военный историк и ученый.

Зайцов так излагал события: «Взять в лоб Кржешовский тет-де-пон, однако, несмотря на потери и доблестное фронтальное наступление наших батальонов, было нам не по силам. Слава Кржешовского боя, разделенная всеми его участниками, все же в особенности принадлежит нашему 2-му батальону, командир которого полковник Вешняков решил, по собственному почину, обойти Кржешовский тет-де-пон и атаковать его с юго-востока, прорываясь вдоль Сана к переправе. Командир 6-й роты капитан Веселаго, во главе своей роты, бросился на горящий мост и, перейдя по нему р. Сан, овладел переправой. Кржешов пал и Семеновцы перешли через р. Сан, захватывая пленных, пулеметы и трофеи. Смелый почин нашего 2го батальона и удар 6-й роты дали нам Кржешовский тет-де-пон и сломили фронт сопротивления австрийцев по Сану»¹⁷⁵. Как результат этой частной победы, этого тактического успеха – «на следующий день, 3 сентября, 1-я австрийская армия оставила фронт р. Сана и начала свой отход на подступы к Кракову, за реку Дунаец (в западной Галиции)»¹⁷⁶.

Зайцов даже не упоминает подпоручика Тухачевского. Возможно, ему казалось неэтичным вспоминать об «изменнике». Во всяком случае, из его изложения события вытекает, что инициатива захватить мост возникла на месте, в конкретно сложившейся ситуации, на страх и риск командира 6-й роты.

В газете «Русское слово» пусть с неточностями, но изложено было «свежее» впечатление о событии и его главных действующих лицах. «Подпоручик Тухачевский и поручик Веселаго, – сообщал корреспондент газеты, – взорвали мост в тылу у неприятеля, судьба героев неизвестна»¹⁷⁷. Следует обратить внимание на примечательный штрих в тексте заметки: первым из «героев» упомянут младший по чину офицер, подпоручик Тухачевский, хотя боевое событие изложено неверно. Во всяком случае, это значит, что корреспонденту газеты был передан (или в донесении излагался) подлинный, первоначальный «рельеф» события, не отредактированный сознанием мемуаристов и военных историков под влиянием идейно-политических установок, личных симпатий и антипатий. У Тухачевского, видимо, имелись определенные мотивы выразить недовольство в распределении наград «героям» события. Впрочем, описание события всеми тремя указанными авторами и первоисточниками грешат ошибками, порой весьма серьезными.

Первая, может быть, кажущаяся непринципиальной, заключалась в том, что Тухачевского называют младшим офицером 6-й роты, хотя, как отмечалось ранее, он был младшим офицером 7-й роты. 2 сентября 1914 г., когда происходили боевые действия под Кжешувом, командующим¹⁷⁸ 7-й ротой был поручик Иванов-Дивов 2-й, а его помощником, командиром 1-го взвода и 1-й полуроты, являлся подпоручик Тухачевский. Поэтому, вопреки утверждению Касаткина-Ростовского, Тухачевский и 2 сентября, и в последующие месяцы оставался офицером 7-й роты, а не 6-й. Это может показаться мелочью, однако в описании событий Кжешувского боя – весьма существенной, а именно: во взятии Кжешувского моста, вместе с 6й ротой капитана Веселаго, принимал участие младший офицер 7-й роты подпоручик Тухачевский, т. е. – и 7-я рота или ее часть!

«Я не совсем ясно понял общую обстановку, – признавался Иванов-Дивов-2, вспоминая и детально описывая боевую ситуацию 2 сентября 1914 г. – Знал только, что перед нами река Сан, что правее нас высоты Кржешова атакуют преображенцы, а мы должны атаковать подступы к Сану левее Кржешова... Моя рота была направляющей...»¹⁷⁹. Таким образом,

как свидетельствует поручик А.Н. Иванов-Дивов-2, приказа взять мост через р. Сан от вышестоящего (батальонного) начальства не поступало, однако «направляющей» была 7-й рота.

«Тухачевский пошел первым, – продолжал Иванов-Дивов свое описание хода боя. – Болото было вязкое, и люди проваливались по колено в грязь. Тухачевский очень успешно развернул взводы и, дав направление, повел их вперед перебежками повзводно...»¹⁸⁰. Из процитированного фрагмента воспоминаний следует, что в авангарде наступавшей 7-й роты шел подпоручик Тухачевский – во главе «взводов» (а не одного взвода).

Далее Иванов-Дивов уточняет: «Подпоручику Тухачевскому я приказал с первым взводом выдвинуться перед ротой и выслать дозоры к Кржешову и к Сану. От Тухачевского и его движений я уже до самого конца боя никаких донесений не получал, и мне он оказался совершенно бесполезным»¹⁸¹. Последнее замечание Иванов-Дивов сделал явно в оправдание своих ошибочных действий по командованию ротой, которые помешали именно 7-й, а не 6-й роте капитана Веселаго захватить Кжешувский мост. Дело было в том, что, вместо того чтобы последовать за Тухачевским и 1-м взводом со всей ротой, Иванов-Дивов приказал солдатам открыть бессмысленный и совершенно неэффективный огонь по противнику, что признается и самим поручиком Ивановым-Дивовым: «В это время подошла 8-я (рота), и Мельницкий (ее командир)¹⁸², соблазнившись моим дурным примером, тоже рассыпал свою роту в цепь и открыл огонь. Все это длилось добрых 15–20 минут»¹⁸³. Эта бессмысленная стрельба прекратилась только благодаря вмешательству командира 6-й роты капитана Веселаго.

«За 8-й подошла 6-я рота Веселаго, – вспоминал в связи с этим Иванов-Дивов. – Феодосий Александрович указал мне на бесполезность нашего огня и сказал мне, что он продолжает движение на Кржешов. Я предупредил его о том, что мой взвод с Тухачевским впереди, и сказал, что и я прекращаю огонь и иду за ним»¹⁸⁴. Так, на поддержку 1-го взвода Тухачевского спешила не его, 7-я рота, а 6-я рота Веселаго. Далее, касаясь самого главного в этом деле, Иванов-Дивов свидетельствует несколько противоречиво.

«Тухачевского я не видел, где он пропал, я не знаю, – вновь в завуалированной форме Иванов-Дивов стремится бросить тень на поведение своего товарища. – Отделенный унтер-офицер первого взвода Карпусь как мог подробно доложил о действиях взвода. Вот что я от него узнал: оторвавшись от роты и *не встречая сопротивления*, взвод... подошел к домам Кржешова у самого моста. Площадь перед ним была заполнена отступающими австрийцами. Взвод рассыпался между домами и открыл огонь. Австрийцы бросились к мосту. Группа пехотинцев тащила два пулемета. Будучи обстреляны, они сдались, и взвод захватил оба пулемета»¹⁸⁵. Таким образом, Иванов-Дивов сам свидетельствует, что именно 1-й взвод под командованием Тухачевского захватил Кжешувский мост и 2 исправных пулемета, за что, согласно «георгиевскому статуту», командиру взвода, в данном случае подпоручику Тухачевскому, был положен орден Св. Георгия 4-й степени¹⁸⁶.

«В это время подошла 6-я рота капитана Веселаго, который сразу направил ее к мосту, уже свободному от австрийцев, – признает, таким образом, Иванов-Дивов, что Веселаго со своей 6-й ротой подошел к Кжешувскому мосту, когда он был уже занят и очищен от австрийцев 1-м взводом Тухачевского. – В это же время раздался взрыв. Мост был взорван в средней его части. Настил моста провалился вниз, но перекладины его сдержали, и он повис над водой. Феодосий Александрович бросился с людьми на мост. Рубя шашкой бикфордовы шнуры, тянувшиеся к привязанным пучкам соломы, срывая их руками, чтобы остановить пожар, он со всей ротой перебежал на ту сторону реки и открыл огонь по убегающим австрийцам...»¹⁸⁷. Несомненно, действия капитана Веселаго были отважными и находчивыми, за что ему, безусловно, полагалась высокая награда. Однако вспомним рассказ

князя Касаткина-Ростовского о захвате Кжешувского моста, как он услышал его от капитана Веселаго.

«Тухачевский, – рассказывал князь, – сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведших с остальными нашими батальонами фронтальный бой, и принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что *не успели взорвать* приготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку»¹⁸⁸. Таким образом, Веселаго и князь Касаткин-Ростовский признавали, что мост был захвачен Тухачевским и его взводом и что австрийцы хотели, *но не взорвали мост*, успев лишь поджечь его, о чем далее рассказывал князь.

«По этому горящему мосту, – продолжал князь, – преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные».

Таким образом, сравнивая описание боя у Касаткина-Ростовского и Иванова-Дивова, следует отметить, что, во-первых, князь ошибочно «зачислил» Тухачевского в состав 6-й роты. Во-вторых, уже после захвата моста взводом Тухачевского и выходом его на другой берег, «вбежала на другой берег 6-я рота». И хотя Касаткин-Ростовский поясняет: «со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским», из предшествующего его повествования следует, что Веселаго оказался на мосту, после того как Тухачевский уже прошел по нему со своим взводом. Сознательно или неосознанно, но князь противоречит сам себе, затушевывая приоритет Тухачевского во взятии Кжешувского моста. В-третьих, Касаткин-Ростовский, а значит, Веселаго, не подтверждает свидетельство Иванова-Дивова о взрыве. Он говорит лишь о том, что мост горел и что капитан Веселаго и его солдаты «мост затушили, перерезали провода». Вряд ли можно заподозрить капитана Веселаго в обмане. А вот Иванов-Дивов свидетелем того, что происходило в тот момент на мосту, не был, поэтому мог быть вполне введен некоторыми «свидетелями» в определенные «преувеличения» (не хочется думать, что он преднамеренно слукавил).

Завершая свои воспоминания о бое на Кжешувском мосту, поручик Иванов-Дивов 2-й пишет: «С согласия полковника Вешнякова я написал рапорт о представлении Тухачевского к Георгиевскому оружию, но штаб полка ограничился представлением к Владимиру 4-й степени. Конечно, мне это казалось несправедливым: ведь два пулемета были взяты его взводом и перешел он мост вместе с Веселаго, который получил за это вполне им заслуженный Георгиевский крест»¹⁸⁹.

Как выше уже отмечалось, за захват двух пулеметов противника, согласно действовавшему в царской армии «георгиевскому статуту», Тухачевского полагалось наградить орденом Св. Георгия 4-й степени. Поэтому «согласие полковника Вешнякова» на представление Тухачевского к Георгиевскому оружию изначально было нарушением этого статута. Очень похоже на то, что сделано было такое представление преднамеренно, с уверенностью, что в вышестоящих инстанциях уровень награды будет обязательно снижен и Тухачевский никакого Георгиевского оружия не получит, а получит в лучшем случае орден Владимира 4-й степени с мечами. «Тухачевский... явно был недоволен, считая, что Георгия заслужил он»¹⁹⁰. По свидетельству капитана Ю.В. Макарова¹⁹¹, «от огорчения и злости будущий маршал заплакался»¹⁹². Однако «с этих пор о Тухачевском начали говорить и интересоваться им»¹⁹³.

Поэтому получилось так, что Иванов-Дивов по-своему «отомстил» своему товарищу и подчиненному, который весьма критично относился к нему как командующему ротой, равно как и за его ошибки и просчеты в руководстве ротой во время боя за Кжешувский мост.

Конечно, вряд ли можно считать, что с описанного выше события и допущенной несправедливости по отношению к Тухачевскому со стороны вышестоящего командования в его сознании зародились «революционные мысли», обусловившие в дальнейшем его переход к большевикам. Тогда его недовольство выразилось лишь в возмущении порядками, бытовавшими в гвардии. Вспоминая разговор в «халупе с глиняным полом», где на соломе устроились на ночлег офицеры 7-й роты вечером 10 сентября 1914 г., поручик А.В. Иванов-Дивов 2-й писал: «Легли мы все рядом: Тухачевский, я, Фольборт и барон Шиллинг (вольноопределяющийся младший унтер-офицер. – С.М.). не помню, с чего начался разговор, но вдруг Тухачевский заявил: „Считаю совершенно абсурдным то, что в гвардии нет производства за отличие и что надо идти в хвосте за каждой бездарностью, которая старше тебя по выпуску“»¹⁹⁴.

Несомненно, это высказывание было почти незавуалированно направлено в адрес поручика Иванова-Дивова 2-го и звучало оскорбительно, хотя его фамилия и не была названа, а заявление Тухачевского вполне обоснованно: действия поручика Иванова-Дивова 2-го в качестве командующего 7-й ротой обнаружили его практически полную несостоятельность как командира. Но бурное возмущение поручика было естественно. «Меня это взорвало, – вспоминал он, – Фольборт, наверное, помнит наш разговор на соломе в полутемной освещенной свечкой халупе, у меня же он остался в памяти до сих пор»¹⁹⁵. Фольборт, конечно, не мог помнить этого разговора, поскольку был расстрелян в Ленинграде в 1938 г., как и Тухачевский годом раньше¹⁹⁶. По собственному признанию, на следующий день, 11 сентября, перед отъездом из полка поручик Иванов-Дивов 2-й доложил об этом заявлении Тухачевского, как и в целом о его поведении командиру батальона полковнику Вешнякову¹⁹⁷. Вряд ли такие действия командующего 7й ротой, с красноречивой негативностью характеризовавшие подпоручика Тухачевского, могли способствовать его военной карьере. Пожалуй, аналогичную оценку действиям Тухачевского его непосредственный начальник дал и начальнику 1-й Гвардейской пехотной дивизии генералу Олохову, с которым случайно столкнулся после боя за Кжешувский мост.

«Уже темнело, – вспоминал Иванов-Дивов этот эпизод. – Перейдя мост, я встретил группу конных офицеров, которые оказались штабом дивизии, с генералом Олоховым во главе. Генерал, увидя меня идущим со стороны Сана, подозвал и стал расспрашивать о подробностях захвата моста. Я доложил все, что видел и знал. Уже в Болгарии, будучи в эмиграции, капитан Гуцин рассказал мне, что на основании моего доклада в ту же ночь начальник дивизии послал донесение в штаб корпуса о действиях нашего полка в этом бою»¹⁹⁸. Во всяком случае, никаких революционных мыслей, даже намек на них, в связи с недостаточно высокой оценкой его подвига, Тухачевский не обнаружил.

«...Первый боевой успех, – характеризуя личность и поведение молодого подпоручика-однополчанина после Кжешувского боя 2 сентября 1914 г., вспоминал князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский, – конечно, вскружил ему голову, и это не могло не отразиться на его отношениях с другими. Его суждения часто делались слишком авторитетными: чуждаясь веселья и шуток, он всегда был холоден и слишком серьезен, что совсем не было свойственно его возрасту, часто с апломбом рассуждая о военных операциях и предположениях; с товарищами был вежлив, но сух, что особенно бросалось в глаза в нашем полку, где все жили одной дружной семьей»¹⁹⁹.

Ночной бой под Ломжей, плен и возвращение в полк

Как складывались боевая деятельность, служебное положение и должностная карьера подпоручика Тухачевского после боя за Кжешувский мост, исходя из донесений поручика Иванова-Дивова 2-го сказать трудно. Он был назначен командующим 7-й ротой 11 сентября 1914 г. (после эвакуации поручика Иванова-Дивова в тыл), как старший в чине и кадровый офицер. Некоторое представление о боевой деятельности подпоручика Тухачевского после 11 сентября 1914 г. могут дать лишь фрагментарные воспоминания его сослуживцев.

«Вспоминается эпизод, относящийся к сентябрю – октябрю 1914 года, – рассказывал капитан барон А.А. Типольт²⁰⁰. – Полк занимал позиции неподалеку от Кракова, по правому берегу Вислы. Немцы укрепились на господствующем левом берегу. Перед нашим батальоном посредине Вислы находился небольшой песчаный островок. Офицеры нередко говорили о том, что вот, дескать, не худо бы попасть на островок и оттуда высмотреть, как построена вражеская оборона, много ли сил у немцев... Не худо, да как это сделать?

Миша Тухачевский молча слушал такие разговоры и упорно о чем-то думал. И вот однажды он раздобыл маленькую рыбацкую лодчонку, борта которой едва возвышались над водой, вечером лег в нее, оттолкнулся от берега и тихо поплыл. В полном одиночестве он провел на островке всю ночь, часть утра и благополучно вернулся на наш берег, доставив те самые сведения, о которых так мечтали в полку»²⁰¹. Как часто это с ним происходило, решение предпринять описанные выше действия Тухачевский принял и осуществил без санкции со стороны начальства. Поэтому понятно впечатление барона Типольта: «Я и сейчас вижу Мишу Тухачевского, вылезавшего из лодки. Он неуверенно улыбается, еще не зная, что его ждет – то ли поощрение, то ли нагоняй начальства»²⁰². Попытаюсь уточнить датировку этого эпизода.

А.А. Зайцов пишет, что «31 октября полк, одним переходом (около 20 верст), перешел к р. Среняве и стал квартиро-биваком в селе Милочице-Сломнички, в 16-ти примерно верстах от города Кракова и в каких-нибудь 10 всего лишь верстах от передовых фортов Краковской крепости»²⁰³. Зайцов сообщает, что на этой позиции полк простоял 1 и 2 ноября. Затем он должен был начать движение в направлении Силезии, «двигаясь мимо крепости Кракова»²⁰⁴. Однако в силу изменения оперативной обстановки «в ночь на 4-е ноября полк повернул обратно и развернул 2-й и 3-й батальоны в районе Нов. Весь (штаб полка) – Пржебыславице, но уже фронтом не на запад, а на юг, против угрозы австрийцев со стороны Кракова»²⁰⁵. С утра 4 ноября начались активные боевые действия у посада Скала. Учитывая описание событий с 31 октября по 4 ноября 1914 г. А.А. Зайцовым и характер боевых событий в этот промежуток времени, можно предположить, что ситуация, благоприятствовавшая описанному выше эпизоду, скорее всего, должна была иметь место ориентировочно 1–2 ноября. Затем, 4 ноября, начался бой у посада Скала, который продолжался 5 и 6 ноября. Во время этого боя 5 ноября прапорщик барон Типольт был ранен²⁰⁶. Видимо, этим и объясняется временная лакуна в его воспоминаниях о Тухачевском.

Уже неоднократно цитировавшийся В.Н. Посторонкин в своих воспоминаниях утверждает, что «5 ноября 1914 года под посадом Скала Тухачевский был ранен и эвакуирован в город Москву. Здесь автор, тоже раненый, в последний раз встретился с Тухачевским, который особенно восторженно говорил о своих боевых действиях, о том, что он известен уже в целой дивизии. В его глазах светился огонек затаенной досады – его заветная мечта о получении ордена Св. Георгия 4-й степени не осуществилась»²⁰⁷.

Сведения Посторонкина о ранении Тухачевского 5 ноября 1914 г. под посадом Скала весьма сомнительны. Дело в том, что полковник л-гв. Семеновского полка указывает полковые потери и называет персонально офицеров, которые были убиты или ранены в этом бою: командующий 13-й роты поручик Коновалов 1-й, был ранен младший офицер пулеметной команды прапорщик барон Типольт²⁰⁸, несколько ранее, 4 ноября, был ранен младший офицер 2-й роты прапорщик Тимашев²⁰⁹, а 6 ноября был убит младший офицер 9-й роты подпоручик барон Витте²¹⁰. Эти офицеры указаны в официальных данных о потерях полка убитыми и ранеными офицерами. Как видим, подпоручика Тухачевского среди них нет. В «Списке по старшинству (в чинах)... к 1 января 1916 г...», составленному уже после того, как Тухачевский «19 февраля пропал без вести в бою под г. Ломжей» (так сказано в данном документе), сказано: «В кампании 1914—15 был, ранен и контужен не был»²¹¹. Таким образом, сведения Посторонкина о ранении Тухачевского 5 ноября у посада Скала недостоверны. Однако в отпуске в Москве в ноябре 1914 г. Тухачевский был. По воспоминаниям его сестер, «только осенью 1914 года он на день или два вырвался в отпуск»: «Приезд этот был обусловлен смертью отца. Мы не сообщали Мише о постигшем нашу семью горе, но он сам почувствовал неладное и при первой же возможности приехал в Москву»²¹². Очевидно, это произошло действительно после 5 ноября 1914 г. Тогда-то он и встретился с Посторонкиным, который почему-то полагал, что отпуск Тухачевского связан с ранением. Думается, что кратковременный отпуск в Москву подпоручик Тухачевский получил за отличия в боевых действиях, а также в связи с определенным затишьем на фронте л-гв. Семеновского полка.

«Собравшись в Миноге, полк получил заслуженный отдых за славные 4–5 ноября, — пишет А.А. Зайцов. — ...7-го ноября был переведен в Имбрамовице в резерв за левый фланг нашей дивизии...9-го полк был двинут (все время оставаясь в дивизионном резерве) еще севернее в Лабзову, а 10-го ноября вновь вернулся в с. Имбрамовице...Совершенно для нас неожиданно утром 11-го ноября мы были, однако, двинуты на фронт для поддержки и смены понесших громадные потери лейб-гренадер в с. Задрожье»²¹³. Однако сильные морозы парализовали боевую активность с обеих сторон. Меняя позиции, время от времени оказываясь в обстановке вялотекущей перестрелки с противником, в ночь с 1-го на 2-е декабря 1914 г. полк «получил приказ об отходе»²¹⁴. После четырех форсированных переходов, отступая, 3 декабря полк стал на ночлег в с. Сухове, где был получен приказ о переходе гвардии в резерв Верховного Главнокомандующего²¹⁵. 8 декабря в эшелоне полк прибыл на станцию Пилява. «Наконец-то, — как пишет Зайцов, — явилась возможность полку по-настоящему отдохнуть и разобраться после 4-месячных боев и походов»²¹⁶. Затем, после императорского смотра гвардии в Граволине 20 декабря, 22 декабря был направлен в Варшаву, а оттуда 26 декабря отправился к поселку Гоцин, куда прибыл 28 декабря²¹⁷. Здесь, в Гоцине, полк простоял до 20-х чисел января 1915 г., до начала боев под Ломжей, один из которых стал роковым для подпоручика Тухачевского. Таким образом, фактически полк не принимал участия в сколь угодно заметных боевых действиях, несмотря на частые перемещения и перемены позиций.

В такой обстановке командование полка сочло возможным предоставить подпоручику Тухачевскому кратковременный отпуск, но, скорее всего, не в ноябре, а в декабре 1914 г., когда гвардия была переведена в резерв Главного командования, т. е. после 3 декабря. Очевидно, он вернулся в полк (с учетом двухдневного пребывания дома, в Москве) примерно дней через 10, т. е. ориентировочно к 15 декабря. Таким образом, никаких боев, в которых мог участвовать подпоручик Тухачевский до конца января 1915 г. на фронте л-гв. Семеновского полка не было.

В «Списке по старшинству... 1 января 1916 г...» перечисляются награды подпоручика Тухачевского, которые он получил, совершенно очевидно, за участие в боевых действиях с

августа по ноябрь 1914 г. «Награжден, – указывается в этом документе, – в 1914 – Владимир 4-й степени с бантом, Анны 3й степени, Станислава 3-й степени с мечом и бантом. 1915 – Анны 2-й степени с мечами, Анны 1-й степени с надписью „За храбрость“»²¹⁸.

Сам Тухачевский не оставил никаких сведений об обстоятельствах, при которых он попал в плен в ходе ночного боя под Ломжей 19 февраля 1915 г. Князь Касаткин-Ростовский, который не был свидетелем этих событий, описывает их так: «Тухачевский, как передавали случайно вырвавшиеся из немецкого кольца люди, в минуту окружения, по-видимому, спал в бурке, в окопе. Когда началась стрельба, видели, как он выхватил шашку и, стреляя из револьвера, отбивался от немцев. Потом стало известно, что он был взят в плен, откуда три раза пытался бежать, но неудачно»²¹⁹.

По воспоминаниям бывшего офицера из гвардейских стрелков Г.А. Бенуа (он, в свою очередь, вероятно, воспользовался рассказом своего брата – офицера-преображенца А.Л. Бенуа), «в 1915 году, в феврале под городком Ломжей, после упорных и тяжелых боев его полк (Семеновский), имея далеко впереди себя 6-ю роту, окопался и занял оборону. Ночью, перед рассветом, поднялся густой туман. Пользуясь им, как дымовой завесой, батальон немцев обрушился без выстрела, с гранатами на передовую роту. Силы были неравны. Ротный командир был убит, многие солдаты геройски погибли, и только человек сорок успели, отстреливаясь, отойти к своим. Человек тридцать попали в плен, вместе с ними получивший удар прикладом по голове подпоручик М. Тухачевский, которого подобрали в бессознательном состоянии»²²⁰. Однако сведения о том, что подпоручик Тухачевский попал в плен, стали известны гораздо позднее. Согласно «Именному списку штаб и обер офицерам Л.Гв. Семеновского полка 22 февраля 1915 г...» значилось: подпоручик «Тухачевский Михаил Николаевич – убит (пропал без вести) 19 февраля 1915»²²¹. Свидетелей его пленения не было. Напомню, что, кроме капитана Веселаго, в составе 6-й роты на 20 августа 1914 г. были младший офицер подпоручик О.А. Тигерстедт, смертельно раненый 24 августа 1914 г., подпоручик Г.К. фон-Эссен 2-й²²² и прапорщик барон А.А. Типольт.

Барон Типольт, вспоминая об этом бое, в котором погиб его командир капитан Ф.А. Веселаго, объяснял: «...Четвертый взвод 6-й роты, которым я тогда командовал, в том бою не участвовал – мы находились в резерве. Но утром 20 февраля пришел и наш черед. На сей раз счастье изменило мне: получил тяжелое осколочное ранение в голову»²²³. Ранение прапорщика Типольта подтверждается сведениями из «Именного списка...» от 22 февраля 1915 г., где говорится о его эвакуации в тыл по ранению²²⁴.

Вспоминая об этом драматичном, можно сказать, роковом событии в жизни будущего маршала, прапорщик барон Типольт, писал: «Зима 1915 года застала семеновцев под Ломжей. Здесь, как, впрочем, и на других направлениях, немцы располагали большим превосходством в артиллерии. При поддержке крупных калибров в ночь на 19 февраля 1915 года они перешли в атаку. 7-я рота почти полностью была уничтожена, а остатки ее вместе с М.Н. Тухачевским попали в плен»²²⁵.

Следует обратить внимание на то, что барон Типольт единственный из мемуаристов, достаточно близких приятелей подпоручика Тухачевского по полку, сам являвшийся офицером 6-й роты, свидетельствует, что Тухачевский и 19 февраля 1915 г. оставался офицером 7-й, а не 6-й роты, как указывает князь Касаткин-Ростовский. Следует заметить также некоторые расхождения в сведениях А.А. Зайцова, указавшего Типольта в должности младшего офицера пулеметной команды, и самого Типольта, который утверждает, что он в феврале 1915 г. еще оставался младшим офицером 6-й роты, командовавшим 4-м взводом. Видимо, Зайцов ошибается. Скорее всего, Типольт из 6-й роты был переведен в пулеметную команду полка уже после возвращения в полк после излечения тяжелого ранения (осколком в голову).

Кроме того, Типольт четко помнит, что Тухачевский не был офицером его, 6-й роты, но и в феврале 1915 г. оставался офицером 7-й роты.

Из сообщения Типольта о ночном бое 19 февраля 1915 г. следует также, что вся 7-я рота вместе с Тухачевским находилась в окопах, поскольку почти вся она была уничтожена противником, а ее остатки вместе с Тухачевским попали в плен. А 6-я рота, опять же по свидетельству Типольта, также находившаяся вместе с 7-й и во главе со своим командиром капитаном Веселаго, в окопах была не вся: один ее взвод (прапорщика Типольта) оставался в резерве. Из свидетельства прапорщика барона Типольта можно вывести предположение, что 7-й ротой командовал подпоручик Тухачевский. Поэтому, скорее всего, именно он вступил в командование ротой с 11 сентября 1914 г. после отбытия в тыл по болезни поручика Иванова-Дивова 2-го.

Первоисточником сведений о том, как Тухачевский попал в плен (полученных и князем Ф. Касаткиным-Ростовским, и Г. Бенуа), мог быть лишь один офицер той же 6-й роты, которому удалось прорваться к своим: подпоручик Г.К. Эссен-2, если только он принимал участие в бою, а не находился с частью 6-й роты в резерве. Во всяком случае, судя по цитированному выше полковому «списку», он такого свидетельства не оставил. К тому же 25 августа 1915 г. подпоручик фон-Эссен 2-й сам пропал без вести²²⁶.

В своем рассказе князь Касаткин-Ростовский прямо ссылается на очевидцев поведения Тухачевского в этом бою. Однако он не знает (как и подпоручик Эссен-2), как будущий маршал попал в плен. Он не знает, что Тухачевского ударили прикладом по голове и в бессознательном состоянии взяли в плен. В полку вплоть до 1917 года точно не знали о его судьбе. Официально в полковых документах, как уже отмечалось выше, он считался пропавшим без вести. Это следует из текста полкового приказа № 339 от 27 ноября 1917 г.: «... Во изменение параграфа 11 приказа по полку от 28 февраля 1915 года за № 34, подпоручика Тухачевского 1-го²²⁷ считать не без вести пропавшим, а попавшим в плен к германцам в бою 19 февраля»²²⁸.

Правда, сестры маршала утверждали, что «месяца три-четыре спустя имя брата появилось в газетах в списке убитых. Мы были потрясены. Но, к счастью, это оказалось ошибкой. Недели через две выяснилось, что Михаил находится в плену»²²⁹. Иными словами, о пленении подпоручика Тухачевского стало известно примерно в июле 1915 г. Это было выяснено, кажется, через «Красный крест». Сестры маршала подтверждали это тем, что их брат пересылал им через «Красный крест» открытки²³⁰.

Возвращаясь к обстоятельствам пленения подпоручика Тухачевского, можно полагать, что сведения об ударе прикладом по голове, похоже, появились уже после возвращения Тухачевского из плена и, возможно, исходили от него самого.

Таким образом, Г. Бенуа не знает подробностей того, как сопротивлялся Тухачевский в бою под Ломжей. Тот, кто ему рассказал о Тухачевском, этого не видел, во всяком случае, в его памяти не запечатлелся образ подпоручика, размахивавшего шашкой и отстреливавшегося из револьвера.

Другой мемуарист, также хорошо знавший Тухачевского, правда, еще по Александровскому военному училищу, событие описывает несколько иначе. «В Ломжинских боях, – рассказывал В.Н. Посторонкин, – в ночь с 20 на 21 февраля 1915 года Тухачевский при невыясненных обстоятельствах попадает в плен... Немцы окружили с тыла 6-ю роту семеновцев, положение коей усугублялось поднявшейся метелью, ветром и ночной порой. При внезапном появлении противника, что называется, «на носу» и с тыла, постепенно и решительно окружавшего железным кольцом указанную роту, люди вначале достаточно растерялись от неожиданности, но потом оправились и вступили в отчаянную схватку, упорно отбиваясь штыковым боем от численно превосходивших их немцев. Командир роты, капитан, на ходу вступает в командование группами людей и в страшном штыковом бою пал смертью героя:

он был убит, на его теле, найденном нами впоследствии и опознанном по одному лишь признаку, что на трупе был нетронутым Георгиевский крест, было обнаружено более 20 пулевых и штыковых ран, что указывает на упорную личную борьбу капитана Веселаго. Подпоручик Тухачевский лежал в легком наносном окопчике и спал, завернувшись в свою черную бурку, по-видимому, в ужасный момент появления врага он спал или дремал. Пробужденный шумом, он с частью людей принял участие в штыковом бою, но, не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...»²³¹.

Р. Гуль так рассказывает о пленении Тухачевского: «Из блиндажа 6-й роты выскочившего командира капитана Веселаго четверо немецких солдат закололи штыками; на теле, найденном впоследствии, остался нетронутым Георгиевский крест и было более двадцати штыковых ран. Мало кто из семеновцев в эту ночь вырвался из немецкого кольца. Вырвавшиеся рассказывали, что Тухачевский в минуту окружения, завернувшись в бурку, спал в окопе... Но когда началась стрельба, паника, немецкие крики, Тухачевский вскочил, выхватил револьвер, бросился, стреляя направо и налево, отбивался от окружавших немцев. Но ворвавшимися немецкими гренадерами был сбит с ног и вместе с другими взят в плен»²³².

Последнее из цитированных описаний пленения Тухачевского совершенно очевидно представляет собой пересказ свидетельства князя Касаткина-Ростовского, переключаясь с рассказом Посторонкина. Поэтому нет необходимости на нем специально задерживать внимание. Посторонкин в своем описании в целом также следовал за князем, но явно стремился указать на отсутствие у Тухачевского главных достоинств бойца и офицера: храбрости и чести. «... Не будучи раненным и, вероятно, не использовав всех средств для ведения боя, был захвачен в плен...» – так рисует автор мемуаров поведение Тухачевского. Иными словами, подпоручик попросту испугался и сдался в плен. Вывод: Тухачевский – предатель и трус. Такова оценка его согласно свидетельствам Посторонкина. Но он не был свидетелем. Он не служил в 1-й Гвардейской пехотной дивизии. Его суждения предположительны (не в пользу Тухачевского): «... вероятно, не использовав всех средств для ведения боя...». В этом отношении наиболее точен князь Касаткин-Ростовский. Он был офицером л-гв. Семеновского полка. Он рассказывает со слов очевидцев («... как передавали случайно вырвавшиеся из немецкого кольца люди...»). Кроме того, следует обратить внимание на явную недостоверность некоторых деталей рассказа Посторонкина, которые оказались и в рассказе Гуля.

В этих рассказах, почерпнутых, как отмечалось выше, явно из одного первоисточника, говорится, что на теле убитого капитана Веселаго остался Георгиевский крест. Этого не могло быть, потому что Высочайший приказ о награждении капитана Веселаго орденом Св. Георгия Победоносца 4-й степени, представленного к этой награде за отличие в бою под Кжешувом, датируется 15 апреля 1915 г.²³³ Поэтому сам Георгиевский крест капитан мог получить не ранее второй половины апреля 1915 г., т. е. спустя два месяца после своей гибели. Эта деталь ставит под сомнения и другие детали в рассказе о пленении Тухачевского в ночном бою под Ломжей 19 февраля 1915 г.

В отличие от Посторонкина и Гуля (оба, видимо, пользовались, во всяком случае, наряду с другими первоисточниками, и воспоминаниями князя), Касаткин-Ростовский лишь предполагает, что Тухачевский «по-видимому, спал в бурке, в окопе», однако точно не знает, как все началось. Зато он знает точно, со слов очевидцев («... видели, как...»), что, «когда началась стрельба, он выхватил шашку и, стреляя из револьвера, отбивался от немцев». Таким образом, князь Касаткин-Ростовский опровергает предположения Посторонкина, что Тухачевский «не использовал всех средств для ведения боя». Князь не знает точно, как его приятель оказался в плену. «Потом стало известно, что он был взят в плен», – писал он. Г. Бенуа в своих воспоминаниях утверждает, что Тухачевский попал в плен «в бессознательном состоянии», получив «удар прикладом по голове».

Я полагаю излишним специально останавливаться на пребывании подпоручика Тухачевского в плену и обстоятельствах его пятикратных побегов из плена. Об этом достаточно подробно, с опорой на документы, поведано в книге Ю.З. Кантор, к которой я отсылаю интересующихся подробностями этого периода в биографии Тухачевского²³⁴. Известно, что, совершив наконец успешный, пятый по счету побег, подпоручик Тухачевский в сентябре 1917 г. оказался в Швейцарии, а затем во Франции, в Париже. Отсюда, при содействии русского военного агента генерал-майора графа А.А. Игнатьева, он переправился сначала в Англию, а затем в Россию. В Петроград Тухачевский прибыл 16 октября 1917 г. Это следует из текста полкового приказа № 339 от 27 ноября 1917 г.

«Параграф 11. Подпоручик Тухачевский-1, после пятикратных попыток бежать из германского плена, 18 сентября сего года перешел швейцарскую границу у станции Таинген и 16 октября с.г. прибыл в г. Петроград и зачислен в Семеновский резервный полк»²³⁵.

Таким образом, в Петрограде Тухачевский появился и был занесен в списки резервного Семеновского полка 16 октября 1917 г. «После побега из германского плена, – отмечается в его послужном списке в апреле 1919 г., – представлен для уравнивания со сверстниками в **капитаны** 18.10.1917 г...»²³⁶. Представление, несомненно, было сделано командиром резервного гвардии Семеновского полка полковником Р.В. Бржозовским²³⁷.

Как и Тухачевский, Бржозовский начал свою фронтовую жизнь с августа 1914 г., будучи тогда в чине штабс-капитана. Бржозовский помнил Тухачевского как смелого фронтовика и к тому же одноклассника: оба офицера, хотя и в разное время, были выпущены из Александровского военного училища. Поэтому Бржозовский считал справедливым представить подпоручика Тухачевского к производству в «капитаны» как отличного, к тому же кадрового офицера, в которых русская армия к этому времени испытывала острый недостаток, наконец, как мужественного человека: в те времена побег из плена и возвращение в свою часть на фронт считались подвигом. Для таких «бегунов» был даже учрежден особый знак отличия – шеврон из георгиевской ленты, нашитый на рукав, на основании приказа, гласившего: «за мужество при прорыве из плена». Итак, 18 октября 1917 г. Тухачевский был представлен к производству в «капитаны». Далее в тексте уже цитировавшегося выше приказа по Семеновскому полку говорилось:

«Параграф 12. Подпоручика Тухачевского-1, прибывшего из гвардии Семеновского резервного полка, полагать налицо с 20-го сего ноября.

Параграф 13. Подпоручик назначается временно командующим 9-й ротой»²³⁸.

Таким образом, на фронт, во «фронтной состав» гвардии Семеновского полка из запасного, Тухачевский прибыл 20 ноября 1917 г. Вместе с ним в полк прибыл после излечения от контузии штабс-капитан Кукуранов, назначенный командующим 16-й ротой²³⁹.

«...С Октябрьской революции «начался последний период жизни гвардии Семеновского полка, – вспоминал капитан-семеновец Ю.В. Макаров, – позиционная война в Галиции на реке Збруче, у Гржималува-Гржималув-Могилы-Лука Мала. На этих же позициях 21-го ноября мы справили наш последний полковой праздник...»²⁴⁰ под председательством командира полка полковника А.В. Попова, избранного на эту должность в апреле 1917 г. и занимавшего ее до начала декабря того же года²⁴¹. Подпоручик Тухачевский также принимал участие в этом последнем полковом празднике.

«...От офицерского состава, с которым полк начинал войну, – вспоминал капитан И.Н. Толстой 2-й²⁴², – остались считанные единицы. Из них всего двое или трое были все время в строю. В их числе и Фольборт²⁴³, продолжающий так же успешно свои ветеринарные занятия, и Тухачевский, появившийся ненадолго в полку после бегства из плена...»²⁴⁴. Однако он не совсем точен, если иметь в виду ситуацию к 20 ноября 1917 г.

Согласно списку полковых офицеров на выдачу жалованья, во фронтовой гвардии Семеновском полку ко времени возвращения Тухачевского из офицеров «августа 1917-го», т. е. выступивших на фронт Первой мировой войны вместе с ним, оставались: полковник А.В. Попов²⁴⁵, Н.К. фон Эссен 1-й²⁴⁶, И.М. Молчанов²⁴⁷, Д.В. Комаров 1-й²⁴⁸, В.А. Зайцов 2-й²⁴⁹, В.А. Бойе-ав-Геннес²⁵⁰, И.Н. Толстой 2-й, Б.А. Спешнев²⁵¹, А.Г. Штильберг²⁵², Б.В. Энгельгардт 1-й²⁵³, Г.Г. Рыльке²⁵⁴ и М.Н. Тухачевский²⁵⁵. Вместе с Тухачевским – 12 офицеров, т. е. 15,4 % всего офицерского состава, находившегося «налицо» в полку к первому бою 20 августа 1914 г.

По свидетельству сестер, после бегства из плена и прибытия в Петроград он отправился домой в Пензенскую губернию в свое имение в с. Вражеском. Однако, по их воспоминаниям, «через трое суток Михаил опять покинул нас и отправился в полк»²⁵⁶. Этот факт подтверждает родной дядя Тухачевского командир Заамурского пехотного полка полковник М.Н. Балкашин. В ноябре 1917 г. проездом в Харбин он навестил мать и сестер Тухачевского во Вражеском, правда, самого Тухачевского он там не застал²⁵⁷. «Будучи же в Харбине, – вспоминал он в 1937 г. по случаю гибели своего племянника, – я получил от сестер Тухачевских из деревни письмо, где они писали, что приезжал к ним Миша, пробыл 3 дня и опять уехал в Петроград формировать новую армию. Тут я понял, что Миша перешел на службу к Ленину»²⁵⁸. О кратковременном 3-дневном пребывании Тухачевского во Вражеском и возвращении его в Петроград Балкашин сообщает в соответствии с воспоминаниями сестер маршала, опубликованными лишь в 1965 г. Следовательно, Балкашин мог почерпнуть эти сведения из их письма. Что же касается того, что Тухачевский отправился для формирования «новой армии... и перешел на службу к Ленину», то в этом, как следует из цитированного выше приказа по гвардии Семеновскому полку, маршальский дядя ошибается, как и в том, что Тухачевский прибыл в Петроград уже после большевистской революции²⁵⁹.

Однако в свидетельстве полковника Балкашина интерес представляет то, что, оказавшись во Вражеском у Тухачевских, он не застал там самого подпоручика Тухачевского, а сестры ничего ему о своем брате не сказали. Они сообщили об этом уже письмом, когда Балкашин был в Харбине. Надо полагать, что Тухачевский появился во Вражеском не сразу же после возвращения в Петроград из плена, не в октябре, а лишь в ноябре 1917 г., видимо, до своего отъезда на фронт, но после того, как во Вражеском уже проездом побывал полковник Балкашин.

На поездку во Вражеское, пребывание там нужна была примерно неделя да не менее четырех дней, чтобы добраться из Вражеского, через Москву, на фронт в Галицию, в гвардии Семеновский полк. Следовательно, во Вражеском он появился примерно в первой декаде ноября 1917 г. Вряд ли из Вражеского он возвратился в Петроград. На фронт отправился не позднее 15–16 ноября. Чем он занимался, как вел себя, каково было его отношение к установившейся советской власти с 25 октября до 7–10 ноября 1917 г. точно неизвестно. Сам Тухачевский на этот счет хранил молчание.

Во всяком случае, 20 ноября 1917 г., согласно полковому приказу, он прибыл на фронт в боевой (основной) состав полка и назначен временно командующим 9-й ротой, а не «выбран ротным командиром после возвращения из плена»²⁶⁰, как ошибочно указывается в «Послужном списке» Тухачевского от апреля 1919 г. Не исключено, что такая запись в «Послужном списке» была сделана со слов самого Тухачевского.

То же самое он сообщал 27 сентября 1921 г. в своей «Записке о жизни»: «Я снова прибыл на фронт, где и был вскоре избран ротным командиром»²⁶¹. Очевидно, что в «советских условиях», находясь в составе Красной армии, Тухачевский, бывший офицер императорской гвардии, хотел подчеркнуть, что командиром роты его не назначил «монархист-командир», а

избрали «революционные солдаты» за его, следует догадаться, соответствующие «революционные» настроения.

Боевой состав гвардии Семеновского полка на 4 ноября 1917 г. включал 85 офицеров, в том числе 3 полковника и 82 обер-офицера²⁶². К 19 ноября 1917 г. он сократился на 1 обер-офицера²⁶³, командира 9-й роты подпоручика А.Ф. Вальтера, убывшего к этому времени из полка по болезни. Поэтому-то Тухачевский, прибывший в полк 20 ноября, и был назначен на вакантную должность командира 9-й роты.

О поведении и настроениях Тухачевского в это время сохранились некоторые мемуарные свидетельства. Близкий полковой товарищ Тухачевского, упоминавшийся выше капитан барон А.А. Типольт вспоминал: «Мы встретились с М.Н. Тухачевским лишь поздней осенью 1917 года, после его счастливого побега из плена. Стали видеться почти ежедневно. Нам было, что вспомнить, о чем поговорить. Случилось так, что моя комната превратилась в своего рода полковой клуб. Сюда набивались офицеры, унтер-офицеры, солдаты. Шум, споры, облака табачного дыма. Впечатление такое, будто все проснулись после многолетней спячки и каждый сейчас же, немедленно должен получить ответы на вопросы, терзавшие всех нас в последние месяцы. Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа»²⁶⁴.

Однако отмалчивался Тухачевский, видимо, недолго. Ознакомившись со слов офицеров с фактами разложения армии, непослушания, недисциплинированности солдат, что было ему неведомо в плену, в узком офицерском кругу Тухачевский выразил свое вполне определенное отношение к революции и охваченным ею солдатам, назвав их «сволочью». Но при этом он достаточно ясно дал понять своим однополчанам-офицерам, что найдет способ обуздать эту «сволочь» и «что он, Тухачевский, готов пари держать, что через два года он будет командовать этой сволочью и что она будет ходить туда, куда он ее погонит, как ходила при царе»²⁶⁵. И Тухачевский уже тогда начал реализовывать свои намерения.

«В России – революция, – еще одно анонимное свидетельство о поведении будущего маршала после возвращения из плена. – Тухачевский внимательно следит за событиями, очень интересуется литературой о французской революции, зачитывается описаниями уличных боев... В интимных разговорах с полковыми товарищами он (т. е. Тухачевский) проявляет некоторое увлечение революцией, – вспоминал анонимный свидетель, – но внешне остается тем же строго дисциплинированным гвардейским офицером»²⁶⁶, хотя и «принимал участие в работах пресловутого полкового комитета...»²⁶⁷. Таким образом, Тухачевский не все время отмалчивался, хотя, видимо, первоначально это было так. Вскоре он стал замечен как «активист» полкового комитета. На первый взгляд, странно, что капитан Типольт хранит по этому поводу полное молчание. В советские времена, когда были опубликованы его воспоминания о Тухачевском, сведения о работе будущего маршала в полковом комитете были бы крайне уместны. Они могли свидетельствовать о революционной активности Тухачевского еще до вступления в Красную армию.

Скорее всего, его умолчание об этом (или «вымарывание» части текста его воспоминаний цензурой) было обусловлено идейно-политическими соображениями. Об участии Тухачевского в работе полкового комитета гвардии Семеновского полка в советские времена, после его реабилитации, полагали неуместным упоминать, поскольку этот полковой комитет был эсеровским и антибольшевистским. Следовательно, Тухачевский активно сотрудничал с эсеровским (по партийному составу), антибольшевистским полковым комитетом. Впрочем, он и сам в своей автобиографии 20-х гг. вскользь упоминал о своих первоначальных «эсеровских увлечениях», до поступления на советскую службу и вступления в РКП(б)²⁶⁸. Сохранились и иные сведения о поведении Тухачевского в это время.

По свидетельству капитана Ю.В. Макарова, офицеры начали покидать полк после последнего полкового праздника. «А через 21 день, – вспоминал он, – наш старый Петровский корабль пошел ко дну. 12-го декабря двинулось домой, в Петроград, все, что от него осталось, несколько офицеров, человек 30 солдат и полковое знамя»²⁶⁹. Однако капитан Макаров ошибается. Его самого к последнему полковому празднику в боевом составе полка уже не было, и поэтому он не мог знать точно, когда боевая часть полка, находившаяся на позициях в Галиции, прекратила свое существование. Все сказанное им выше, он сообщал с чужих слов.

Согласно полковым документам полк в своем «фронтовом составе» продолжал существовать и после 12 декабря 1917 г. 27 ноября в полк после излечения от ран прибыл капитан Чистяков, назначенный временно командующим 8-й ротой²⁷⁰. Однако к концу месяца офицеры начали действительно покидать полк. К 29 ноября из полка уехал штабс-капитан Кукуранов²⁷¹. 10 декабря полк оставил и уехал в Петроград командир полка полковник А.В. Попов²⁷², передав командование полком своему помощнику полковнику Н.К. Эссену²⁷³. Уход полковника Попова, вероятно, был обусловлен упразднением декретом новой власти чинов и званий и в связи с этим началом новой кампании по выборам комсостава полка. 11 декабря командиром полка большинством голосов был избран полковник Эссен²⁷⁴. 12 декабря начались выборы батальонных командиров, а с 13-го – ротных²⁷⁵. К 16 декабря 1917 г. выборная кампания завершилась. 27 декабря 1917 г. был подписан приказ по военному ведомству № 68 о расформировании фронтовых частей, в том числе л-гв. Семеновского полка, и переводе всех полковых офицеров в Петроград, в Резервный Гвардии Семеновский полк. На основании соответствующего приказа по полку № 12 от 10 января 1918 г. все оставшиеся в полку офицеры переводились в Петроград в Резервный Гвардии Семеновский полк²⁷⁶. Отъезд большинства из них датируется 21 января 1918 г.²⁷⁷

«Тухачевский, – по свидетельству уже упоминавшегося ранее «анонима», – все время оставался на фронте... и только после объявления демобилизации уехал в Москву»²⁷⁸. Это подтверждается официальными полковыми приказами. Полковой приказ № 49 от 9 февраля 1918 г. гласил: «...семеновцев: начальника команды конных разведчиков барона А. Типольта и командира 9-й роты М. Тухачевского, находящихся в отпуске на основании приказа по военному ведомству от 27.12. (1917) за № 68, перевожу для несения службы Гвардии в Семеновский резервный полк первого как категориального, а второго как бежавшего из плена»²⁷⁹. Таким образом, оба офицера убыли из полка 27 декабря 1917 г. в соответствии с упомянутым выше приказом по военному ведомству о демобилизации фронтовой части полка. Они были отозваны из отпуска и переведены в Гвардии резервный Семеновский полк 9 февраля 1918 г. в связи с полной и окончательной ликвидацией «боевой», фронтовой части полка²⁸⁰ и декретом Советской власти «Социалистическое отечество в опасности», датированным 22 февраля 1918 г. (по «новому стилю», т. е. 9 февраля «по старому стилю»). Декрет приостанавливал демобилизацию армии в связи с германским наступлением. Сам же Гвардии резервный Семеновский полк приказом Наркомвоенмора, с 10 февраля 1918 г. переименовывался в «полк по охране Петрограда» в составе новой Красной армии.

В воспоминаниях о Тухачевском его сестры, Е.Н. Арватова-Тухачевская и О.Н. Тухачевская, сообщали: «Он вернулся к нам зимой, примерно в декабре²⁸¹... Мы остались в тот год на зиму в деревне (в селе Вражеском Пензенской губернии)... В этот приезд он ежедневно занимался с нами, и весь месяц, который он прожил тогда во Вражеском, прошел незаметно и весело, и помню, как нас огорчило его решение снова уехать. Предполагаю, что он уехал в начале января»²⁸². В другом месте своих воспоминаний сестры уточняли: «...В январе

1918 г. Миша опять оставил нас – уехал в Москву»²⁸³. Сестры свидетельствуют, что Тухачевский провел во Вражеском примерно месяц, до начала января. Но, согласно уточненным, приведенным выше официальным сведениям, содержащимся в полковом приказе, Тухачевский отправился в отпуск домой, в с. Вражеское в Пензенскую губернию только 27 декабря 1917 г., а добраться туда смог – вряд ли ранее начала января 1918 г. Сознательно или случайно (прошло все-таки много времени) сестры ошиблись на месяц. Если он пробыл, как утверждают его сестры, дома месяц, то, следовательно, уехал из Вражеского не ранее начала февраля 1918 г., вероятно, 9 февраля 1918 г.

Таким образом, после побега из плена Тухачевский вернулся на фронт, стремясь по-прежнему нести службу, и покинул полк в числе последних «старых» полковых офицеров, отказавшись вступить в ряды формировавшейся новой «Социалистической армии»²⁸⁴.

Обычно, считают, что боевой опыт подпоручика Тухачевского в годы Первой мировой войны невелик: он пробыл на фронте с 2 августа 1914 г. по 19 февраля 1915 г. (6,5 месяца), а затем – с 20 ноября по 27 декабря 1917 г. (немногим более 1 месяца). Всего, таким образом, весь фронтовой опыт Тухачевского составлял около 8 месяцев. А как же другие офицеры-семеновцы, отправившиеся на фронт одновременно с Тухачевским?

Из 63-х офицеров, отправившихся на фронт 2 августа 1914 г., 41 офицер (65 %) к марту 1915 г. безвозвратно выбыли из личного става полка. В их числе 18 убитых или смертельно раненых к 23 февраля 1915 г., 19 – к этому же времени по различным причинам (в основном по ранению и по болезни) не возвратившиеся в полк и на фронт (частично оказавшиеся в армейских, корпусных и дивизионных штабах), а также 2 офицера (полковники Цвечинский фон-Тимрот 1-й), переведенные в армейские части командирами полков. Всего, таким образом, около 35 %.

1. Азанчевский Г.В., поручик – выбыл по болезни 9.1914 (сведения на 22.2.1915²⁸⁵). На фронте провел 1,5 месяца.

2. Бржозовский Р-Ф.В., штабс-капитан – полковник – на фронте пробыл 8 месяцев.

3. Брок Н.Н., капитан – выбыл по ранению (в руку) 24.8.1914. На фронте провел 24 дня и в полк более не возвращался до конца войны.

4. Иванов-Дивов 2-й А.В., поручик – выбыл по болезни 11.9.1914 (сведения на 22.2.1915²⁸⁶), в командировке с 16.1.1915, затем в Штабе 1 Гвардейск. Корп. с 16 марта 1915 г.²⁸⁷ (там же на 16.12.1916²⁸⁸). На фронте провел 1 месяц и 11 дней.

5. Клименко Б.А., прапорщик – выбыл на излечение от ран 10.1914 (сведения на 22.2.1915²⁸⁹). На фронте провел 2,5 месяца и на фронт более не возвращался.

6. Коновалов Б.Н., подпоручик – выбыл по болезни 8.11.1914 (данные на 17.11.1916²⁹⁰, на 16.12.1916²⁹¹). На фронте провел 3 месяца и 8 дней.

7. Молоствов Б.В., прапорщик – выбыл по болезни 19.12.1914 (данные на 17.11.1916²⁹²). На фронте провел 4 месяца и 19 дней.

8. Рихтер А.А., капитан – выбыл из полка по ранению с 20.8.1914 (данные на 17.11.1916²⁹³, на 16.12.1916²⁹⁴). На фронте провел 20 дней.

9. Рыльке Г.Г., капитан (выбыл по ранению в августе 1914-го и возвратился в полк в октябре 1916-го, с 24.3.1915 прикомандирован к штабу корпуса, где и находился к январю 1917). На фронте пробыл не более 6–8 месяцев.

10. Сморгчевский Б.Н., полковник (1917). На фронте до июля 1915-го. Всего 8 месяцев.

11. Столица Г.К., прапорщик – выбыл на излечение от ран 2.10.1914 (данные на 17.11.1916²⁹⁵). На фронте провел 2 месяца и 2 дня.

12. Тавилдаров Н.Н., полковник, тяжелое ранение 7.2.1915. На фронте провел 6 месяцев.

13. Фон-Тимрот 2-й Л.Г., полковник – выбыл по тяжелому ранению 20.2.1915. На фронт не возвращался.

14. Тухачевский М.Н., подпоручик, провел на фронте 7 месяцев.

15. Фадеев А.А., штабс-капитан – выбыл по болезни 9.1914, в штабе 1-го Гвардейского корпуса с 18.12.1915²⁹⁶; переведен в запасной батальон 16.3.1917²⁹⁷. На фронте провел 1,5 месяца.

16. Фон-Фольборт Н.В., прапорщик – выбыл на излечение от контузии (8/9.1914). На фронте провел 25 дней.

17. Хвостов И.С., прапорщик – выбыл на излечение от ран 9.1914 (сведения на 22.2.1915²⁹⁸). На фронте провел 1,5 месяца.

18. Штейн А.Ф., капитан – выбыл по ранению 12.10.1914 (сведения на 22.2.1915²⁹⁹). На фронте провел 2 месяца и 12 дней.

19. Якимович Г.А., поручик – выбыл по болезни 14.10.1914 (сведения на 22.2.1915³⁰⁰). На фронте пробыл 2 месяца и 9 дней.

Таким образом, не считая полковников фон-Тимрота и Цвечинского, отправившихся на командование армейскими полками, остальные, около 31 % офицеров, отправившихся 2 августа 1914 г. на фронт, провели там в среднем 3,5 месяца, т. е. значительно меньше времени, чем подпоручик Тухачевский. Иными словами, боевой опыт Тухачевского в Первую мировую войну был, пожалуй, характерным для значительной части пехотных гвардейских офицеров.

Переход к большевикам

Нельзя сказать, что уход Тухачевского к большевикам был подготовлен сложившимися у него представлениями о России и Революции уже в плену, хотя Фервак приводит красноречивые в этом отношении высказывания русского подпоручика. Правда, все эти высказывания порождены главным образом «книжными» впечатлениями, осев в его сознании (или даже подсознании) в результате долговременной рефлексии, обусловленной вынужденным длительным бездельем его деятельной натуры в условиях плена.

Рассуждая в плену, в кругу приятелей-французов о революции в России, подпоручик Тухачевский заявил: «...Наша революция, я думаю, слишком отлична от вашей. И Достоевский хорошо предвидел. У нас западная цивилизация поверхностна, и от нее ничего не останется после потрясения. Мы можем более легко менять богов»³⁰¹. Воздействие Достоевского на формирование социокультурных взглядов и ценностей Тухачевского было несомненно.

«Однажды мы вместе, на откосе форта читали, я не помню, какое место из Достоевского. – вспоминал Фервак. – Михаил Тухачевский с воодушевлением произнес следующие знаменательные слова: «Не важно, как мы реализуем наш идеал: пропагандой или оружием! Если Ленин будет способен освободить Россию от хлама старых предрассудков, разьевропеизировать ее, я за ним последую. Но нужно, чтобы он превратил ее в «tabula rasa», и мы свободно устремимся в варварство. Какой чистый источник: с марксистскими формулами, перемешанными перепевами демократии, которые смогут возмутить мир. Права народов находятся в их распоряжении! Вот он, магический ключ, который откроет России ворота Востока и закроет их для англичан... Так и только так мы сможем овладеть Константинополем. Но новая религия нам необходима. Между марксизмом и христианством я выбираю марксизм. Под знаменем марксизма мы скорее, чем с нашим крестом, войдем в Византию и вновь освятим Святую Софию»³⁰². Прервав тираду подпоручика, Фервак, напомнил ему, что таковые геополитические устремления лишают Россию «Польши, Финляндии, а может быть, и еще чего-нибудь». На это Тухачевский ответил: «Вот тут-то и пригодятся марксистские формулы. Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои границы далеко за пределы, очерченные договорами. Что касается меня, то я бы сделал все, что будет в моих силах, чтобы Варшава осталась русской, хотя бы под Красным знаменем...»³⁰³.

Вся вышеприведенная геополитическая семантика, в принципе, не несет чего-либо нового: Великобритания на протяжении почти всего 19 века, да и позже, рассматривалась в качестве главного соперника России в контексте геополитических и геостратегических проблем. Достаточно вспомнить хотя бы высказывания и геополитические расчеты М.Д. Скобелева, чьим большим поклонником с детства являлся Тухачевский. То же можно сказать и о традиционном великодержавном настрое большей части российского офицерства. Важно другое: столь обширное высказывание Тухачевского как бы предвосхищает его политические и военно-политические позиции в отношении к «внешнему миру» в 20—30-е годы, хотя и фразеологически, и идеологически эти мысли и настроения обретали, в соответствии с духом новой эпохи, новое звучание и иную социокультурную семантику.

«Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир. Мы войдем в хаос и выйдем из него, только полностью разрушив цивилизацию»³⁰⁴. Это слова Тухачевского. Их своеобразным продолжением можно назвать похожий на поэму-заклинание приказ командующего Западным фронтом Тухачевского, составленный и подписанный им 2 июля 1920 года. Достаточно вспомнить хотя бы следующие его строки, чтобы почувствовать

их генетическую связь с цитированным выше: «Путь мирового пожара пройдет через труп белой Польши...»³⁰⁵.

В сформировавшемся мировоззрении «аристократа» Тухачевского русская революция была пропущена сквозь призму «Бесов» Ф.М. Достоевского. Суть происшедших в России событий Тухачевский видел в «смене богов», смене идей, кумиров, лозунгов, т. е. в смене некой внешней оболочки, в самом формальном принципе изменчивости. Однако другой свидетель пребывания и поведения Тухачевского в плену, равно как и его высказываний, Н.А. Цуриков выражает сомнения насчет адекватности свидетельств Фервака.

«Мне приходится теперь обратиться к воспоминаниям своего иностранного товарища по несчастью г. Пьера Фервака, – вносил он долю скепсиса по поводу сказанного французским офицером. – Я очень далек от мысли подвергнуть сомнению их фактичность. Даже наоборот, целый ряд мелких подробностей убеждает меня в обратном. Но одно из двух: или все те разговоры с Тухачевским, которые он передает, происходили у него не в 1917, а в 1918 г., или Тухачевский «забавлялся», развлекаясь от скуки, и вел их «pour epoter le bourgeois». Однако кое-что представляется мне просто невозможным для 1917 г. Так, например, вряд ли в июле 1917 г., не будучи теоретиком большевизма и осведомляясь только по немецким газетам (русских нам не давали), можно было говорить о Красной армии?..

Я прекрасно помню, в каком настроении были русские офицеры на форту № 9 в мае 17 г. и решительно утверждаю, что если бы Тухачевский кому-нибудь из них высказал хотя бы десятую долю того, что передает г. П. Фервак, то положение его было бы и очень неприятно, и просто затруднительно»³⁰⁶.

С таковой критикой можно согласиться, хотя бы исходя из того, как вел себя подпоручик Тухачевский в рядах своего полка, после побега из плена. Кроме того, его выжидательное поведение в отношении Революции, затянувшееся вплоть до весны 1918 г., рефлексия никак не согласуются с теми его решительными заявлениями, особенно о большевиках и о Ленине, значимость которых вряд ли летом 1917 г. воспринималась Тухачевским так, как передает его французский товарищ.

Возможно, такое отношение формировалось в представлениях Тухачевского под влиянием Ф. Ницше³⁰⁷. Согласно некоторым свидетельствам, в духе времени и присущей эпохе литературной моды, он был увлечен прозой К. Гамсуна³⁰⁸, творчество которого, как известно, также формировалось под сильным влиянием Ф. Ницше. Таковая установка в представлениях Тухачевского определяла и достаточно стройную и логичную, хотя и субъективно-прихотливую ретроспективу, образ русской истории и ее основных ценностей. Так, в Петре Великом Тухачевский усматривал не столько «вестернизатора» России, сколько «грандиозного русского варвара».

Впрочем, русская революция, по собственному признанию Тухачевского (в передаче Фервака), имела один и главный позитивный смысл – установление сильной монархической власти. «Мне мало интересно, как будет поделена земля между крестьянами и как будут работать рабочие на фабриках. Царство справедливости не для меня. Мои предки-варвары жили общиной, но у них были ведущие их вожди. Если хотите – вот философская концепция... Нам нужны отчаянная богатырская сила, восточная хитрость и варварское дыхание Петра Великого. Поэтому нам больше подходит одеяние деспотизма»³⁰⁹.

Рассуждая о характере будущей российской государственности после революции, Тухачевский заявлял: «Я думаю, что конституционный режим будет означать конец России. Нам нужен деспот!.. Мы – варвары! Вы можете представить себе всеобщее избирательное право у наших мужиков?» – и засмеялся...»³¹⁰.

В плену «Тухачевский называл себя убежденным монархистом», – подтверждали позднее его товарищи по плену из русских офицеров, эмигрировавших после революции и Граж-

данской войны в Париж³¹¹. Они вспоминали эпизод, когда, «получив подарки от Красного Креста, Тухачевский от имени всех произнес верноподданническую речь и зачитал благодарственный адрес»³¹².

«И вот, – вернемся по поводу восприятия Тухачевским революции к воспоминаниям Цурикова, – вероятно, как раз в начале мая у нас произошел с ним единственный наш «полуполитический» разговор. У него был какой-то минорно-мечтательный вид. Я спросил Тухачевского, есть ли у него вести из деревни. И ясно припоминается одна его фраза: «Рубят там теперь наши липовые аллеи, видно, так надо». И из всего этого разговора, много мне объяснившего и особенно из того тона покорной и как будто даже умиленной обреченности, с которой была произнесена эта фраза – на меня глянуло такое знакомое... лицо...»³¹³. Это было лицо повзрослевшего, некогда «избалованного барчонка», ставшего декадентствующим аристократом-интеллектуалом.

«...Кто из интеллигентных гимназистов того времени не был Блоком затронут? – продолжал свои размышления Цуриков. – Кого не увлекала и не разлагала эта, не то что нетрезвая, а прямо опьяняющая, упорная, тяжелая и мучительная стихия? Кто не был, хотя бы частично, заворочен, «затянут» и отравлен ее пассивной стремительностью, ее исступленной слабостью и ее маниакально-фанатической, глубинной безответственностью? И даже более того, кто не испытывал на себе вообще отравы тем чадом целой эпохи эстетизма, которую порождал Блок, но и которая породила самого Блока и которую не удалось преодолеть кислороду столыпинского государственного ренессанса? Может быть, Тухачевский и не читал даже Блока, но что эта «отрава» коснулась и его – это мне стало тогда ясно»³¹⁴.

Нет, Цуриков напрасно сомневался: Тухачевский читал стихи А Блока, любил и запомнил их как выражение собственных настроений, собственного отношения к миру и людям. Быть может, он и в данном случае «изображал» это, цитируя на одном из вечеров в 1935 г. блоковские строчки: «...в сердцах восторженных когда-то, есть роковая пустота»³¹⁵.

«Обезбоженный», и не в первом поколении, разносторонне одаренный, бессистемно начитанный, он был разновидностью аристократа эпохи декаданса, одержимого «бесами» многих «беспочвенных» (в понимании Достоевского) идей³¹⁶. ...Будто «листок, оторвавшись от ветки родимой».

В Ингольштадте Тухачевский находился с 18.11.1916 до 16.08.1917. К августу 1917 г. у большевиков и у Ленина, казалось бы, не было никаких перспектив прийти к власти: их июльская демонстрация была разогнана, многие арестованы, Ленин скрылся в Разливе. Реальное их усиление началось лишь с сентября 1917 г. Но в это время Тухачевского уже не было в Ингольштадте.

Скорее всего, все рассуждения Тухачевского о Ленине, что он пойдет за Лениным, имели место в начале 1918 г., когда Тухачевский уже находился в Гвардии Семеновском резервном полку в Петрограде. Очевидно, это отголоски разговоров Тухачевского с сослуживцами, когда у него уже зрело намерение перейти на службу в Красную армию. Он мог делиться своими соображениями с теми офицерами, с которыми находился в близких дружеских отношениях – с Энгельгардтом, Лобачевским, Ганецким, а также Бржозовским. Настроения Энгельгардта и Лобачевского были колеблющимися, поэтому Тухачевский рассчитывал на то, что они последуют за ним в Красную армию, и Энгельгардт даже прибыл к Тухачевскому в 1-ю Революционную армию в августе-сентябре 1918 г.

Как это видно, в этих рассуждениях Тухачевский как бы мотивирует свое намерение уйти к большевикам своими великодержавно-наполеоновскими идеями.

Вполне возможно, что Фервак мог эти сведения (разговоры Тухачевского) получить либо от капитана Н.Н. Ганецкого, либо от М.Г. Корнфельда³¹⁷, оказавшихся после Гражданской войны в эмиграции во Франции, в Париже.

Другой однополчанин, как бы дополняя свидетельство Типольта, вспоминал, что в это время Тухачевский следит за происходившими событиями, интересуется литературой о французской революции, в разговорах с однополчанами проявляет «некоторое увлечение революцией, но внешне остается тем же строго дисциплинированным гвардейским офицером»³¹⁸. Очевидно, это «увлечение революцией», интерес к литературе о французской революции были органично связаны с «наполеонизмом» Тухачевского.

Б. Колчигин вспоминал, что у вернувшегося из плена Тухачевского возник конфликт с офицерами «на политической основе»³¹⁹. По свидетельству советского генерал-лейтенанта А.В. Благодарова, в младших офицерских чинах оказавшегося в плену в Ингольштадте вместе с Тухачевским, «один из пленных, богатый помещик Леонтьев, с возмущением жаловался... на Тухачевского, защищавшего «взбунтовавшуюся чернь» и утверждавшего, что земля должна принадлежать тем, кто на ней работает»³²⁰. Думается, однако, что автор этих воспоминаний допустил определенное искажение (возможно, по соображениям идеологическим).

Дело в том, что ни французский саперный лейтенант Р. Рур, ни прапорщик Н.А. Цуриков, близко общавшиеся с Тухачевским в плену, в Ингольштадте ничего подобного о настроениях своего приятеля не сообщают, особенно в этом отношении важны достаточно пространные свидетельства Цурикова, хорошо знавшего настроения окружавших его товарищей по несчастью – пленных русских офицеров, в том числе Тухачевского. Он не упоминает ни о каком «помещике Леонтьеве». Ничего похожего на цитированные выше рассуждения Тухачевского он не сообщает. Завершая свои воспоминания об отношении подпоручика Тухачевского к русской революции, Цуриков признавался, что «не видел в нем и не предвидел тогда ни большевика, ни человека, готового стать на их сторону...»³²¹.

Вообще, судя по тексту и контексту воспоминаний Благодарова, последний близко с Тухачевским не общался и в основном пересказывал сюжеты из воспоминаний других лиц. Что же касается некоего офицера Леонтьева, то таковым мог быть однополчанин Тухачевского, действительно богатый полковник Н.К. Леонтьев, который вполне мог так отреагировать на некоторые рассуждения Тухачевского. Однако в сентябре 1917 – марте 1918 гг., когда сначала в резервном, затем в боевом и после вновь в резервном Семеновском полку находился Тухачевский (бежавший из плена), полковника Леонтьева в полку уже не было. В это время он командовал пехотным полком. Поэтому не исключено, что в воспоминаниях Благодарова могла быть искажена фамилия офицера: не Леонтьев, а С. Леонов, поручик л-гв. Преображенского полка, оставивший воспоминания о настроениях Тухачевского поздней осенью 1917 г., во время его пребывания в боевом составе л-гв. Семеновского полка.

Однажды, по свидетельству офицера-преображенца С. Леонова³²², как уже говорилось выше, во время какого-то праздничного застолья «в офицерском собрании, офицеры жаловались на то, что солдаты распущенны... что служить стало невозможно и т. п. Тухачевский долго молчал, а потом сказал, что сами офицеры во всем виноваты, что это офицеры позволяют командовать сволочи, а что он, Тухачевский, готов пари держать, что через два года он будет командовать этой сволочью и что она будет ходить туда, куда он ее погонит, как ходила при царе»³²³. Следует заметить, что Тухачевский называет революционных солдат «сволочью» и после его вступления в Красную армию, в 1918 г.³²⁴

Скорее всего, этот разговор имел место на полковом празднике л-гв. Семеновского полка 21 ноября 1917 г. Судя по цитированному выше высказыванию Тухачевского, к этому времени он уже определился в своем отношении к революции и в своем понимании ее сущности: русская революция в его представлении воплощалась в «сволочи», т. е. в недисциплинированной солдатской массе, вышедшей из-под офицерского контроля. Не исключено, что в своих рассуждениях, в контексте приведенных выше высказываний, Тухачевский и мог

как раз сказать и о том, что «земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает». Это могло служить одним из его аргументов в пользу того, что «эта сволочь», получив землю, «будет ходить туда, куда он ее погонит, как она ходила при царе». Мнение Тухачевского о принадлежности земли тем, кто ее обрабатывает, т. е. крестьянам, было по духу своему вполне эсеровским.

Согласно еще одному свидетельству, косвенно подтверждающему вероятность такого рода высказываний (которое, возможно, объясняет указанный выше его конфликт с некоторыми офицерами-однополчанами), Тухачевский как-то заявил, что «офицеры Семеновского полка должны смыть с себя» позорное пятно, жестокого подавления вооруженного восстания в Москве в декабре 1905 г.³²⁵ Как известно, основной боевой силой восставших в декабре 1905 г. были эсеровские боевики. Поэтому и в данном случае это его высказывание было явно проэсеровским.

Указанные факты (или слухи) примыкают к сведениям о некоторых будто бы эсеровских симпатиях Тухачевского³²⁶, которые, скорее всего, были показными, популистскими. Однако они, видимо, действовали на солдатскую массу, в подавляющем большинстве своем крестьянскую по происхождению, настроенную также в пользу эсеров. Именно потому-то Тухачевский и был избран в состав полкового комитета³²⁷, в основном эсеровского по партийно-политическим настроениям, и достаточно активно работал в нем: «...Тухачевский все время оставался на фронте, принимал участие в работах пресловутого полкового комитета»³²⁸, – свидетельствовал один из его однополчан-офицеров, не назвавший своего имени. Да он и сам, как уже говорилось, упоминал о своих кратковременных «эсеровских увлечениях» того времени³²⁹.

Приведенные свидетельства позволяют считать, что для Тухачевского, как и для остальных офицеров, революция – это развалившаяся армия и недисциплинированная «солдатня», которую он называет «сволочью». В этом он и видит главную беду революции – разрушение армии, а не в том, что свергли царя. Виновниками этого развала армии он считает Временное правительство, т. е. те социально-политические силы, которые привели к власти Временное правительство. Поэтому Тухачевский, кадровый офицер императорской гвардии, естественно занимал неприязненную позицию в отношении Временного правительства. Вряд ли он мог сожалеть о его свержении большевиками. Он мог только приветствовать и поддерживать тех, кто лишил власти разрушителей армии, тех, кто лишил власти лиц, породивших всю эту «сволочь» в солдатских шинелях.

Тухачевский покинул полк, Петроград и уехал в Москву неожиданно для своих приятелей-офицеров Семеновского полка, сообщив близким своим товарищам о намерении поступить на службу к большевикам, в Красную армию. Близкий приятель и однополчанин Тухачевского капитан Н.Н. Ганецкий³³⁰ с удивлением спросил его: «Как ты можешь идти туда?» Несколько минут Тухачевский ходил по комнате, потом остановился и воскликнул: «Я ставлю на *сволочь*...»³³¹. Не подражай мне, если не хочешь, но я думаю, что поступаю правильно, Россия будет совсем другая!»³³²

Свидетельства о конфликте Тухачевского с офицерами-однополчанами, пожалуй, лишь отчасти могут указывать на отношение к нему его товарищей по полку. Речь идет лишь о части офицеров. Другая же их часть, к которой принадлежали полковник Бржозовский, капитаны Лобачевский, Энгельгардт и ряд других, наоборот, судя по воспоминаниям и госпожи Бржозовской, и Корнфельда, сочувственно относилась к политическим настроениям подпоручика Тухачевского, помятуя его политическое «кредо» (сформулированное им несколько позже, когда он уже стал командующим 1-й Революционной армией, в разговоре со своим приятелем капитаном Б.В. Энгельгардтом): «Мы убежденные монархи-

сты...», Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем их бить самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчитаемся»³³³.

В небезызвестной книге М. Сейерса и А. Канны «Тайная война против Советской России», впервые изданной в 1947 г. и написанной, несомненно, по политическому заказу «Кремля», содержится, конечно же, подтасованная, но, пожалуй, вполне достоверная информация. В частности, авторы сообщают некоторые, нигде более не встречающиеся сведения о поведении Тухачевского после возвращения из плена и до поступления на советскую службу. «Тухачевский бежал из немецкого плена и вернулся в Россию накануне Октябрьской революции, – совершенно верно констатируют авторы время возвращения будущего маршала в Россию – 16 октября 1917 г. – Он присоединился к бывшим офицерам царской армии, которые организовывали белогвардейские войска для борьбы с большевиками»³³⁴. Прерву цитирование, чтобы отметить, что, действительно, вербовкой офицеров для последующей отправки их в Добровольческую армию, по свидетельству полковника-семеновца К.Н. Леонтьева, занимался до осени 1918 г. капитан С.К. Лобачевский, близкий приятель Тухачевского³³⁵. Поэтому цитированные выше сведения, похоже, могут быть вполне достоверными. Однако продолжу. «И вдруг переменял фронт. Одному из своих приятелей, капитану Дмитрию Голумбеку, Тухачевский по секрету сообщил о своем решении порвать с белыми. „Я спросил его, что же он намерен делать“, – рассказывал впоследствии Голумбек – Он ответил: „Откровенно говоря, я перехожу к большевикам. Белая армия ничего не способна сделать. У нас нет вождя“. Несколько минут он ходил по комнате, потом остановился и воскликнул: „Не подражай мне, если не хочешь, но я думаю, что поступаю правильно, Россия будет совсем другая!“»³³⁶

Слова Тухачевского: «белая армия ничего не способна сделать, у нас нет вождя» – можно истолковать так: Добровольческая белая армия не смогла взять Екатеринодар в конце марта 1918 г., в ходе его неоднократных и безрезультатных штурмов 31 марта 1918 г. погиб главнокомандующий Добровольческой армии, «вождь белого движения» генерал Л.Г. Корнилов. Вряд ли у Тухачевского могли быть сомнения в том, что генерал Корнилов является вождем «белого дела» и Добровольческой армии. Следовательно, решение Тухачевского о переходе к большевикам было принято после получения известия о гибели генерала Корнилова, т. е. после 31 марта 1918 г.

Однако старый, дореволюционный товарищ Тухачевского, который считал себя своего рода «крестным отцом» будущего маршала в его службе советской власти, Н.Н. Кулябко вспоминал: «Мы встретились вновь лишь в марте 1918 года. Он уже успел поработать в Военном отделе ВЦИКа, а меня 4-й Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов избрал членом ВЦИК. После переезда правительства в Москву я был назначен военным комиссаром штаба обороны Москвы, потом стал заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. В эти дни как раз и возобновились наши дружеские связи с Михаилом Николаевичем»³³⁷. Советское правительство переехало из Петрограда в Москву 11 марта 1918 г. в связи с начавшимся немецким наступлением. Поэтому встреча Н.Н. Кулябко с Тухачевским, следуя тексту воспоминаний Кулябко, не могла состояться ранее 11 марта 1918 г.

4-й Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, на котором Кулябко был избран членом ВЦИК, проходил 14–16 марта 1918 г. в Москве. По логике изложения Кулябко, он встретил Тухачевского после того, как был избран в состав ВЦИК, т. е. после 16 марта 1918 г.

Л. Норд утверждает, ссылаясь на самого Тухачевского, что решающую роль в этом его поступке сыграли братья Куйбышевы, а не Кулябко. Известно, что Тухачевский и младший из братьев, Николай Владимирович Куйбышев, будучи одногодками, в одно и то же время

окончили Александровское военное училище. Правда, на протяжении всех лет службы в Красной армии трудно было заметить между ними особенно близкие дружеские отношения. Однако Л.Норд свидетельствует об ином.

«...Судьба столкнула Тухачевского с Николаем Владимировичем Куйбышевым в 1918 г. на вокзале в Москве, – вспоминала Л.Норд. – И эта случайная встреча определила дальнейшую судьбу маршала. Н.В.Куйбышев затащил его к себе и познакомил с братом. Старший Куйбышев, угадав и оценив незаурядную натуру Тухачевского, три дня уговаривал его примкнуть к большевикам. Он свел его со старшими офицерами, уже перешедшими к красным и, когда Тухачевский был завербован, В.В.Куйбышев использовал все свое влияние в партии, чтобы выдвинуть молодого поручика на ответственный военный пост. Он сам поручился за Тухачевского и нашел для него еще других поручителей»³³⁸.

Несомненно, сам факт встречи с однокашником и определенные положительные эмоции, этим событием вызываемые, могли иметь место в то время. Валериан Владимирович Куйбышев с конца 1917 г. находился в Самаре, где устанавливал советскую власть и затем стал секретарем губкома РКП(б). Он приезжал в Москву лишь на короткое время 4-го съезда Советов 14–16 марта 1918 г. и сразу же по его окончании вернулся в Самару. Хотя в тогдашней обстановке у него было мало времени на то, чтобы три дня уговаривать гвардейского поручика, а затем устраивать его судьбу в Военном отделе ВЦИК. Тем не менее нельзя исключить, что приехал он в Москву до 14 марта, а уехал после 16 марта. Поэтому такого рода встреча могла иметь место и хронология события не противоречит воспоминаниям Кулябко, который, как отмечалось выше, встретился с Тухачевским уже после 16 марта 1918 г. Таким образом, исходя из данного свидетельства, имеются основания полагать, что Тухачевский приехал в Москву из Петрограда до 14 марта, между 11 и 14 марта 1918 г.

Однако, учитывая ранее приведенные свидетельства, «три дня уговаривать» Тухачевского вряд ли было необходимо, если он еще в Петрограде, находясь в полку, решил поступить на службу к большевикам. Ведь именно из-за этого он и отправился в Москву, вслед за большевистским правительством.

Наконец, самое главное. Тухачевскому ничего не было известно о роли В.В. Куйбышева в собственной судьбе. Он обязательно бы указал этот факт в своих воспоминаниях о Куйбышеве, связанных со смертью последнего, однако Тухачевский вспоминал лишь о том, что Куйбышев был у него военным комиссаром в 1-й армии. «Благословение» одного из тогдашних «вождей» страны было бы для него далеко не лишним. Таким образом, информация Л. Норд о решающей роли братьев Куйбышевых в судьбе Тухачевского была, скорее всего, рождена слухами. Впрочем, вполне возможно, что Н.В. Куйбышев мог проинформировать своего брата о Тухачевском перед их совместной службой в 1-й Революционной армии, в которую, как выше отмечалось, В.В. Куйбышев был в июле 1918 г. назначен военным комиссаром к будущему маршалу.

Учитывая все сказанное и все приведенные расчеты по времени, можно полагать, что Тухачевский начал работать в Военном отделе ВЦИК вскоре после переезда советского правительства в Москву, примерно после 16 марта 1918 г. Именно к этому времени, если судить по цитированным воспоминаниям, он принял решение пойти на службу к большевикам. Однако этим расчетам противоречит свидетельство официального документа, «Послужного списка М.Н. Тухачевского» от апреля 1919 г. «По возвращению с фронта, – записано в нем, – был представителем Военного отдела Всероссийского ЦИК **5.4.1918**»³³⁹.

Как видим, представителем Военного отдела ВЦИК Тухачевский стал не в марте, а, как совершенно определенно указано в этом документе, с 5 апреля 1918 г. Единственный вопрос, возникающий в связи с этой датой: по какому стилю она дается – по старому или по новому? Дата рождения Тухачевского в послужном списке дается по «новому стилю», однако все последующие даты, вплоть до указания, какого числа он был представлен в капи-

таны (включительно), даются по «старому стилю». Потому трудно сказать, по какому стилю указана дата 5 апреля 1918 г. Если рассматривать ее в связи со свидетельством капитана Д. Голумбека, то, скорее всего, она дается по «старому стилю». В таком случае поведение и поступки Тухачевского оказываются вполне логичными и мотивированными (толчком послужило известие о гибели Корнилова и поражении, а следовательно, было воспринято как обреченность «белого движения» и Добровольческой армии под Екатеринодаром): 31 марта 1918 г. погибает генерал Корнилов; известие о его гибели дошло до Петрограда не ранее 1 апреля; Тухачевский принимает решение о переходе к большевикам 1–2 апреля, 3 апреля отправляется из Петрограда в Москву, куда приезжает 4 апреля, а 5 апреля Тухачевский становится сотрудником Военного отдела ВЦИК.

Объясняя переход Тухачевского на сторону большевиков со всеми вытекавшими из этого перехода последствиями, близко познакомившийся с ним в плену Н.А. Цуриков подтверждал свидетельство Сабанеева, считая, что «тут решило самое главное – безмерное тщеславие и давние мечты о «наполеонизме». Еще в училище, как рассказал мне потом один из близких по учению товарищей Тухачевского, он бредил полководчеством и напрягал невероятные усилия, чтобы быть в первых рядах и выйти в гвардейский полк. Это удалось. Война. Начинается как будто осуществление... и вдруг плен»³⁴⁰. И это было неожиданным для него, но весьма важным обстоятельством: можно полностью согласиться с Цуриковым, что вынужденное безделье в плену досадно прервало военную карьеру Тухачевского, усугубив его честолюбивый «бонапартизм». «Если бы его не было, – продолжал свои размышления Цуриков, справедливо отмечая это обстоятельство, – может быть, и не было бы так ужасно уязвлено самолюбие и не надо было бы в возможностях революции искать вознаграждение за потерянное время»³⁴¹.

Из совокупности всех ранее приведенных свидетельств, в той или иной мере объясняющих мотивацию политического выбора гвардии подпоручика Тухачевского, следует, что этот выбор был вполне осмысленным, но вряд ли мотивирован вдруг возникшими у дворянина-монархиста увлечением революционным марксизмом и «верой в коммунизм». Все близко знавшие его в то время в один голос утверждают, что он ни в коей мере не был большевиком. Он был увлечен перспективой реализации широкомасштабных, «наполеоновских» планов, открывавшихся перед российской революционной армией. Он был увлечен перспективой «коммунистического империализма», как однажды он сам написал об этом, рассуждая о «мировой революции», вносимой на русских революционных штыках в другие страны. Основная смысловая нагрузка в словосочетании «коммунистический империализм» для него приходилась, несомненно, на его вторую часть, а «коммунистический» являлось лишь инструментом реализации «империализма», идеологическим инструментом мобилизации масс. Напомню его рассуждения, переданные Ферваком, о том, что ему, Тухачевскому, все равно под какими знаменами, пусть даже под красными с марксистскими лозунгами, будет водружен флаг Победы над Варшавой и константинопольской Софией. И вскоре он «сделал ставку на сволочь».

Надо сказать, что политический выбор Тухачевского осуществлялся в условиях выбора и других офицеров-семеновцев, его приятелей и тоже был неоднозначен.

Полковники л-гв. Семеновского полка Р.В. Бржозовский и С.И. Соллогуб в 1918 г. уехали в Польшу. Там второй из указанных офицеров занял достаточно высокий воинский пост. Кадровый офицер-семеновец, начавший войну в составе «первого эшелона фронтовиков» с 2 августа 1914 г., правда к 1917 г. уже служивший в армейских штабах Генерального штаба, полковник Сергей Иванович Соллогуб (1885–1939), тоже выпускник Александровского военного училища, ровесник и сокурсник полковника Бржозовского, во время советско-польской войны был офицером связи в штабе высшего командования польской армии. В 1939 г., после крушения Польши и присоединения Западной Украины и Западной Белорус-

сии к СССР, и Бржозовский, и Соллогуб, оказавшиеся на территории, занятой советскими войсками, были арестованы НКВД и расстреляны.

Венцкевич Станислав Владиславович (1887 – после 1938), штабс-капитан (1917), полковой адъютант, дворянин г. Калиша, католик по вероисповеданию, окончил Калишскую гимназию, сдал экзамен на прапорщика запаса армейской пехоты при штабе 11-й пехотной дивизии, прапорщик с 1.11. 1912. Осенью 1914 г. он был призван в ряды полка и отправился на фронт. Заслужив к 1 января 1916 г. 3 награды, после ранения был отправлен «на излечение от ран с 26 июля 1916 г. . .»³⁴² (приказ от 15 января 1917 г.) и был произведен в подпоручики гвардии 10.8.1916. После излечения Венцкевич был переведен в запасной батальон полка. Как Бржозовский и Лобачевский, он уехал в Польшу. В польской армии он дослужился до чина майора³⁴³.

Капитан М.М. Клингенберг, уволенный в отпуск 23 ноября 1917 г., поступил на службу в Украинский Окрометный Войсковой курень Козаков Запорожцев³⁴⁴.

Капитан Д.В. Комаров 1-й, до 27 января 1918 г. командовавший фронтовым полком³⁴⁵, остался в СССР и в октябре 1930 г. был арестован в Ленинграде по так называемому «делу семеновцев» (за то, что вывез с фронта полковое знамя и спрятал его в полковом соборе в Петрограде) и в мае 1931 г. расстрелян.

Старый приятель Тухачевского по л-гв. Семеновскому полку капитан барон Типольт, оставшийся в Советской России, в 1920–1921 гг. служил в штабе Западного фронта у Тухачевского. Он сопровождал командзапа и в командировке в Петроград, когда тот был назначен командующим 7-й армией и Петроградским военным округом и организовывал взятие мятежного Кронштадта.

Другой долговременный близкий сотрудник, однополчанин Тухачевского Павел Иванович Ермолин (1884–1938) родился в семье отставного офицера и происходил из дворян Пензенской губернии³⁴⁶, являясь, таким образом, «земляком» Тухачевского³⁴⁷. После окончания Симбирского кадетского корпуса Ермолин поступил в Александровское военное училище и был выпущен из него в 1904 г. подпоручиком в л-гв. Семеновский полк³⁴⁸.

Ермолин пробыл в л-г. Семеновском полку до 1910 г. Он поступил в Академию Генерального штаба, которую закончил в 1912 г., и в декабре этого же года был произведен в штабс-капитаны. По окончании академии штабс-капитан Ермолин возвратился на службу в свой полк. Согласно «Списку по старшинству. . .» от 16 января 1914 г. Ермолин находился в составе полка в должности командира 15-й роты³⁴⁹. До октября 1914 г. он все еще числился в списках своего полка. Таким образом, он должен был быть знаком с Тухачевским не только по Пензе, но и по полку, и по фронту. Впрочем, в октябре 1914 г. Ермолин уже служил в армейских частях на штабных должностях³⁵⁰. С начала 1918 г. он оказался в составе Красной армии³⁵¹. Здесь Тухачевский и Ермолин – два земляка, два «александрона», два «семеновца» – встретились вновь. С конца ноября 1918 г. Ермолин был начальником штаба 5-й армии, которой с апреля 1919 г. командовал Тухачевский.

При весьма смутных обстоятельствах, которые нуждаются в отдельном исследовании, 27 июля 1919 г. Ермолин был смещен с должности в самый разгар побед 5-й армии³⁵². Однако в феврале 1920 г., по настоятельным требованиям только что назначенного командующим Кавказским фронтом Тухачевского, он вновь поступает в его распоряжение. После этого, очевидно высоко ценимый Тухачевским как штабной оперативный работник, старый приятель, однокашник и однополчанин, Ермолин следует за будущим маршалом по всем ступенькам служебной лестницы. Всюду Тухачевский «тянет» за собой Ермолина вплоть до начала 1922 г.³⁵³: с апреля по декабрь 1920 года он – помощник начальника штаба Западного фронта; с декабря 1920 по август 1921 года – начальник штаба фронта. С переводом

Тухачевского начальником Военной академии РККА, как выше уже отмечалось, Ермолин переводится туда же «в распоряжение начальника академии». Их пути разошлись лишь в конце января 1922 г., когда Тухачевский получил вновь назначение командующим Западным фронтом, а Ермолин остался на преподавательской работе в Военной академии РККА³⁵⁴.

С введением так называемых «категорий» для военнослужащих РККА Ермолину в 1924 г. была присвоена «категория – 10» (К-10)³⁵⁵. Это примерно соответствовало будущему персональному званию «комбриг» или «бригадному генералу». В 1926 г., в соответствии с проведенной аттестацией, П.Ермолин был аттестован как «соответствующий занимаемой должности и должности наштакора»³⁵⁶.

Достаточно близкие отношения Ермолина с Тухачевским и членами его семейства сохранялись и в 20-е, и в 30-е гг.³⁵⁷ Один из выступавших на Военном совете при наркомате обороны 1–4 июня 1937 г., посвященном рассмотрению «дела Тухачевского и военно-фашистского заговора», в числе близких к арестованному маршалу людей указал: «...Ермолин – бывший начальник штаба Тухачевского по Западному фронту...»³⁵⁸.

В войсках Западного фронта, которым в 1922–1924 гг. командовал Тухачевский, в должности помощника командира 79-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии служил М.Э. Мейендорф (г.р.1887), бывший подпоручик л-гв. Семеновского полка, русский, дворянин из Петербурга, имевший неоконченное физико-математическое образование в Петербургском университете, затем обучавшийся в Павловском училище.

В Научно-уставном отделе Штаба РККА, когда его начальником был Тухачевский, служил еще один офицер-семеновец – бывший штабс-капитан М.В. Гильшер³⁵⁹, а в историко-биографическом секторе – некий И.Н. Толстой, возможно, бывший капитан л-гв. Семеновского полка³⁶⁰.

Еще один эпизод, пожалуй, характеризует отношение Тухачевского к своим однополчанам по л-гв. Семеновскому полку. Видимо, в душе бывшего гвардии подпоручика Тухачевского сохранилось что-то более эмоционально сильное, чем просто память о поручике П.А. Купреянове, погибшем в 1915 г., раз в 1927 г., с определенным риском для своей репутации, он помог его сестре А.А. Купреяновой выехать из России, оформив этот отъезд как учебу в Германии. Там ее дождался уехавший ранее ее жених Жуков. Он увез ее сначала в Грецию, а затем в Америку. У нее было двое детей, и она скончалась в 1983 году³⁶¹.

Помог Тухачевский и своему приятелю бывшему капитану л-гв. Семеновского полка барону А.А. Типольту, служившему, как уже отмечалось выше, одно время (в 1921 г.) в штабе будущего маршала в 7-й Красной армии, когда в 1935 г., после убийства С.М. Кирова, его в числе так называемых «бывших людей», проживавших в Ленинграде должны были депортировать в Казахстан. А.А. Типольт обратился за помощью к тогда уже весьма влиятельному Тухачевскому и, благодаря ему, был оставлен в покое, в Ленинграде.

В связи с приведенными выше фактами уместно, думается, привести свидетельство Л.Л. Сабанеева. Подытоживая свое мнение о личности Тухачевского, он заключал: «...Возвращаясь к Тухачевскому, могу сказать, что общее мое впечатление от него было чрезвычайно хорошее; это был человек очень благородный, отважный, культурный, не лишенный чудачеств и склонности к сатире. Он делал много добрых и хороших услуг людям своего круга в тяжелые времена военного коммунизма, выручал из объятий ВЧК многих, но всегда «некоммунистов». У него был свой план жизни, в котором коммунизм был только поводом и средством временного характера. Но в герои коммунизма его записывать было бы ложью, ему самому противной»³⁶².

Некоторые колебались, выбирая между «красными» и «белыми». Характерно в этом отношении поведение капитанов Б.В. Энгельгардта и С.К. Лобачевского. По свидетель-

ству Корнфельда, Тухачевский «был очень дружен... с капитанами Лобачевским и Энгельгардтом... Они имели репутацию превосходных боевых офицеров и томились обстановкой петербургского тыла»³⁶³. Все трое отправились на фронт 2 августа 1914 г.

Сигизмунд Казимирович Лобачевский (1893–1920), капитан (октябрь 1917) – кадровый офицер и «коренной семеновец», ровесник Тухачевского, поляк, дворянин (из Киевской губернии), католик по вероисповеданию, происходил из семьи полковника. Лобачевский принадлежал к известной, хотя и не очень родовитой дворянской фамилии: он был правнуком знаменитого и выдающегося русского математика Лобачевского³⁶⁴. Окончивший Владимирское военное училище (в Киеве), он был выпущен в 1913 г. подпоручиком в л-гв. Семеновский полк. В этом чине он был и в начале Первой мировой войны. Невысокий ростом, по отзыву однополчанина, Лобачевский был «молодым, но толковым офицером»³⁶⁵. За отличия в последних боях л-гв. Семеновского полка 7 и 8 июля

1917 г., будучи командиром 3-го батальона, капитан Лобачевский, «находясь в передовых цепях, – как записано в приказе о его награждении, – под сильным и действительным огнем противника личным примером ободрял солдат своего батальона и, руководя отражением неприятельских атак, неоднократно и без потерь выводил свой батальон из чрезвычайно тяжелых положений». Спустя два дня, в новом бою 11 июля Лобачевский вновь отличился: когда часть его солдат начала отступать, он «лично собирал их и вновь заставлял занять образовавшийся прорыв, чем способствовал отражению атаки» противника. Как ранее уже было сказано, солдаты, от мнения которых теперь зависело награждение офицеров, несмотря на известную строгость их командира, по достоинству оценили его храбрость, командные качества и поведение в этих боях и сочли его достойным награждения почетной для офицера солдатской наградой – Георгиевским крестом 4-й степени «с веточкой».

Капитан Лобачевский оставался в Гвардии Семеновском резервном полку в Петрограде до осени 1918 г. В октябре 1918 г. он уехал, как и полковник Бржозовский, в Польшу, получившую независимость, в формировавшуюся польскую армию. Однако, в отличие от Бржозовского, который «осел» в своем имении под Вильно и, очевидно, по состоянию здоровья не мог нести военную службу (хотя, по другим сведениям, он все-таки вступил в польскую армию), Лобачевский, родиной которого была Киевская губерния, в составе польской армии погиб в ходе советско-польской войны в сентябре 1920 г. в боях под Минском, который отбивали у поляков войска его некогда близкого друга Тухачевского.

Капитан (с ноября 1917 г.) Энгельгардт Борис Вадимович (1889–1941), сын действительного статского советника, В.П. Энгельгардта, богатого смоленского помещика, владения которого измерялись тысячами десятин земли³⁶⁶, происходил из старинного дворянского рода, представители которого служили России с XVII в.³⁶⁷ Унаследовав немецкую фамилию, Энгельгардты быстро обрусели.

Б.В. Энгельгардт по образованию и воспитанию не был в полном смысле кадровым офицером. Согласно официальным документам Генерального штаба, он окончил Императорское училище правоведения в 1910 г., поступил рядовым гвардии на правах вольноопределяющегося 1-го разряда (в 1910) и в 1911 г. выдержал экзамен на чин подпоручика гвардии в Павловском военном училище³⁶⁸. Согласно «Списку по старшинству в чинах офицеров» на 1.1.1914 г., Энгельгардт значился подпоручиком 5 роты л-гв. Семеновского полка с 6.8.1911 г., а в 1913 г. вышел в отставку³⁶⁹. Судя по тому, что через год службы в л-гв. Семеновском полку он вышел в отставку, первоначально Энгельгардта не особенно привлекала военная служба и военная карьера. Скорее всего, если учесть выдающиеся командные и боевые качества, им проявленные в ходе войны, Энгельгардта тяготила не сама по себе военная служба, но повседневная полковая армейская рутинка. Во всяком случае, он оказался склонен продолжать службу чиновником в соответствии со своим гражданским, юридиче-

ским образованием. Лишь неумолимые обстоятельства – начавшаяся в 1914 г. война – вынудили его возвратиться в ряды л-гв. Семеновского полка.

Вскоре в боях он проявил не только личную исключительную храбрость, мужество и хладнокровие, но и командные качества. По свидетельству сослуживцев, в боях «Энгельгардтом была проявлена исключительная смелость в сочетании с изумительным хладнокровием...»³⁷⁰. Однажды «в ночной атаке Энгельгардт, не замечая, что солдаты, не выдержав сильного огня, залегли, ворвался один в немецкий окоп с осиновым колом, вырванным из проволочного заграждения. Там он гвоздил этим своеобразным оружием немцев направо и налево и успел взять в плен офицера, пока его осмелевшая рота не подоспела на выручку. За это, кажется, он представлен к Георгию»³⁷¹. Осенью 1915 г., когда «почти все офицеры были ранены или убиты, Борис Энгельгардт со своим уцелевшим едва ли наполовину батальоном, получив приказание, как всегда спокойный и подтянутый, бросился в атаку и был тяжело ранен»³⁷². В 1915 г. Энгельгардт был произведен в поручики³⁷³. 29 августа 1916 г. – в штабс-капитаны³⁷⁴. К 1917 г. штабс-капитан Б.В. Энгельгардт за отличия в боевых действиях был награжден бю орденами, включая св. Георгия 4-й степени (18.7.1916)³⁷⁵ и св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (13.4.1915).

Во время последних боев л-гв. Семеновского полка, в ходе наступления Юго-Западного фронта в июне – июле 1917 г. «за отличие в боях 7—14.7.1917 у деревни Мшаны до местечка Скалат», по решению солдат батальона, уважавших и любивших своего командира за храбрость и выдающиеся командные качества, штабс-капитан Энгельгардт был награжден почетной солдатской наградой – Георгиевским крестом 4-й степени «с веточкой»³⁷⁶.

Согласно протоколу № 31 заседания полкового комитета гв. Семеновского полка 11 ноября 1917 г., капитан Энгельгардт, несмотря на обращенную к нему просьбу полкового комитета, добровольно сложил с себя командование 4-м батальоном, однако он оставался в полку, принял участие в последнем полковом празднике 21 ноября 1917 г. и уехал в Петроград, в гвардии Семеновский резервный полк 21 января 1918 г.³⁷⁷

Находясь после расформирования гвардии Семеновского полка в Петрограде, капитан Б.В. Энгельгардт в разговорах с офицерами-однополчанами обнаруживал откровенно антибольшевистские взгляды и намерение уйти в белую армию. В контексте вопроса об отношении офицеров-семеновцев к революционным событиям в России в 1917 г., особенно к Октябрьской революции, поставленного на рассмотрение, в случае капитана Б.В. Энгельгардта особое внимание привлекают нижеследующие свидетельства.

По свидетельству Корнфельда, уехав в Москву, Тухачевский «через две или три недели...им (т. е. Энгельгардту и Лобачевскому) написал о том, что находится в Симбирске по приглашению Троцкого и формирует новые полки взамен Красной армии. Эта новая армия должна была быть вне какой бы то ни было политики»³⁷⁸. Далее «в своем письме, которое он написал не то Лобачевскому, не то Энгельгардту, он уговаривал и того, и другого перевестись в Симбирск, и там помочь ему в его большой и ответственной работе. И Лобачевский, и Энгельгардт были весьма поражены тем, чего ему уже удалось достигнуть, в частности, в смысле строгости в военной дисциплине, но все же отказались от полученного предложения»³⁷⁹. Сведения, сообщаемые Корнфельдом в воспоминаниях, однако, нуждаются в уточнении.

Попутно заметив, что автор воспоминаний, конечно, оговорился, назвав «Красную Гвардию» «Красной армией», прежде всего, необходимо пояснить, что в Симбирске во главе 1й Революционной армии Тухачевский оказался в конце июня 1918 г. Следовательно, письмо, полученное Энгельгардтом и Лобачевским от Тухачевского из Симбирска, не могло быть написано и отправлено им ранее конца июня – начала июля 1918 г., а скорее всего,

было написано после мятежа полковника Муравьева, командующего советским Восточным фронтом (11 июля 1918 г.), но до 22 июля 1918 г., когда Симбирск был захвачен чехословаками и возвращен частями 1-й Революционной армии только в сентябре 1918 г. Однако в это время Энгельгардта уже не было в Петрограде: в это время он уже находился в Симбирске, в составе штаба Тухачевского. В связи с этим следует исправить свидетельство Корнфельда: в нашем распоряжении нет никаких сведений о том, как отнесся к приглашению Тухачевского капитан Лобачевский, однако, что касается Энгельгардта, то он принял предложение своего приятеля, командовавшего 1-й Революционной армией и прибыл в Симбирск в конце августа или в начале сентября 1918 г. Об этом имеются свидетельства, в том числе и самого Тухачевского, и сотрудников его штаба.

По воспоминаниям Н.И. Корицкого, в сентябре 1918 г. начальника оперативного управления штаба 1-й армии, перед самым началом Сызрано-Самарской операции (сентябрь 1918 г.) «Тухачевский представил мне в своем салон-вагоне человека средних лет, небритого, в каком-то поношенном френче, небрежно развалившегося в кожаном кресле:

– Энгельгардт.

...Энгельгардт, представленный мне Михаилом Николаевичем, тоже был смолянином, земляком Тухачевского и, кроме того, его сослуживцем по Семеновскому гвардейскому полку. К нам он прибыл с предписанием Всеросглавштаба³⁸⁰. Свои клятвенные заверения честно служить Советской власти Энгельгардт подкреплял ссылкой на бывшие дружеские связи с командармом»³⁸¹.

Корицкий утверждает, что капитан Б. Энгельгардт появился в штабе 1-й Революционной армии, в распоряжении ее командарма Тухачевского перед самым началом Сызрано-Самарской операции. Эта операция проводилась с 14 сентября по 8 октября 1918 г. Однако, согласно воспоминаниям самого Тухачевского, капитан Энгельгардт принимал участие еще в предшествующей боевой операции 1-й Революционной армии – Симбирской (9—28 сентября 1918 г.). 12 сентября, во время штурма самого Симбирска, «переправой руководил тов. Энгельгардт», – вспоминал командарм-1³⁸². Эта операция официально проводилась с 9 по 28 сентября 1918 г. Следовательно, Энгельгардт появился в штабе Тухачевского не перед Самаро-Сызранской, а перед Симбирской операцией, т. е. до 9 сентября 1918 г., видимо, в начале месяца (чтобы он мог успеть принять участие в ее подготовке). Поэтому Корнфельд ошибается, утверждая, что Энгельгардт отказался принять предложение Тухачевского приехать в Симбирск и принять участие в боевых действиях на советском Восточном фронте в составе 1-й Революционной армии, которой командовал его приятель-однополчанин. И, действительно, Корнфельд несколько противоречит сам себе: сообщая об отказе Энгельгардта и Лобачевского отправиться в Симбирск к своему другу Тухачевскому, автор воспоминаний тут же говорит, что «и Лобачевский, и Энгельгардт были весьма поражены тем, чего ему уже удалось достигнуть, в частности, в смысле строгости в военной дисциплине». Они могли быть «поражены» организационными успехами своего товарища, лишь непосредственно увидев и оценив его достижения в организации «новой армии». Отсюда следует, что оба офицера не отказались, а, напротив, согласились на предложение Тухачевского и приехали в Симбирск. Во всяком случае, относительно Энгельгардта имеются прямые подтверждения в цитированных выше воспоминаниях самого Тухачевского и Корицкого. Кроме того, Корицкий отмечает, что Энгельгардт прибыл в Симбирск, в штаб 1-й армии Тухачевского, с предписанием Всеросглавштаба, т. е. официально вступив в ряды Красной армии. Он мог это сделать не позднее августа 1918 г.

Причину принятия Энгельгардтом предложения Тухачевского, пожалуй, можно вычитать из цитированных строчек воспоминаний Корнфельда, в которых он кратко пересказывает содержание письма Тухачевского: он «написал о том, что находится в Симбирске по

приглашению Троцкого и формирует новые полки взамен Красной армии. Эта новая армия должна была быть вне какой бы то ни было политики». С учетом того, что воспоминания Корнфельд писал уже десятилетия спустя после описываемых обстоятельств (что объясняет неточности в изложении фактов), он тем не менее передает некоторые реалии, нашедшие отражение в изложении содержания письма, в частности, это касается цитированных выше строчек. Особое внимание следует обратить на то, что Тухачевский писал о формировании «новых полков взамен Красной армии». Возможно, этот штрих воспоминаний Корнфельда о письме Тухачевского Энгельгардту и Лобачевскому отражает реальную обстановку на советском Восточном фронте и, в частности, в 1-й Революционной армии после мятежа Муравьева, когда практически заново пришлось формировать воинские части и соединения. Но особенно примечательна строчка из письма, поясняющая, что «эта новая армия должна была быть вне какой бы то ни было политики». Пожалуй, именно это пояснение могло привлечь капитана Энгельгардта в армию Тухачевского. Что имел в виду Тухачевский (если считать, что Корнфельд верно отразил написанное в письме), сказать трудно. Возможно, речь шла о том, что Красная армия не должна принимать участия во внутривнутриполитической борьбе партий в руководстве Советской Республики, как это попытался сделать Муравьев, используя вверенные ему войска в партийно-политических целях партии левых эсеров.

Далее в своих воспоминаниях Корицкий сообщает, что во время Сызрано-Самарской операции Тухачевский под командованием Энгельгардта объединил Пензенскую и Вольскую дивизии, а также два полка Самарской. «В ходе операции, – пишет Корицкий, – он (Энгельгардт) часто терял связь со штабом, его донесения противоречили донесениям из частей, и, в конце концов, мы вынуждены были связаться напрямую со штабами дивизий и осуществлять руководство ими, минуя Энгельгардта. А когда закончилась операция и штаб перебазировался в Сызрань, Энгельгардт незаметно исчез и объявился потом у Деникина...»³⁸³.

Однако оценка Корицким действий Энгельгардта в указанной боевой операции расходится с мнением самого Тухачевского, которое он высказал еще в 1921 г. Излагая ход боевых действий и объясняя боевой успех, Тухачевский считал необходимым назвать фамилию командира, способствовавшего этому успеху. «...Переправой (14 сентября 1918 г. во время Симбирской операции) руководил тов. Энгельгардт³⁸⁴, – вспоминал он. – ...Эти три дивизии (Пензенская, Инзенская и Симбирская) для удобства действий были объединены под командой тов. Энгельгардта»³⁸⁵. Судя по всему, командарм был доволен действиями Энгельгардта. Поэтому оценка действий последнего, предложенная Корицким, не соответствует действительности и, несомненно, конъюнктурна. Ошибается Корицкий и в определении возраста капитана Энгельгардта. Он вовсе не был человеком «средних лет». Тогда, в 1918 г., ему шел 29-й год.

Но главное, столь отрицательное отношение к Энгельгардту со стороны Корицкого, кажется, находит объяснение.

Эти воспоминания Корицкого, опубликованные в 1965 г., не во всем отражают реальную ситуацию, и у мемуариста были веские основания для ее искажения. Он вынужден был лукавить, видимо, для доказательства собственной лояльности. Причина такого «старания» в том, что сам Корицкий, старший брат командарма Н.Н. Тухачевский, тоже бывший офицер-семеновец (правда, не кадровый, а «военного времени»), начальник инженеров, тоже бывший гвардейский офицер М.Н. Толстой (поручик л-гв. Саперного батальона) осенью 1919 г. обвинялись в причастности к так называемой «Приволжской шпионской организации», раскрытой ЧК в мае-сентябре 1919 г.³⁸⁶ Обвинение было настолько серьезно, что было отдано распоряжение об их аресте. А в отношении же самого командарма было сказано, что он знал об этом, а следовательно, тоже причастен к этому делу³⁸⁷. Это было своего рода отго-

лоском тех настроений в руководстве 1-й армией, о которых сообщал Энгельгардт Деникину в ноябре 1918 г. Но в это самое время, т. е. осенью 1919 г., войска 5-й армии под командованием Тухачевского громили белые войска Колчака и он уже завоевал репутацию лучшего командарма Республики, «победителя Колчака и завоевателя Сибири». Поэтому не так-то просто было обвинить его в причастности к белогвардейскому заговору, да и политически – нецелесообразно. В такой ситуации, как полагали, Тухачевский и сумел избавиться от ареста и Корицкого, и Толстого, и, конечно же, своего старшего брата³⁸⁸. Исходя из приведенного пояснения, можно полагать, что Корицкий корректировал свои воспоминания, в частности, в том, что касалось Энгельгардта, учитывая последующее поведение этого человека, оказавшегося вскоре в рядах белой армии.

Далее Корицкий пишет, что Энгельгардт «незаметно покинул» 1-ю армию после окончания Самаро-Сызранской операции и после перебазирования штаба армии в Сызрань, т. е. после 10 октября. «Незаметно покинул» не может означать, что Энгельгардт сбежал и переметнулся к белым. Тем более что Тухачевский и в 1921 г. продолжал именовать его «товарищем», следовательно, скорее всего, он ничего не знал об уходе Энгельгардта к Деникину.

Стоит обратить внимание на еще один штрих в воспоминаниях Корнфельда: из их контекста следует, что, покинув 1-ю армию Тухачевского, Энгельгардт возвратился в Петроград и поведал Корнфельду о достижениях Тухачевского в строительстве «новой армии», о чем свидетельствует сам автор воспоминаний. Таким образом, Энгельгардт вовсе не «сбежал» из армии Тухачевского прямо к Деникину, а отправился туда из Петрограда. Надо полагать, что вернулся он в Петроград, в гвардии Семеновский полк, приблизительно к 18–20 октября 1918 г., возможно, в соответствии с приказом вышестоящего начальства Красной армии. В связи с приведенными выше свидетельствами Корнфельда, Корицкого, Деникина и самого Тухачевского, видимо, находится и одно из свидетельств полковника л-гв. Семеновского полка князя Ф.Н. Касаткина-Ростовского, опубликованное в 1922 г. в тексте его воспоминаний о Тухачевском.

«В 1919 году один из его (Тухачевского. – С.М.) бывших сослуживцев был вызван неожиданно в Козлов в ставку командующего одной из советских армий, – вспоминал князь. – Удивленный таким приглашением, г-н Х. принужден был поехать и там, к удивлению, узнал, что командующий этой армией был Тухачевский. Обласкав г-на Х., Тухачевский стал убеждать его поступить на службу к Советам, говорил о возрождении армии, о реформах, им вводимых, о возрождении дисциплины и т. д. Видимо, опьяненный своею ролью и осуществлением своей мечты, он восторженно строил планы покорения всего, что противится новому строю, говорил, что это настоящее служение народу. Дав Тухачевскому, предложившему ему в своей армии дивизию, уклончивый ответ и отправившись для устройства своих дел в отпуск, г-н Х., переодевшись кочегаром, бежал в армию генерала Деникина»³⁸⁹.

Этот фрагмент воспоминаний Касаткина-Ростовского, совершенно очевидно, является пересказом сообщения указанного «господина Х», тоже офицера л-гв. Семеновского полка. В сущности, это сообщение перекликается со свидетельствами Корнфельда, Тухачевского и Корицкого, однако поскольку дается оно уже в пересказе, то, естественно, с очевидными искажениями. Похоже, что речь идет о том же эпизоде, о котором, так или иначе, рассказывают Корнфельд, Тухачевский и Корицкий. Видимо, сам Энгельгардт рассказал Касаткину-Ростовскому о своем пребывании в армии, которой командовал Тухачевский, только это относилось не к 1919 году, а к 1918-му. Если это так, то Энгельгардт был направлен в 1-ю армию по просьбе самого Тухачевского. И в этом отношении данное воспоминание соотносится с рассказом Корнфельда о письме, которое прислал Тухачевский своим приятелям-однополчанам Энгельгардту и Лобачевскому. Вполне с контекстом воспоминаний Корнфельда (которые выше уже анализировались) получается, что, по собственному признанию Энгельгардта, из 1-й армии он, получив отпуск «для устройства своих дел», возвратился в

Петроград и передал свои впечатления об организаторской деятельности Тухачевского. Следовательно, он не отправился прямо к Деникину из 1-й армии, а направился в Добровольческую армию уже из Петрограда, как он описывает, переодевшись кочегаром.

Поскольку Энгельгардт и в белой армии не занимал заметных ответственных должностей, Тухачевский ничего и не знал о нем после 1918 года, полагая его где-то служащим в рядах Красной армии, тем более что некоторые представители этого разросшегося «смоленского клана» Энгельгардтов продолжали служить в армии Советской России, не занимая высоких должностей, но порой мелькая в армейской документации.

При учете всех приведенных выше обстоятельств становятся более понятными некоторые тонкости взаимоотношений Тухачевского, равно как и Корицкого, с капитаном Энгельгардтом в августе-сентябре 1918 г. Фраза-ответ Энгельгардта: «Неужели, Миша, ты думаешь, что я могу быть подлецом и подвести тебя» – по логике текста самих воспоминаний Корицкого, была явным ответом на просьбу Тухачевского, обращенную к нему, к старому другу-однополчанину.

Из контекста этого диалога должно было следовать, что Тухачевский знал о политических настроениях Энгельгардта. Знал и вполне осознанно дал Энгельгардту весьма высокую командную должность, поскольку и сам придерживался тех же политических убеждений, что и Энгельгардт. Это подтверждается свидетельством генерала А.И. Деникина, который отметил появление в своем штабе капитана Энгельгардта и пересказал сообщенные последним сведения о политических настроениях штаба Тухачевского³⁹⁰.

Энгельгардт сообщал, что Тухачевский считал более эффективным и целесообразным для «монархистов» поддержать советскую власть и большевиков в борьбе против «учредительской демократии», в которой он видел главного врага России и монархии, а потом уже ставить вопрос о борьбе с советской властью. Это-то и позволило капитану Энгельгардту осенью 1918 г. сообщить Деникину о «монархических» убеждениях и скрытых «антисоветских намерениях» командования 1-й армии. Поэтому Энгельгардт считал Тухачевского и его штаб «правыми», но только избравшими «другой путь» борьбы с революцией³⁹¹. В этом контексте более понятными оказываются и оценки, данные Тухачевскому госпожой Бржозовской, выразившей неверие в то, что Тухачевский стал «настоящим» большевиком.

Столь пространный и детальный анализ мемуарных свидетельств о военно-политическом выборе капитана Б.В. Энгельгардта был необходим для того, чтобы лучше понять неоднозначный политический настрой офицеров-семеновцев в ходе октябрьских событий 1917 г. и первых месяцев 1918 г. Выбор между белыми и красными многими офицерами был сделан не сразу. Кратковременная служба капитана Энгельгардта в Красной армии, в войсках его приятеля-однополчанина Тухачевского, не являлась, так сказать, «разведкой» или «агитационной поездкой». Возможно, первоначально у него было намерение вступить в Красную армию. На это указывает и удачное начало этой службы. Видимо, его первоначальные политические настроения были близки к настрою Тухачевского. Бегство Энгельгардта в Добровольческую армию, скорее всего, было обусловлено семейными обстоятельствами: его две сестры еще с начала 1918 г. находились в составе Добровольческой армии, а отец также уехал в Екатеринодар. Уходу Энгельгардта в Добровольческую армию способствовало и ухудшение ситуации с гвардии Семеновским полком в условиях «красного террора», развернувшегося после убийства Урицкого. Убийство Урицкого, явно покровительствовавшего полку и служившим там офицерам, привело к уходу с командования полка полковника Бржозовского и связанным с этими обстоятельствами последствиям для офицеров-семеновцев. Тогда-то и начали они обсуждать свое положение, как о том свидетельствовал полковник Дренякин³⁹².

Родной дядя, небезызвестный другой полковник Б.А. Энгельгардт (деятель Временного правительства, а затем деникинского ОСВАГа), так, явно не без субъективизма и резкости

в оценке, охарактеризовал его: «Мой племянник. Подлец, червонный валет, родную мать продаст...»³⁹³. В этой оценке не все достоверно. В частности, полковник Б.А. Энгельгардт, хотя и происходил из того же рода, но не был ни родным, ни двоюродным дядей подпоручика Б.В. Энгельгардта. Он был его весьма дальним родственником³⁹⁴.

Лейб-гвардии «капитан» Тухачевский

Знакомым с биографией Тухачевского известно, что в Красную армию он вступил в чине подпоручика. Замечу, кстати, что «чиновная карьера» Тухачевского официально-юридически обозначена была лишь двумя «персональными воинскими званиями» – подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка (12 июля 1914 г.) в российской императорской армии и Маршала Советского Союза (19 ноября 1935 г.) – в Красной армии. В промежутке же между 1917-м и 1935-м гг. он занимал высокие военные должности, но не имел персонального воинского звания, в силу отмены таковых в декабре 1917-го и восстановления лишь в сентябре 1935-го.

Впрочем, в справочно-энциклопедических изданиях, отечественных и зарубежных (причем в весьма серьезных), в том числе в «Советской исторической энциклопедии», «Советской военной энциклопедии», «Британской энциклопедии», начиная с 20-х гг. XX в. последний чин Тухачевского в «старой русской армии» указывался по-разному – подпоручик, поручик, штабс-капитан.

Один из участников Гражданской войны в составе белых войск Восточного фронта полковник В.И. Лебедев в своих воспоминаниях называет его «капитан гвардии Тухачевский»³⁹⁵, а в статье британской газеты в июле 1920 г. он назван как «подполковник Тухачевский»³⁹⁶. И. Данилов, генерал старой русской армии, оказавшийся в Красной армии и бежавший из Советской России в марте 1922 г., утверждал, что Тухачевский «в прошлом только штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка»³⁹⁷. В приказе по гвардии Семеновскому полку от 27 ноября 1917 г. Тухачевский указан «подпоручиком»³⁹⁸.

Использование в подзаголовке словосочетания «гвардии капитан Тухачевский» обусловлено прежде всего тем, что в апрельском послужном списке Тухачевского 1919 г.³⁹⁹ записано: «12.7.1914 – подпоручик л-г. Семеновского полка... После побега из германского плена представлен для уравнивания со сверстниками в **капитаны** 1917 г. (18.10.1917)»⁴⁰⁰. Согласно анкете, заполненной самим Тухачевским 4 июля 1919 г.: «... Последняя военная должность и военный чин – В старой армии комроты, представлен в **капитаны**»⁴⁰¹. Таким образом, сам Тухачевский считал себя не подпоручиком, а капитаном л-гв. Семеновского полка, хотя и не утвержденным соответствующим приказом. Прошло ли это представление через утверждение, сказать трудно. Скорее всего, прошло⁴⁰². Надо полагать, что в штабных кругах Западного фронта, где довелось вращаться в 1920 г. генералу Данилову, не без определенных оснований утверждали, что Тухачевский бывший штабс-капитан л-г. Семеновского полка⁴⁰³. Вероятно, сам Тухачевский в разговорах, так или иначе касавшихся его службы в старой армии, говорил о том, что он имел чин капитана, хотя и не подтвержденный соответствующим приказом. Собеседники делали вывод, что, поскольку он был «представлен в капитаны», то последний официальный его чин в императорской гвардии – «штабс-капитан».

Процесс производства офицера в следующий чин – от его представления, сделанного командиром полка, до приказа по полку на основании приказа по армии и флоту – занимал достаточно долгое время. До Февральской революции 1917 г. от представления в следующий чин до приказа по армии и флоту проходило порой 6–7 месяцев, а от приказа по армии и флоту до полкового приказа – около двух недель⁴⁰⁴. В октябре-ноябре 1917 г. производство офицеров в следующий чин приобрело массовый характер. От представления до полкового приказа оно, как правило, проходило быстрее: от представления до приказа по армии и флоту проходило 20–30 дней, а соответствующий приказ по полку следовал спустя 15–20 дней⁴⁰⁵.

Как правило, утверждение Ставкой Верховного Главнокомандования такого рода представлений к производству в следующий чин, особенно для героев, бежавших из плена, к тому же для кадровых гвардейских офицеров, было формальной процедурой, особенно в условиях революции. Поэтому представленного к чину капитана 18 октября 1917 г. Тухачевского приказом Верховного главнокомандования должны были утвердить в самом конце ноября 1917 г. Однако после «советизации» Ставки Верховного Главнокомандования и организации Революционного Полевого штаба при Ставке 27 ноября (10 декабря) 1917 г. производство в офицерские чины было прекращено, а сама система воинских чинов была упразднена. Декабрьским приказом по гвардии Семеновскому полку «во исполнение приказа Военно-революционного комитета при Ставке предписывается завтра утром 2-го декабря всем солдатам и офицерам снять погоны»⁴⁰⁶. Таким образом, можно считать, что фактически производство Тухачевского в чин капитана состоялось, хотя формально сам процесс производства, будучи прерванным, не был завершен. Вот почему сам Тухачевский вынужден был называть себя с оговоркой – «представленным в капитаны».

Для него это обстоятельство было важно. На это указывает тот факт, что в анкетных сведениях он всегда указывал не только свой чин подпоручика, но свое представление в капитаны. Очевидно, он позиционировал себя в этом чине в годы Гражданской войны, даже в чине подполковника, который соответствовал чину капитана гвардии (согласно Табели о рангах): при переходе гвардейского капитана в армейский полк, он автоматически становился подполковником. Эта мелочь, несомненно, дополняет штрих к характеристике личности Тухачевского: чин капитана гвардии или армейского подполковника был более «солидным», «внушительным» для характеристики репутации военного специалиста, чем чин подпоручика.

«НЕ НАПОЛЕОН ЛИ?»

Aussi, meme quand je ne serai plus,
je demeurerai encore pour les peuples
l'étoile de leurs droits, mon nom sera
le cri de guerre de leurs efforts,
la devise de leurs esperances.
Napoleon⁴⁰⁷

«Свобода, Равенство и Братство», начертанное на скрижалях Просвещения, размноженное соблазнительным призывом на знаменах Великой Французской революции, обернулось равенством обезглавленных на гильотине, их братством в общей могиле и свободой погибать на полях кровопролитных сражений непрерывных наполеоновских войн.

Великая Французская революция воплотилась в Наполеоне – символе Европы, «обезбоженной» Просвященным Разумом, выродившимся в революционный произвол, заливший мир кровавым потоком войн, хлынувшим с революционной гильотины, в котором пятнадцать лет захлебывались Европа.

«XIX век выбрал кумиром Наполеона, – заметил А Мальро, – и все пошло своим чередом». «Наполеон I, без сомнения, самая яркая фигура XIX столетия», – почти в унисон с Бальзаком и Мальро считал великий русский художник В.В. Верещагин⁴⁰⁸, создавший целую серию картин, посвященных Отечественной войне 1812 г.

Пораженный явлением Наполеона еще подростком, Пушкин не смог освободиться от этого впечатления и в более зрелые годы:

Один предмет в твоей пустыне

Мою бы душу поразил.
Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.
Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум...⁴⁰⁹.

И спустя годы по-прежнему Наполеон для Пушкина оставался «властителем... дум». В 1830 г. в последнем своем стихотворении, посвященном Наполеону, Пушкин задавался вопросом:

На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?
Все он, все он – пришлец сей бранный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Однако, как это ни покажется странным, даже, быть может, в чем-то и парадоксальным, но первым «бонапартистом» в России был великий русский полководец А.В. Суворов. Единственным, но чрезвычайно красноречивым, достоверным свидетельством отношения Суворова к генералу Бонапарту, является его письмо, целиком посвященное молодому революционному генералу.

«О, как шагает этот юный Бонапарт! – писал Суворов 25 октября 1796 г. своему племяннику А.И. Горчакову. – Он герой, он чудо-богатырь⁴¹⁰, он колдун! Он побеждает и природу, и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель тогда только замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер, свою молнию, сея повсюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальства, как уж он разрубил гордые узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему введена неодолимая сила натиска – более не надобно. Супротивники его будут упорствовать в вялой своей тактике, подчиненной перьям кабинетным; а у него военный совет в голове. В действиях свободен он, как воздух, которым дышит; он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей!»⁴¹¹

Стилистика этого письма выходит за пределы традиционного эпистолярного жанра. Это – поэзия, это настоящая «Ода генералу Бонапарту», написанная Суворовым, вдохновленным ярким образом Бога Войны, вдруг явленного ему в пламени Великой Французской революции. Он сравнивает его с Юпитером, побеждающим «природу и людей», называет его «гигантом», «колдуном-волшебником», видит в нем нового Александра Великого. Бонапарт был единственным, в своем отношении к которому Суворов позволил себе столь откровенно-восторженные оценки.

Однако умудренный жизненным, военным и политическим опытом, старик-фельдмаршал, что знаменательно, почти пророчески завершал свое восхищение: «... Вот мое заключение: пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; *великие таланты военные достались ему в удел*. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет»⁴¹². Четко сформулированная мысль Суворова будто выразила предчувствие Отечественной войны 1812 года и скалу Святой Елены. В Бонапарте русский полководец почувствовал готовность (быть может, еще не осознаваемую самим Бонапартом) ввязаться в политическую бурю, а классика военной науки, современника и участника наполеоновских войн К Клаузевица военное искусство и военно-политическая деятельность Наполеона, возможно, подтолкнули к классической формуле: «Война – это продолжение политики другими средствами».

Увлечение Наполеоном – символом воплощения и укрощения Революции – для молодых и амбициозных офицеров старой русской армии, оказавшихся как среди «белых», так и среди «красных», было весьма характерно. Вопреки сложившемуся мнению, никакого «культа Наполеона» в военном, в том числе «академическом» образовании в России не было. Оно формировало мировоззрение русского офицера-генштабиста на идеалах и нормах немецкого Генштаба. Образцом для подражания был, скорее всего, германский офицер-генштабист. Интерес к военному искусству Наполеона считался почти анахронизмом,⁴¹³ а увлечение Наполеоном как полководцем было своего рода легкой фрондой. Однако в самой ставке Верховного Главнокомандующего поклонником Наполеона и его военного искусства был давний близкий приятель и советник генерала М.В. Алексеева генерал-лейтенант Е.В. Борисов⁴¹⁴. Скрытая и открытая пропаганда наполеоновского искусства «революционной войны» имела место и в Красной армии⁴¹⁵.

Стереотипный взгляд на Русскую революцию всегда стремился разглядеть в ее развитии и эволюции этапное сходство с Великой Французской. Проводились параллели между их стихийно-народным началом, между якобинской и большевистской диктатурами, рассуждали о русском «Термидоре», ожидали и пытались угадать «персону» «русского Наполеона» среди революционных генералов.

«Наполеонизмом» страдали многие молодые офицеры, как в Красной, так и в белой армиях, возносившиеся волнами Революции на гребень временного или долговременного реального военного успеха или ожидания такового. Революция и Гражданская война подорвала и в основном разрушила дореволюционную военную иерархию, выдвинув на самый верх, в состав «боевой» военной элиты, вчерашних незаметных армейских и младших гвардейских офицеров, поставив их рядом с заслуженными и солидными генералами и «генштабистами».

«... Вождей (армий) можно было бы разделить на три группы, – считал генерал-майор фон-Лампе, рассуждая о высших командирах и «белой», и «красной» армий, – старые военачальники Русской армии, начальники, выдвинувшиеся из рядового офицерства, и, наконец, начальники, выдвинутые волной революции и революционной борьбы. В числе лиц, принадлежавших к первой группе, белые армии имели в своих рядах почти всех выдающихся русских вождей европейской войны. Мы видим в рядах белых двух Верховных Главнокомандующих – Алексеева и Корнилова; мы видим главнокомандующих армиями фронта – Деникина, Драгомирова и Иванова; мы видим в рядах белого генералитета почти исключительно лиц с высшим военным образованием или теоретическим цензом...»⁴¹⁶.

И классификация, и подбор «генералов», сделанные А. фон-Лампе, уязвимы для критики, но, не останавливаясь на этом, обращаю внимание в данном случае на главное. «Что касается второй и третьей группы, – продолжает генерал свою классификацию, – то в этом отношении я не вижу никакого различия между красными и белыми рядами: если у красных

были Гиттис и Тухачевский, офицеры по службе и образованию, то у белых были Покровский и Шкуро; если у красных командовали порожденные революцией матрос Дыбенко и вахмистр Буденный, то в белых рядах командовали Пепеляев, фельдшер Гайда, вышедшие из казачьих низов генералы Топорков и Павлюченко...»⁴¹⁷. Итак, типологически Гиттис, Тухачевский, Покровский, Шкуро включены фон Лампе во «вторую группу» командиров эпохи гражданской войны. Все они кадровые «офицеры по службе и образованию», от капитана до подполковника, но без «академического» образования для получения генеральских чинов, которыми их наградила гражданская война.

На первый взгляд, фон-Лампе некорректно включает в группу «генералов» из кадровых офицеров «по службе и образованию» людей разного возраста и разных исходных чинов: Тухачевский и Покровский – молодые капитаны, т. е. обер-офицеры, до 30 лет; Гиттис и Шкуро – полковники, т. е. штаб-офицеры. Однако при внимательном рассмотрении все объясняется. Просто фон Лампе берет типичных для данной группы кадровых офицеров двух разновидностей – именно молодых обер-офицеров, стремительно «выскочивших» в «генералы» (Тухачевский и Покровский), которым в 1918 г. не было еще и 30 лет. Вторая разновидность – это штаб-офицеры более старшего возраста (Гиттис и Шкуро – ровесники), им уже за 30 лет, у них нет академического образования, но они стали полковниками в 1917 г., а затем генералами, благодаря революционной обстановке. При нормальном прохождении службы они вряд ли достигли бы этих чинов без академического образования. Своей военной карьерой они тоже были обязаны «революционным разрушением» старой системы прохождения службы.

И в красном, и особенно в белом лагере эту группу неофициально, со злой иронией и пренебрежительно именовали «наполеонами» или «вундеркиндами»⁴¹⁸. «Красными Наполеонами» именовали в «белом лагере» советских «главкомов» Гражданской войны⁴¹⁹. «Маленьким Наполеоном» называла советская пресса генерала В.О. Каппеля⁴²⁰. Генерал Д. Филатьев называет «бездарными выскочками»⁴²¹ вознесшихся на гребне Гражданской войны начальника штаба колчаковской армии генерала Лебедева «в компании с Сахаровым и Ивановым-Риновым»⁴²². «В стремлении к новаторству, – вспоминал он, – они не понимали, что военное дело не есть вдохновение, а трудное ремесло, требующее знаний и долгой практики... Краем уха они слышали, что во французскую революцию из сержантов и даже барабанщиков выходили знаменитые маршалы, и решили, что они тоже не хуже Нея, Мюрата, Массена, Виктора и др...»⁴²³. «Наполеоном» воображал себя и первый советский «главком» полковник М.А. Муравьев (1881–1918), командующий «красным» Восточным фронтом летом 1918 г.

«...Теоретически Муравьев был очень слаб в военном деле, – вспоминал о нем Тухачевский, летом 1918-го командовавший 1-й Революционной армией Восточного фронта, – почти безграмотен. Однако знал историю войн Наполеона и наивно старался копировать их, когда надо и когда не надо. Мысль «сделаться Наполеоном» преследовала его, и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках»⁴²⁴.

Муравьев и Тухачевский не были единственными в этом роде «главковерхами» гражданской войны. «...Благонравов, поручик царской армии. – вспоминал эпизод 1918 г. из собственной биографии Л.Д. Троцкий. – Благонравов в течение 1917 г. показал себя боевым революционером. Он был комиссаром Петропавловской крепости в дни переворота, участвовал затем в ликвидации восстания юнкеров. Я давал ему ответственные поручения в период Смольного. Он справлялся хорошо. – «Из такого поручика, – сказал я однажды Ленину, – еще Наполеон выйдет. И фамилия у него подходящая: Благо – нравов, почти Бона – парте». Ленин сперва посмеялся неожиданному для него сопоставлению, потом призаду-

мался и выдавив скулы наружу, сказал серьезно, почти угрожающе: «Ну, с Бонапартами-то мы справимся, а?» – «Как бог даст», ответил я полушутя»⁴²⁵.

Весьма интересен еще один факт, указывающий на увлечение «наполеонизмом» не только молодых «поручиков, капитанов и полковников», но и солидных генералов-генштабистов. Генерал-майор Генштаба Сергей Иванович Одинцов (1874–1920) перешел на сторону большевиков уже 26 октября 1917 г. «...Я был и остался монархистом, – признавался Одинцов своему прежнему приятелю генералу барону П.Н. Врангелю, будущему вождю белой Русской Армии. – Таких, как я, сейчас у большевиков много»⁴²⁶. Свой же переход к большевикам он мотивировал расчетом на то, что монархисты смогут перейти «от анархии прямо к монархии...»⁴²⁷. Этот путь генерал Одинцов рассчитывал пройти через «бонапартизм», укрощающий революцию и восстанавливающий государственность и армию. «...Во Франции, в девяносто втором году, хуже было – и победили. Революционная армия. Для нее нет преград... Впереди – победы, победы, победы. Пожар, мировой пожар!.. И наша русская армия, проникнутая революционным пылом, восстановит российское государство, от финских хладных скал до пламенной Колхиды. Революция должна замкнуть свой круг. – А когда замкнете, тогда что? – с долей иронии вопрошал его собеседник. – Российская империя. – И Троцкий у нас царем будет? – Троцкий. ну, это, как солдаты говорят, – кишка тонка. – Будет генерал Бонапарт...»⁴²⁸.

«Варшавский поход Красной армии, – писал полковник Генштаба Н.Е. Какурин, – является одной из блестящих страниц не только ее истории, но и вообще мировой военной истории. Только походы Революционных армий первой Французской Республики, и то в значительно меньшем размере, напоминают собой нечто подобное. Русская революция постепенно превращалась в мировую, уже теперь значительно превысила и своим размахом, и масштабами совершающихся событий некогда величайшую из революций – первую Французскую Революцию...»⁴²⁹. С ним в один голос то же утверждал полковник Генштаба, гвардеец М.А. Баторский: «Чем объяснить победы Наполеона, как не революционным духом!.. Время лишь меняет лозунги и стимулы самой борьбы...»⁴³⁰. А другой генштабист Б.В. Савельевский прямо призывал «учиться у Наполеона искусству вести „революционную войну“»⁴³¹.

Выдвинувшихся в «генералы», и «главковерхи» Гражданской войны молодых офицеров – и в «красной», и в «белых» армиях, без академического образования, служебный потолок которых до революции был не выше командира батальона и чина подполковника – с презрительной иронией называли «наполеонами», «вундеркиндами», «тухачевскими»⁴³² (что примечательно), «краснощекиными поручиками»⁴³³.

Князь Касаткин-Ростовский, обобщая «феномен Тухачевского», говорит об определенном типе «главковерхов», рожденных революцией и гражданской войной, которые «играют в Наполеонов»⁴³⁴. И далее князь расшифровывает смысл этих «наполеоновских игр». Они «строят свое благополучие на армии. ландскнехты по существу и служат тем, кто им платит. Они неразрывно связаны с солдатами, армия их любит, верит им – и в этом их сила...»⁴³⁵.

Итак, все эти «вундеркинды», «наполеоны», «тухачевские», «краснощекие поручики» – кондотьеры, ландскнехты, «наемники революции» и постреволюционных времен.

Свои боевые успехи и, как следствие, быстрое продвижение в высшее командование войсками в годы Гражданской войны они объясняли спецификой Гражданской войны, которую, по их мнению, не могли понять «генштабисты». Доказывая свое боевое превосходство над старыми генералами и «генштабистами», они проводили мысль, что в Гражданской войне важна природная интуиция, врожденные военные дарования. Правила военной науки, которыми оказались вооружены офицеры-генштабисты, по мнению этих «вундеркин-

дов», были пригодны к обстановке Первой мировой войны, но совершенно не «работали» в войне «гражданской», «классовой», «революционной». Поэтому-то Гражданская война и была войной «наполеонов», а не «генштабистов». «Для того чтобы понимать характер и формы Гражданской войны, – утверждал Тухачевский в конце 1919 г., – необходимо осознать причины и сущность этой войны... Генералам совершенно непонятны условия комплектования армии родственными классами при наступлении, условия обеспечения тылов в зависимости от классовой группировки населения, непонятна им зависимость между шириной фронта армий и ходом общей классовой борьбы... Характерные особенности в стратегических формах: громадная ширина фронта, малочисленность армий, условия комплектования, организация обороны и обеспечение флангов и тыла путем использования родственных классов, понижение техники.⁴³⁶ Эта война слишком трудна, и для хорошего командования требует светлого ума и способностей к анализу, а таких качеств у русских генералов старой армии не было⁴³⁷... Гражданская война, по самому своему существу, требует решительных, смелых, наступательных действий. Революционная энергия и смелость доминируют над всем остальным»⁴³⁸.

С высказываниями «теоретика революционной войны» перекликаются мнения известного военачальника белой армии адмирала Колчака полковника В.О. Каппеля. «Гражданская война – это не то, что война с внешним врагом, – разъяснял он. – ... В Гражданской войне не все приемы и методы, о которых говорят военные учебники, хороши. Эту войну нужно вести особенно осторожно, ибо один ошибочный шаг если не погубит, то сильно повредит делу. Особенно осторожно нужно относиться к населению, ибо все население России активно или пассивно, но участвует в войне. В Гражданской войне победит тот, на чьей стороне будут симпатии населения...»⁴³⁹. Указывая на добровольцев из крестьян, Каппель говорил: «Победить легче тому, кто поймет, как революция отразилась на их психологии. И раз это будет понято, то будет и победа. Мы видим, как население сейчас идет нам навстречу, оно верит нам, и потому мы побеждаем...»⁴⁴⁰.

Начальник штаба адмирала Колчака, молодой генерал-лейтенант Д.А. Лебедев, «высочивший» из «вчерашних» подполковников, «и другие «вундеркинды», как называет их в своем дневнике барон А Будберг, уверяли адмирала, что в революцию и стратегия, и тактика, и организация войск должны быть иными, чем в нормальной войне. что и прапорщик в революцию может командовать армией»⁴⁴¹.

Один из видных военных ученых русского зарубежья, бывший офицер л-г. Семеновского полка, воевавший в деникинской и врангелевской армиях, уже неоднократно упоминавшийся ранее, – полковник и профессор А.А. Зайцов «уверял, что в Гражданской войне организация никакой роли не играет, что нет ничего ненормального, что маленький отряд называет себя дивизией, а его начальник-поручик сам себя переименовывает в генералы...»⁴⁴².

Таким образом, «вундеркинды», «наполеоны» и «Тухачевские» – «краснощекие поручики» Красной и белых армий были едины в оценке характера Гражданской войны, в оценке собственной в ней роли и в обосновании «революционной законности» своего быстрого выдвижения в «Бонапарты». В условиях послевоенной России и русского зарубежья они намного лучше понимали и чувствовали друг друга, чем недоброжелательно и снисходительно-пренебрежительно относившиеся к ним старые генералы и высокомерно-недовольные «генштабисты».

Таким образом, своеобразная идеология «бонапартизма» зародилась практически одновременно в период гражданской войны, как в Красной армии, так и в армиях белых. Она была порождена специфической военно-политической обстановкой революционного хаоса и ожесточенной социальной войны. «Бонапартизм» же, если следовать вполне убе-

дительной формуле Троцкого, «вырастал из революционной войны» как во Франции, так и в России. Примечательно, что А.В. Суворов первым ввел в обиход имя генерала Бонапарта как типологически-обобщающее обозначение «генералов, выросших из революционной войны» – «бонапарты». В этом плане «бонапартистские» настроения как среди младшего белого офицерства, так и среди «красных командиров» имели, в сущности, те же социально-политические корни, что и «бонапартизм» Великой Французской революции. «Бонапартистская» идеология в мировоззрении молодого офицерства, волей специфических обстоятельств Гражданской войны взлетавшего из обер-офицерских чинов в «революционные генералы», особенно остро проявлялась в их соперничестве со старыми генералами и офицерами-генштабистами. Эти социокультурные факторы оказались весьма благоприятной идеологической основой для притяжения «бонапартистского» вектора в прогнозах политического будущего Советской России в период охватившего ее социально-политического кризиса 1922–1924 гг.

В годы гражданской войны стала привычной мысль, что решающим фактором социально-политического процесса в России является фактор военный, а решающей фигурой – «человек с ружьем». После того как большевикам удалось одолеть белые армии, подавить «зеленые» крестьянские восстания и мятежный Кронштадт, уже мало у кого возникло сомнение, что будущее России отныне в значительной мере зависит от Красной армии. Этот факт, несомненно, заставил обратить внимание на «вождей» Красной армии не только с военной, но и с военно-политической точки зрения. И если в годы Гражданской войны, как правило, Красная армия и ее действия были связаны с именем Троцкого, то теперь начал проявляться интерес и к военным профессионалам, к самим «революционным генералам».

Репутация и образ «красного Бонапарта», или «красного Наполеона», закрепились за Тухачевским еще со времен Гражданской войны, и в наше время уже никого не удивляют и, пожалуй, не производят особого впечатления. Хотя прозвище «Бонапарт», или «Наполеон», правда, с налетом иронии, закрепились за ним, кажется, гораздо раньше. Мне приходилось уже неоднократно останавливаться на этом вопросе и писать об этом. Однако по-прежнему интригуют истоки этого прозвания, этого, если можно так сказать, «исторического» эпитета, ставшего неотъемлемой частью мифологизированной публичной репутации Тухачевского, а может быть, и реальным свойством его «психотипа».

Своеобразие облика южанина бросается в глаза с фотографий маршала, особенно в молодости. Это было замечено французскими офицерами, приятелями Тухачевского по плену. «Бледность, латинские черты лица, гладкие волосы, прилипшие ко лбу, – вспоминал один из них, – придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода»⁴⁴³. Несомненно, он и сам замечал это юности и, по свидетельству Л.Л. Сабанеева, «находил в своей внешности сходство с Наполеоном I, и, видимо, это наводило его на мысль о его будущей роли в России. Он снимался фотографией в «наполеоновских» позах, со скрещенными руками и гордым победоносным взглядом»⁴⁴⁴. Тому были причины семейного характера.

Его прадед, упоминавшийся выше А.Н. Тухачевский, был женат на Марии Петровне Липранди⁴⁴⁵, сестре однополчанина небезызвестного И.П. Липранди⁴⁴⁶, сына итальянского иммигранта Пьетро Липранди, переселившегося в Россию из Генуи. Их сын, Николай Александрович (1825–1876), дед маршала, после окончания Пажеского корпуса «за неспособностью к военной службе» начал службу при своем дяде, упомянутом выше действительном статском советнике Липранди в Министерстве внутренних дел⁴⁴⁷. «Итальянская наследственность» проявлялась и во внешнем облике будущего маршала, усиленная итальянской кровью и его бабушки Софьи Валентиновны Тухачевской.

Софья Валентиновна Тухачевская (1833–1912), бабушка маршала, жена его деда Николая Александровича Тухачевского (1825–1870) была дочерью карачевского дворянина-помещика Валентина Петровича Гаспарини, или на русский манер «Гаспарина» – так часто его именовали в канцелярских документах Орловской губернии. Личность эта заслуживает особого внимания.

В протоколе заседания Дворянского собрания Орловской губернии от 8 декабря 1817 г. значится: «Гаспарин, капитан, Валентин Петрович, 32 лет. Женат, детей мужского пола не имеет. Недвижимого имущества не имеет. В отставке. Жительство имеет в Орловском уезде»⁴⁴⁸. Далее в протоколе приводятся некоторые подробности происхождения и службы В.П. Гаспарини. «Онный Господин Гаспарин, – указывается в протоколе, – служил в Тифлисском Пехотном полку капитаном, *пришедший из французской службы 1813 года августа 2* и по прошению его за болезнью Высочайшим приказом 1816 года марта в 3-й день уволен тем же чином, он же уроженец Австрийский Департамента Триестинского из дворян, который пожелал остаться навсегда в подданстве Всероссийского Престола»⁴⁴⁹.

Итак, итальянский дворянин, уроженец Триеста Валентин Гаспарини (1785 – после 1835), офицер наполеоновской армии убыл (при невыясненных обстоятельствах) из ее состава 2 августа 1813 г. Триест, уроженцем которого являлся В. Гаспарини, с 1797 по 1805 гг. был исключен из состава Австрийской монархии. Поэтому к тому времени, когда он вступил на французскую службу (как отмечено выше, это, скорее всего, произошло в 1802–1803 гг.), все жители этого города являлись подданными Франции.

Трудно сказать, при каких обстоятельствах офицер наполеоновской армии Валентин Гаспарини 1785 г. рождения, оказавшийся в России явно в составе вторгшейся в нее в 1812 г. наполеоновской Великой Армии, перешел на русскую службу. Известно, что в декабре 1812 – сентябре 1813 г. в России формировался легион из бывших военнослужащих-военнопленных наполеоновской армии, в числе которых было 27 бывших офицеров (французов, итальянцев, голландцев)⁴⁵⁰. Для формирования этого «легиона» было организовано «депо» в г. Орле⁴⁵¹. Но в списочном составе этого «легиона» В. Гаспарини не было. В цитированном выше документе говорится, что он перешел из французской армии в состав русской или, скажем так, покинул ряды французской армии 2 августа 1813 г. Трудно сказать, при каких обстоятельствах оказался он в составе русской армии. Во всяком случае, в списках «легиона» его не было. Видимо, он был сразу же направлен на «кавказский фронт», в Тифлисский пехотный полк.

В наполеоновских войсках он, скорее всего, находился в составе так называемой «итальянской армии», которой командовал пасынок Наполеона вице-король Италии принц Евгений Богарне. В Бородинском сражении этот итальянский корпус, находясь на левом фланге наполеоновской армии, действовал против русского правого фланга, которым командовал генерал М.Б. Барклай-де-Толли. Надо сказать, что в русской армии, особенно со второй половины XVIII в., нередко встречались офицеры итальянского происхождения, в том числе и в генеральских чинах.

После увольнения с военной службы В.П. Гаспарини поступил на «статскую» и к 1835 г. достиг чина коллежского советника («гражданского полковника») и имел к этому времени 9 детей, в том числе 2 сыновей и 7 дочерей⁴⁵². Его 6-й дочерью была бабушка маршала Софья Валентиновна.

Очевидно, по инициативе Софьи Валентиновны, оказывавшей сильное влияние на своего сына Николая Николаевича Тухачевского (отца маршала) и на воспитание его детей (ее внуков и внучек), три ее внучки получили имена трех ее старших сестер – Марии, Елизаветы, Надежды⁴⁵³. Как известно, Софья Валентиновна была прекрасной пианисткой, в молодости вращалась среди представителей творческой элиты, была близко знакома с Ф.

Шопеном, Жорж Санд, И.С. Тургеневым, Полиной Виардо, с выдающимися русскими композиторами, братьями Н.Г. Рубинштейном и А.Г. Рубинштейном. Она привила любовь к музыке и музыкальный вкус своему сыну, прекрасно игравшему на рояле, и своим внукам, в том числе и будущему маршалу, который называл «музыку своей второй страстью после военного дела». Братья маршала – Николай, Александр и рано умерший Игорь – были профессиональными музыкантами, получив образование в Московской консерватории. Таким образом, «итальянская бабушка» «наполеоновского происхождения» оказала на воспитание своего в будущем знаменитого внука огромное влияние. Вне всякого сомнения, рассказы о прадеде, наполеоновском капитане Гаспарини, не могли не произвести впечатления на эмоциональную натуру будущего маршала с «музыкальной душой».

А как-то раз сам Тухачевский вспоминал примечательный, приводившийся выше разговор со своим двоюродным дедом-генералом, после которого в семье «Мишука» прозвали Бонапартом.

В ходе боевых действий л-гв. Семеновского полка в 1914–1915 гг. это «предчувствие и мания «великого будущего», «наполеонизм» подпоручика Тухачевского, воспринимавшиеся с некоторой иронией, были замечены и его однополчанами. Начну, однако, с эпизода, относящегося к концу пребывания Тухачевского в рядах л-гв. Семеновского полка, в Петрограде, уже после расформирования его фронтовой части.

Покидая полк и Петроград в 1917 году, перед отъездом в Москву, прощаясь со своими однополчанами-офицерами, Тухачевский завтракал «во флигеле Семеновского полка... – вспоминала жена полковника Бржозовского, командира резервного Семеновского полка. – Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление. Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье «Наполеона», на что Тухачевский только улыбался. Сам он мало пил. После завтрака мой муж, я и еще несколько наших офицеров уехали провожать его на вокзал...»⁴⁵⁴.

«В нашем полку служил будущий маршал Тухачевский, – вспоминал много лет спустя один весьма примечательный «семеновец», бывший редактор известного журнала «Сатирикон», призванный в качестве вольноопределяющегося в 1917 г. и определенный для прохождения службы в Резервный Гвардии Семеновский полк. – Я с ним познакомился, когда он бежал из плена и прибыл в полк молодым офицером. Мне рассказывали, что он был большим поклонником Наполеона и во время похода постоянно читал исторический труд, посвященный наполеоновским войнам. У нас он пробыл недолго и в скором времени уехал, кажется, в Москву»⁴⁵⁵. Пьер Фервак (Р. Рур), французский офицер-приятель Тухачевского по плену в Ингольштадте в 1916–1917 гг., утверждал, что этим «историческим трудом» был «Мемориал Святой Елены» Лас-Каза⁴⁵⁶. «Тухачевский вообще, на мой взгляд, никогда не был большевиком, – завершал свои воспоминания о будущем маршале Корнфельд, – но психологически ему был близок путь, по которому, как известно, шел Наполеон, его кумир. Что у него было на уме, я не знаю, но ни в каком случае он не мог быть большевиком»⁴⁵⁷.

О подвигах и «наполеонизме» Тухачевского Корнфельду, скорее всего, рассказали офицеры-семеновцы Энгельгардт и Лобачевский, с которыми, как выше уже отмечалось, Тухачевский «был очень дружен»⁴⁵⁸. Все три офицера-семеновца, Тухачевский, капитаны С.К. Лобачевский и Б.В. Энгельгардт, оказались на фронте одновременно, отправившись туда 2 августа 1914 г. Именно поэтому Лобачевский и Энгельгардт могли наблюдать «наполеоновские увлечения» Тухачевского в походных условиях. Особенно Энгельгардт, его «земляк-смолянин», являвшийся в августе 1914 г. младшим офицером 5-й роты, которая, как и 7-я рота, где служил Тухачевский, входила в состав 2-го батальона полка.

Из цитированных фрагментов воспоминаний следует, что в семеновской офицерской среде к 1917 г. за Тухачевским уже закрепилось несколько ироничное полковое прозвище «Наполеон».

Сквозь призму его полкового прозвища, пожалуй, воспринимались и все последующие действия Тухачевского, связанные с переходом его к большевикам, и с его службой в Красной армии, и его реальной и потенциальной, ожидаемой ролью в «русском коммунизме». В связи со сказанным выше, обращает на себя внимание и дневниковая запись полковника (с 1922 г. генерал-майора) А.А. фон-Лампе (тоже бывший «семеновец», сослуживец Тухачевского) от 24–27 марта 1920 г.: «...Какая ирония: Тухачевский бьет Деникина! Не Наполеон ли?»⁴⁵⁹. На первый взгляд, «иронию» ситуации фон Лампе, возможно, усмотрел в том, что молодой офицер российской императорской гвардии, подпоручик-семеновец, «бьет» бывшего опытного генерала российской императорской армии. Но, возможно, что мне представляется более вероятным, вспомнив полковое прозвище подпоручика Тухачевского «Наполеон», полковник задался вопросом-сомнением, с едва заметным оттенком иронии: не тот ли это подпоручик-семеновец Тухачевский, иронично прозванный офицерами-однополчанами «Наполеоном»? Не тот ли это наш полковой «Наполеон»?

Надо сказать, что и некоторые другие, чем-либо примечательные или выдающиеся офицеры-семеновцы, его сослуживцы, также имели полковые прозвища. Командира полка генерал-майора Ивана Севастьяновича фон-Эттера офицеры, особенно молодые, за глаза ласково-иронично называли «Ванечка», а артистичный штабс-капитан поляк Бржозовский умело имитировал командирский голос. Подпоручика Павла Александровича Купреянова прозвали «Монтигомо Ястребиный Коготь», а не пользовавшегося уважением в полковой офицерской среде командирского угодника поручика Казакова прозвали «Молчалиным».

Прочитав персональный состав Особого совещания при Главкоме Каменеве, учрежденного в ходе советско-польской войны и представленного в газетной статье «На службе у большевиков», врангелевский офицер, полковник Генерального штаба Алексей Александрович фон Лампе, бывший офицер л-гв. Семеновского полка, 7 ноября 1920 г. прокомментировал его в своем дневнике: «...кое-кто из очень хороших моих знакомых – Зайончковский, Гиттис, Лазаревич и т. д. Да и наш Семеновец Тухачевский!»⁴⁶⁰

Из этой записи следует, что фон Лампе включает в число своих «очень хороших знакомых», оказавшихся «на службе у большевиков», и Тухачевского. Следует отметить, и это немаловажно, что фон-Лампе, бывший офицер л-гв. Семеновского полка, назвал своего однополчанина Тухачевского «нашим Семеновцем». Чувство «полковой солидарности» инерционно, пожалуй, даже подавляло в нем, убежденном белогвардейце, естественное чувство политической неприязни к Тухачевскому. Фон Лампе гордился своей принадлежностью к «семеновской полковой семье», чему свидетельством может служить и принятый им литературный псевдоним «Л.Г. Семеновский», и не видел оснований отлучать от «семеновской полковой семьи» и Тухачевского: «что поделаешь, enfant terrible»⁴⁶¹. «Белый» семеновец испытывал даже что-то близкое чувству гордости за «красного» семеновца Тухачевского: хоть и «красный», но все-таки «наш, Семеновец!», «Знай наших!»

Принадлежавший к старой «семеновской фамилии» Алексей Александрович фон Лампе (1885–1967), окончивший в 1913 г. Николаевскую академию Генерального штаба, с началом Первой мировой войны, т. е. с июля 1914 г., оставаясь в списках л-г. Семеновского полка (в 8-й роте 2-го батальона), как офицер Генштаба был прикомандирован к штабу 18-го стрелкового корпуса. Это подтверждается также списком офицеров в «боевом (фронтовом)» составе полка на 1 августа 1914 г.⁴⁶² В нем не упоминается штабс-капитан фон Лампе. Никаких сведений, ни прямых, ни косвенных, о личном знакомстве этих офицеров-однополчан, Тухачевского и фон-Лампе, не имеется. В своем дневнике последний нигде об этом не пишет.

Однако выпущенный в полк 12 июля 1914 г. подпоручик Тухачевский по прибытии в полк еще до объявления войны, несомненно, познакомился, в соответствии с полковой традицией, со всеми офицерами полка, в том числе и со штабс-капитаном фон Лампе. Последний был в списках офицеров того же 2-го батальона, что и Тухачевский, туда назначенный, и еще не был откомандирован в штаб 18-го стрелкового корпуса. Кроме того, в ходе кампании 1914 г. фон-Лампе бывал в своем полку. «10-го ноября (1914 г.), – вспоминал полковник-семеновец А.А. Зайцов-1, – в Имбромовице приехал в полк наш офицер, причисленный к генеральному штабу (в штабе XVIII-го корпуса) шт. – капитан фон-Лампе и впервые открыл нам глаза на общий ход событий»⁴⁶³.

Во время своего приезда в полк в ноябре 1914 г. штабс-капитан фон-Лампе прежде всего общался с офицерами своего батальона, в состав которого входила 8-я рота, которой командовал его близкий родственник штабс-капитан В.М. Мельницкий, и 7-я рота, командующим которой с 11 сентября 1914 г. был подпоручик Тухачевский⁴⁶⁴. Молодой офицер уже обнаружил повышенный интерес к оперативно-стратегическим вопросам, но в еще большей мере Тухачевский был уже известен и в полку, и во всех полках 1-й гвардейской пехотной дивизии своим подвигом на Кжешувском мосту. Поэтому неспроста в ноябре 1920 г. фон-Лампе в своем дневнике назвал Тухачевского в числе своих «старых хороших знакомых».

На поведенческую установку «Тухачевского, человека и впечатлительного, и нервного...» (к такому заключению пришел Цуриков⁴⁶⁵) влияло, особенно в пореволюционную эпоху, вне всякого сомнения, собственное внешнее сходство с Наполеоном, даже воспринимаемое им самим с иронией. «У него было предчувствие и мания «великого будущего», – вспоминал хорошо знавший его Л.Л. Сабанеев⁴⁶⁶. Сабанеев конкретизировал «предчувствие» того «великого будущего»,⁴⁶⁷ к которому *маниакально* устремился Тухачевский. «Насколько я могу понять из его высказываний, – делился Сабанеев познанием объекта своей памяти, – он имел в виду, подобно Наполеону, воспользоваться революцией и хаосом в политике, а также своим положением в армии (маршал и одно время председатель Реввоенсовета), совершить переворот «бонапартистского» типа, иными словами, объявить себя диктатором и свергнуть вообще советскую власть. Потом в разговорах он часто возвращался к отрывкам из этого плана»⁴⁶⁸. Но был ли он и в самом деле «потенциальным Наполеоном» Русской революции или, как его порой называли, «потенциальным Наполеончиком» в СССР 30-х гг?⁴⁶⁹

Вряд ли Сабанеев мог судить об указанных намерениях Тухачевского, когда последний стал уже маршалом (ноябрь 1935 г.) и «председателем Реввоенсовета (1931 г.; имеется в виду – заместителем Председателя РВС СССР). Выше уже было отмечено, что Сабанеев покинул СССР в 1926 г. Встречался ли он за границей с Тухачевским после 1926 г., когда тот выезжал в Германию (1932 г.) или в Англию и Францию (в 1936 г.)? Сведений таких не имеется, а сам Сабанеев ничего об этом не говорит. Поэтому высказанные им наблюдения на предмет «бонапартизма» Тухачевского относятся ко времени до 1926 г.

Предчувствие Наполеона, затаившегося в этом советском военном вожде, на протяжении всей его жизни завораживало общественное сознание, поражая надеждами одних и опасениями других. «Поддерживать ощущение загадочности, – пишет С. Московичи, – возбуждать любопытство по поводу своих намерений особенно необходимо вождю в решающие моменты»⁴⁷⁰. Психолог резюмирует свою мысль: «Можно сказать, что авторитет по своей сути есть разделяемая иллюзия»⁴⁷¹. Это вполне уместно отнести не только к Тухачевскому, но и к самому Наполеону, и к Сталину.

Разночтения в оценках Тухачевского, широким веером развернутые в современной, серьезной и не очень серьезной литературе, затрагивают и его репутацию военачальника

– от апологии до полного развенчания. Отмечу сразу же: и в его военном искусстве также проявилось неоднократно свойство его личности, о котором выше достаточно много говорилось, – «одержимость», «маниакальность», если мягко выражаться, «увлеченность». Это приводило Тухачевского и к ярким, быть может, даже блестящим военным победам, и к неудачам, и к катастрофическому поражению под Варшавой.

Надо сказать, что слава и вместе с ней популярность Тухачевского начали особенно быстро и широко распространяться в ходе успешных боевых действий 5-й армии, воевавшей под его командованием на Восточном фронте против войск адмирала Колчака. Пожалуй, началом общественного признания и популярности Тухачевского как полководца была победоносно проведенная им Златоустовская боевая операция в начале июля 1919 г. Не только «красная», что вполне естественно, но и «белая» сторона признали полководческий талант Тухачевского в этой боевой операции и пришли к единодушному выводу, что «Урал был потерян Белой армией, и в этом отношении цель красных была достигнута»⁴⁷² и что «результатом было – занятие г. Златоуста, огромные трофеи, выход в Сибирские равнины и переход всего Урала в... руки» большевиков⁴⁷³. Поражения, нанесенные войскам адмирала Колчака 5-й армией Тухачевского под Златоустом и Челябинском, были настолько сильны, что воспользоваться неудачей советского военачальника на р. Тобол и развить свой наступательный успех белые были уже не в состоянии. Поэтому в октябре 1919 г. наступление Тухачевского возобновилось и завершилось блестящей и очень быстрой Омской операцией.

«Захват Омска доставил красным крупнейшую победу, – вынужден был признать один из «белых» авторов, А Ефимов, – без больших усилий и принес им значительные трофеи. Они захватили главную тыловую базу белого фронта – с огромными запасами имущества разного рода и свыше 10 тысяч человек»⁴⁷⁴.

По своей полководческой манере, настрою и судьбе Тухачевский, похожий на Наполеона внешне и, несомненно, упоенный стихией войны, жаждой побед и воинской славы, подражавший ему, особенно в молодости, руководствовавшийся любимым наполеоновским принципом «надо ввязаться в бой, а дальше будет видно», по духу своему был, пожалуй, ближе к Карлу XII. Талант, блеск побед и славы и катастрофа у обоих похожи: у Тухачевского «Варшава», у Карла XII – «Полтава».

Однако, «если когда-нибудь, – выражал французский лейтенант Р. Рур (Пьер Фервак) мнение о характере своего русского приятеля подпоручика Тухачевского, близко наблюдая его в плену, – этот молодой человек оставит свой Генеральный штаб, он с легкостью найдет себя в историческом фильме. Никто в мире не представит столь хорошо, если не брать в расчет фигуру, корсиканца с прямыми волосами... Это был фантазер. Он шел туда, куда влекло его собственное воображение. В нем не было практической натуры Наполеона»⁴⁷⁵.

«Я не успел еще довести до середины своих «листочков воспоминаний», – рассуждая о «бонапартистском» потенциале Тухачевского, писал Н.А. Цуриков, – как получил уже «различные» о них отзывы. Мне передали, что в лагере «национал-большевиков» были довольны их. «началом», что пуристы Белой армии⁴⁷⁶ были удивлены, как это я так «сочувственно» пишу о красном генерале, и что контрреволюционные «тактики» сетовали на меня за то, что я «спугиваю» возможного Наполеона и не даю ему „настояться“»⁴⁷⁷.

Говоря о «национал-большевиках», Цуриков, в этом не может быть никаких сомнений, имел в виду своего некогда единомышленника, а потом идейного противника, примирение с которым он яростно отвергал, несмотря на настойчивое желание последнего. Он, конечно же, прежде всего имел в виду Н.В. Устрялова. Первые его статьи, посвященные выработке идеологии «национал-большевизма», появились в печати еще 1921 г. И в этом направлении Устрялов публиковался особенно активно в 1921–1926 гг.⁴⁷⁸

Если определять упрощенно сущность «национал-большевизма», то это результат «национализации» русской революции, начиная с советско-польской войны, когда Ленин, Троцкий и другие вожди большевистской «мировой революции» начали активно использовать патриотические лозунги и мотивы, привлекая на свою сторону русское население, особенно офицерство.

С другой стороны, крушение идеи мировой революции в этой же войне, в результате катастрофы Тухачевского под Варшавой, обозначило развитие русской революции по «национальному» вектору. Спустя пять лет он был уже постулирован как строительство социализма в одной стране. Иными словами, происходило сращивание «национально-государственной идеи» с идеей социализма, но в «транскрипции» большевистской идеологии и большевистских методов.

Арестованный 6 июня 1937 г. (т. е. в период следствия по «делу» уже арестованного Тухачевского) Н.В. Устрялов сообщал на следствии, что в сентябре 1936 г. у него состоялась встреча с Тухачевским – по инициативе последнего и на квартире последнего. Устрялов признался, что, хотя прежде ему не приходилось встречаться с маршалом, он «о нем много слышал, читал написанную о нем зарубежную литературу». По словам Устрялова, в его мыслях «Тухачевский не раз смутно выплывал (во время... термидорианских и бонапартистских теорий) как подходящая кандидатура в русские Наполеоны. Свои произведения, печатавшиеся в Китае, я посылал и Тухачевскому. и мне было интересно его повидать и побеседовать»⁴⁷⁹.

Еще в 1919 г. в разговоре с Ключниковым Устрялов фактически обозначил основные элементы идеологии «национал-большевизма» в парадоксальных расчетах на соединение «белого движения» с «большевизмом». Проявляя к этому времени совершенно очевидные симпатии к успехам большевиков, он считал при этом, что «только. Белое движение сможет утвердить завоевания большевиков для истории. Сам большевизм для этого недостаточен. Чтобы консолидировать французскую революцию, нужен был Наполеон...»⁴⁸⁰.

«Наполеон рождается, однако, не из поражения, – обосновывал Цуриков свой скепсис в отношении «наполеоновских» перспектив Тухачевского в СССР, – и не из балаганных маневров, а из победы. Пока Тухачевский командовал округом, еще можно было думать, что он наконец решится на что-нибудь, напоминающее его прежнее поведение в плену. Но принятие им тылового поста начальника штаба, не оправдываемого его теоретическими знаниями и потому явно представляющего почетную отставку, было его концом. Может быть, так было и удобнее, и спокойнее, но не «наполеонистей». Что будет дальше с ним – мы не знаем, но Наполеона из Михаила Тухачевского „не выпеклось“»⁴⁸¹.

«Наполеоновская мания» подпоручика Тухачевского в бою под Кжешувом 2 сентября 1914 г. уже тогда обнаружила призрачные очертания, еще, разумеется, никем не предполагаемого, будущего «красного Бонапарта», вызывая лишь снисходительно-добродушную иронию, проявлявшуюся в его полковом прозвище⁴⁸².

Сквозь призму именно этого прозвища, со временем утратившего иронию и приобретшего свойства устойчивого политического ожидания и надежд не только белого движения, но и русского зарубежья, пожалуй, воспринимались, как уже говорилось, и все последующие действия Тухачевского.

Однако, несмотря на внешнее сходство с Наполеоном, несомненно влиявшем на самочувствие и самоидентификацию Тухачевского, особенно в ранней молодости, несмотря на мечты о воинской славе, подобной «наполеоновской», несмотря даже на наличие бонапартистских политических намерений, несомненно беспокоивших его время от времени, Тухачевского, пожалуй, вряд ли можно идентифицировать как «красного Наполеона по его психотипу».

Лейтенант Бонапарт, в отличие Тухачевского, не был «одержим» войной и армией и не грезил мечтами о славе великого полководца и, уж конечно, в мыслях не представлял себя императором французов. В молодости его мечты выше чина майора не простирались. Ему больше импонировала карьера военного моряка, каковым он, к своему сожалению, не стал. Он хотел стать писателем, пробовал себя на этом поприще; первоначально он был корсиканским националистом, писал «Историю Корсики». Он стал офицером артиллерии, куда, как правило, попадали лица буржуазного происхождения или бедные дворяне, предки которых часто также являлись выходцами из буржуа. По собственному признанию, Наполеон почувствовал свою незаурядность лишь в 1796 г., в сражении на Лодийском мосту.

Наполеон вырос из Века Просвещения, верил в Просвещенный Разум, его любимой книгой была книга Гете «Страдания молодого Вертера», его увлекала государственная деятельность, устройство общества на принципах Просвещенного Разума. Он тяготел к рационализму и был убежден в том, что «у государственного человека сердце должно быть в голове». Вот почему одним из его кумров был великий французский полководец маршал Тюрэнн, у которого, как считал Наполеон, «сердце было в голове».

Тухачевский же был рожден декадансом, он верил в «волю и представление» (по Шопенгауэру и Ницше), был увлечен Достоевским и очарован образом Николая Ставрогина из «Бесов». Государство и государственная деятельность привлекали его главным образом как инструмент обслуживания армии и войны. В этом отношении социализм представлялся ему эффективной системой и инструментом для реализации его военных грез. Он был до мозга костей военным и уже постольку государственным человеком.

«Быть может, руководимый гениальным инстинктом своим, – писал о Наполеоне К.Н. Леонтьев, – он и к завоеваниям стремился не для того только, чтобы прославить себя и славой укрепить свою династию, но вместе с тем и для того, чтобы неравноправностью национальной, внешней, провинциальной возместить недостаток неравноправности внутренней, сословной, горизонтальной»⁴⁸³. В контексте сказанного великим русским мыслителем отмечу, что в юности и ранней молодости корсиканский националист хотел считаться французом и сильно раздражался, когда ему напоминали о его корсиканском происхождении. Сталин, став диктатором, из пылкого молодого грузинского националиста «Кобы» превратился в человека, не очень любившего, когда ему напоминали о его грузинском происхождении. Он хотел считаться русским. Он тоже был провинциалом, из среды «маленьких людей», горцем (состояние, близкое самочувствию островитянина Наполеона). В этом отношении натура Сталина, несомненно, имела много общего с природой Наполеона (разумеется, с поправкой на его церковно-семинаристское образование и «азиатско-кавказскую» ментальность), может быть, значительно больше, чем натура Тухачевского, хотя «Коба» не был наделен выдающимися природными военными дарованиями и внешне совсем не походил на Наполеона.

И тем не менее «наполеонизм» Тухачевского, как черта его личности, являвшийся больше, чем увлечением, был фактором, в значительной мере определявшим вектор его поведения, быть может, даже неким его «личностным проектом». Это свойство личности Тухачевского, видимо, в значительной мере повлияло на его отношение к революционным событиям в России 1917 г. и на его политический выбор, а с другой стороны, и на отношение к его выбору со стороны офицеров-однополчан. Прозвище «Наполеон», которое дали подпоручику Тухачевскому его товарищи по л-гв. Семеновскому полку, отражало его политические настроения и симпатии.

«Он шел туда, куда влекло его собственное воображение»

«В доме на Арбате, – вспоминал В.В. Катанян, – ...под Новый злосчастный 1936 год Лиля (имеется в виду Лилия Брик, к этому времени ставшая женой композитора В.М. Примакова. – С.М.) устроила маскарад, она любила подобные затеи. Это была одна из черт ее «дионисийского» характера. Все были одеты неузнаваемо: Тухачевский – бродячим музыкантом со скрипкой, на которой он играл, Якир – королем треф, ЛЮ (таково было прозвище Л. Брик среди близких и друзей. – С.М.) была русалкой – в длинной ночной рубашке цвета морской волны, с пришитыми к ней целлулоидными красными рыбками, рыжие волосы были распущены, перевиты жемчугами. Это была веселая ночь...»⁴⁸⁴.

Этот фрагмент воспоминаний рождает ассоциации с акварельными шедеврами Александра Бенуа, театрально, почти кукольно изображающими постаревшего Людовика XIV, гуляющего по «регулярному» парку, купание маркизы в зеркальном пруду, за которой тайком подглядывает шаловливый арапчонок из-за стриженного версальского кустарника, с итальянской комедией масок и венецианскими карнавалами XVIII в.

Всякая революция – это карнавал и маскарад по своему существу. Правда, карнавал страшный, кровавый, уродующий общество, жизнь, культуру – все. Вообще, говоря о карнавальной сущности любой Революции, в особенности русской революции, достаточно вспомнить известную всем строчку из «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем».

«Для того чтобы собраться и действовать, – делится своими психологическими наблюдениями С. Московичи, – толпам необходимо пространство. Способ представления придает этому пространству рельеф и форму. Места действия – соборы, стадионы – создаются для того, чтобы принимать массы и, воздействуя на них, получать желаемые эффекты. Это ограниченное пространство, где люди сообща освобождаются от обыденной жизни и оказываются объединенными их общим достоянием надежд и верований»⁴⁸⁵. Это то состояние, которое М.М. Бахтин назвал «праздником» или «праздничным временем», «праздным временем» – временем, свободным от повседневных, обыденных забот и работ, Большим временем, Священным, Сакральным временем – Временем Бога и Творца. Но это и «карнавальное время». «Делай, что хочешь!» – было начертано над воротами Телемской обители, этого «вывернутого наизнанку» монастыря у Ф. Рабле. «Что хочу, то и ворочу» – можно было бы сделать революционным лозунгом – лозунгом революционного произвола и волюнтаризма. Это время в историческом измерении – момент, мгновение «обезбоженности», момент «гребования», отпадения Человека от Бога, а «если Бога нет, – как не вспомнить размышления одного из героев Достоевского, – то все дозволено, то я – Бог!». Ф. Ницше выразился даже более точно: «Я – то Ничто, из которого я творю весь мир».

Великую Французскую революцию можно представить как кровавый карнавал, развернувшийся между развращенными аристократическими салонами, расплодившимися после смерти Короля-Солнца, и гильотиной, породившей кровавые поля наполеоновских войн. В конце концов, зрелище поведения осужденного и палача на эшафоте – это ведь тоже в известном смысле спектакль, средневековый, кровавый спектакль для толпы, созерцающей это зрелище, как и своего рода кровавый спектакль, разворачивающийся на «театре военных действий». Французский писатель Ф. Грандель выразился, пожалуй, более метафорично: «Когда весь город чувствует себя как в театре, – это значит началась революция»⁴⁸⁶. А вот советский писатель, выросший из русской революции, – Б. Пильняк – устами одного из своих героев сравнил русскую революцию со «всеобщим пьянством».

С первых же недель и месяцев существования Советской власти на города бывшей Российской империи, прежде всего столичные, хлынул поток переименований площадей, проспектов, улиц, переулков и пр. – типичное карнавальное «переодевание», «выворачивание мира наизнанку». Уже в 1918 г., к первой годовщине Октябрьской революции, этот поток захлестнул Петроград. «Много улиц переименовано, – записал в своем дневнике «петроградский интеллигент» Г.А. Князев 10 ноября 1918 г. – Запомним несколько. Невский – улица (или проспект) 25 октября. Каменноостровский – Проспект Красных Зорь, Английская набережная – Набережная Красного Флота, Благовещенская площадь – Площадь труда, Знаменская – Площадь Восстания. Некоторые улицы переименованы по «контрасту»: «Архирейская» – улица Льва Толстого, Ружейная – улица Мира, Дворянская – улица Комитетов Бедноты... Чтобы им и самое название города изменить бы: «Город Красных Зорь»...»⁴⁸⁷.

С 1918 г. начались переименования городов и населенных пунктов. Не считая г. Николаевска (Саратовская губерния), переименованного в 1918 г. в Пугачевск в честь вождя крестьянско-казацкого восстания Е.И. Пугачева, это еще несколько небольших городов и населенных пунктов, переименованных в честь «мучеников Революции»: поселок Лигово (ныне в черте Санкт-Петербурга) – в Урицк (в 1918 г. в честь председателя Петроградского ЧК М.С. Урицкого, убитого Каннегиссером сентябре 1918 г.), Царское Село – в «Детское Село имени товарища Урицкого» (1918), город Павловск – в Слуцк (в честь другого видного деятеля большевистской революции А.И. Слуцкого, расстрелянного 24 марта 1918 г. в Крыму татарскими националистами). В 1921 г. появился г. Артемовск (Екатериновка) и Артемово (хутор Нелеповский) в память Артема (Ф.А. Сергеева), погибшего в 1921 г.⁴⁸⁸ Несколько населенных пунктов были переименованы в честь В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого: Талдом (Московская губерния) – в Ленинск (1918); село Кольчугино (будущая территория Кемеровской области) – в Ленинск-Кузнецкий в 1922 г.; г. Пришиб (Царицынская губерния) – в Ленинск (1919); Гатчина – в г. Троцк (1923), г. Миасс (на Урале) – в Тухачевск (1923)⁴⁸⁹.

Характерным признаком «революционной карнавализации» жизни были различные новые «революционные праздники».

«...Весь город готовится к празднику, – записал Г.А. Князев 29 октября 1918 г. – Везде столбы, щиты. Бог знает, что обещано! Между прочим, будет обращено особое внимание на «самый красивый предмет, протекающий через весь город» (!). Так и сказано. Этот предмет – Нева. Праздники будут продолжаться три дня. На третий день «каждому гражданину будет представлена все, что ему захочется...». Это не из сатирического какого-нибудь журнала, а из «Красной газеты». Особенно должен украситься «Дворец Труда». Там кипит работа, конечно, какой-то монумент воздвигают перед дворцом. Теперь всюду монументы.⁴⁹⁰ Поставлен памятник кровавому извергу человечества – Робеспьеру. На днях в Москве было открытие «памятника». Может быть, и Аттиле поставить бы: тоже крови немало пролил⁴⁹¹. Готовится декрет о полной отмене церковных праздников»⁴⁹².

«Ряженых», будто на карнавале, первоначально напоминали и части Красной армии. В феврале 1918 г. генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич обратил внимание на «отряд Дыбенко», «на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клеши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами...»⁴⁹³. Впрочем, пожалуй, более выразительными оказываются свидетельства людей, относительно нейтральных, гражданских. «Забавно видеть социалистическую и даже коммунистическую армию в красных бархатных штанах, – вновь обратил внимание Г.А. Князев. – Говорят, что в других местах новые воины разряжены в гусарские ментики, расшитые мундиры. Кто бы мог сказать, что такой вид будет у пролетарской армии?»⁴⁹⁴. Впрочем, «гусарский» облик автор записок увидел непосредственно. «... Так забавно видеть «Коммунистов» в красных гусарских фуражках, – отметил он, спустя год, осенью 1919 г. почти маскарадное одеяние «революционной армии». – Думали ли лихие

гусары, что их головной убор так придется по вкусу тем, кто с такой энергией проклинал войну и ненавидел армию, милитаризм...»⁴⁹⁵.

«Начдив Тимошенко в штабе, – запечатлел И.Э. Бабель образ будущего маршала в своем дневнике. – Колоритная фигура. Колосс, красные полукожаные штаны, красная фуражка...»⁴⁹⁶. Таким же представлен на известных фотографиях и Г.И. Котовский. «Ворошилов, – лаконично зафиксировал свои впечатления тот же Бабель, – коротенький, седеющий, в красных штанах с серебряными лампасами...»⁴⁹⁷.

М.Д. Бонч-Бруевич, вспоминая 1919 год, свидетельствовал: «Примерно в час дня в штаб прибыл Фрунзе... Командующего Туркестанским фронтом сопровождал конвой, почему-то одетый в ярко-красные шелковые рубахи при черных штанах...»⁴⁹⁸. В красные мундиры был одет отряд личных телохранителей Троцкого. Лишь в 1920 г. значительная часть военных, особенно отборных фронтовых соединений и частей, была переодета во введенную еще в 1919 г. форму – шинели с широкими петлицами и красноармейские суконные шлемы. Последние вскоре получили расхожие армейские жаргонные прозвания: «громоотвод»,⁴⁹⁹ «буденовка», «фрунзевка», «синагога»⁵⁰⁰.

Полагаю, что наиболее объективными свидетельствами о личности Тухачевского, его глубинных настроениях, являвшихся своего рода тональностью его мировоззрения, в том числе политического его аспекта, являются воспоминания Л.Л. Сабанеева. Он был старше Тухачевского, он знал его семью и его самого с детства и юности, когда натура человека, его характер еще обнажены и не успели полностью замаскироваться жизненным опытом. Он был далек от политики, от военного дела, он принадлежал к совершенно аполитичной – профессиональной музыкальной сфере. Он был человек аристократического происхождения, естественно лишенный плебейских амбиций, вполне самодостаточный, как человек способный, востребованный. Он уехал за пределы СССР в 1926 г., но это не была эмиграция обиженного, озлобленного, ненавидящего. Это была сначала долгая командировка, вполне легальная, превратившаяся постепенно в невозвращение.

«... Он находил в своей внешности, – еще раз процитирую, очевидно, самое существенное, что засело в его памяти о Тухачевском, – сходство с Наполеоном I, и видимо, это навело его на мысль о его будущей роли в России. Он снимался фотографией в «наполеоновских» позах, со скрещенными руками и гордым победоносным взглядом»⁵⁰¹. Но, думается, в этом было, зная свойства личности Тухачевского, скорее всего то, что сам же Сабанеев называл в нем «чужачеством и склонностью к сатире»⁵⁰².

«Наполеонизм» Тухачевского мог быть и, очень возможно, был тоже некой артистически-эпатажной позой, его карнавальным превращением, тем, что Сабанеев называл в нем «чужачеством и склонностью к сатире»⁵⁰³. Ведь неспроста же молодой Тухачевский позировал перед фотоаппаратом, изображая Наполеона, играя Наполеона, «играя в Наполеона». Князь Касаткин-Ростовский, пожалуй, не вкладывая особого смысла в свое замечание, но обобщая «казус Тухачевского», будто бы соприкоснулся с мнением Сабанеева – «играют в Наполеоны». Поэтому неоднократные «бонапартистские откровения» Тухачевского, которые приходилось слышать Сабанееву, возможно, содержали элемент розыгрыша. И не потому, что Тухачевский говорил не всерьез. Похоже, что весь жизненный настрой его, пронизанный эстетизмом, «сценичен», несколько театрален. Аристократическая ирония и насмешка характерны были для его отношения ко многому в жизни и людях, что не касалось его главной страсти – военного дела – единственного, к чему он относился с беспредельной серьезностью и верой.

Многие, близко знавшие маршала, отмечали, несомненно, присутствовавшее в его поведении некоторое «позерство». Впрочем, он мог играть в «потенциального Наполеона»

настолько же искренне, переживая эту роль по-настоящему, как это делает настоящий артист на сцене в спектакле.

Своими розыгрышами, эпатажными инсценировками он был известен с юности. Подчас трудно было даже определить, всерьез ли он говорит это и делает или опять дурачит собеседника или приятеля. Г.А. Бенуа рассказал об одном случае, в котором «главным героем» был 19-летний кадет выпускного класса Тухачевский. «В 1912 году, в празднование в Москве столетия Бородинского сражения, – вспоминал много лет спустя Бенуа, – на параде участвовали и кадеты 1-го московского кадетского корпуса. Не могу не рассказать здесь об одном случае в связи с этим. О нем рассказал мне уже за границей мой однокашник по Павловскому училищу. Он стоял в строю во время торжественного парада вместе с кадетом Мишей Тухачевским. И когда царь делал обход по фронту, Тухачевский шепнул ему: „Вот бы его убить!“»⁵⁰⁴. Сомнений нет, никаких террористических намерений и мыслей у будущего маршала не было. Это было сказано явно, чтобы шокировать, поугатать своего товарища, ради розыгрыша, мистификации. Так просто, ради развлечения, ради шутки и игры.

Н.И. Корицкий рассказал веселый эпизод эпохи Гражданской войны, когда Тухачевский командовал 5-й армией в 1919 г. «Как-то то ли Путна, то ли Гайлит привез на квартиру М.Н. Тухачевского широченный татарский халат, – вспоминал он. – Михаил Николаевич облачился в него, соорудил из полотенца подобие чалмы и, усевшись по-турецки, стал на татарском языке призывать правоверных к молитве – ни дать, ни взять муэдзин на минарете!»⁵⁰⁵

Сабанеев припоминал «художественное произведение» того же Тухачевского, «которое он сам изображал в лицах – уже при советской власти. Это была музыкальная шутка, сочиненная Тухачевским со своим приятелем, известным музыкантом Н.С. Жилиевым, которую он назвал «марксистская» или «советская файв-о-клокия». «Советская файв-о-клокия» была злой пародией на православную обедню и одновременно на советскую власть: там были «тропари», «кондаки», всякие возгласы и песнопения, вплоть до приглашения: «Услышим святого Карла-Марла чтение» (потом следовали отрывки из «Капитала») – было все сделано талантливо – и кощунственно, и чрезвычайно смешно»⁵⁰⁶. Такое откровенное издевательство, теперь уже над «революционной верой», шокировало даже противобольшевистски настроенных людей⁵⁰⁷. Это свидетельство вызывает сомнения в искренности официальных «признаний», сделанных Тухачевским в 1921 г., что к большевикам его подвигло, в частности, и чтение произведений Маркса в плену⁵⁰⁸. Во всем этом было что-то от декадентского шутовства.

К слову, замечу, что будущий маршал с гимназических времен славился своими проделками и шалостями, за которые частенько весьма сурово наказывался и дома, и в гимназии. «Скучая во время долгого окопного сидения, – рассказывали его приятели-офицеры, – Тухачевский смастерил лук-самострел и посылал в недалекие немецкие окопы записки обидного содержания. В промежутках между сражениями такими же записками договаривались о перемириях для уборки раненых или убитых, оставшихся между окопами. Об этой затейливой выдумке простодушно вспоминали и позже»⁵⁰⁹.

«Я – не христианин, – эпатировал 23-летний подпоручик своего собеседника, французского лейтенанта Р. Рура в плену, – больше того, я даже ненавижу нашего Владимира Святого, который крестил Русь, отдав ее во власть западной цивилизации. Мы должны были сохранить наше грубое язычество, наше варварство...»⁵¹⁰.

Известно, что в бытность Тухачевского командующим Западным фронтом в 1922–1924 гг. у него была собака, которую он, кощунственно забавляясь, назвал «Христосик»⁵¹¹. Еще ранее, в плену, Тухачевский рассказывал своему французскому приятелю: «У нас была

француженка-гувернантка, которую я выводил из себя. Я и мои братья дали трем котам в доме священные имена Отца, Сына и Святого Духа. И когда мы их искали, мы издавали ужасные вопли: «Где этот черт Бог Отец?». Мама сердилась, но не очень, а гувернантка-француженка осыпала нас проклятиями»⁵¹². По воспоминаниям Фервака, «кощунствуя спокойно и весело, он затем галантно осведомлялся: „Я вас не шокирую? Мне было бы очень досадно...“»⁵¹³.

Еще один любопытный случай, имевший место в лагере Ингольштадт лишь усиливает представление об указанных выше свойствах личности Тухачевского. «Однажды, – вспоминал П. Фервак, – я застал Михаила Тухачевского очень увлеченного конструированием из цветного картона страшного идола. Горящие глаза, вылезавшие из орбит, причудливый и ужасный нос. Рот зиял черным отверстием. Подобие митры держалось наклеенным на голову с огромными ушами. Руки сжимали шар или бомбу, что именно, точно не знаю. Распухшие ноги исчезали в красном постаменте... Тухачевский пояснил: „Это – Перун. Могущественная личность. Это – бог войны и смерти“. И Михаил встал перед ним на колени с комической серьезностью. Я захохотал. „Не надо смеяться, – сказал он, поднявшись с колен. – Я же вам сказал, что славянам нужна новая религия. Им дают марксизм, но в этой теологии слишком много модернизма и цивилизации. Можно скрасить эту сторону марксизма, возвратившись одновременно к нашим славянским богам, которых христианство лишило их свойств и их силы, но которые они вновь приобретут. Есть Дажь-бог – бог Солнца, Стрибог – бог Ветра, Велес – бог искусств и поэзии, наконец, Перун – бог грома и молнии. После раздумий я остановился на Перуне, поскольку марксизм, победив в России, развяжет беспощадные войны между людьми. Перуну я буду каждый день оказывать почести“»⁵¹⁴.

Подтверждая свидетельства французского лейтенанта, офицеры-однополчане вспоминали, что в октябре 1917-го Тухачевский «из плена принес с собой маленьких деревянных идольчиков. Сам их там вырезал, сам производил перед ними какие-то ритуальные молебствия, просил в чем-то их помощи. Рассказывает об этом товарищам, и непонятно: в самом деле он это, серьезно или смеется. Над кем? Над собой, над ними?.. Впрочем, ведь он всегда утверждал, что Крещение Руси преступлением было. Что следовало оставаться такими, как были славяне, сохраняя верность Перуну. Но все принимали это за мальчишеское оригинальничанье... А тут. Кто его разберет...»⁵¹⁵.

Цуриков также подтверждает рассказ Фервака об идоле Перуна, сконструированном Тухачевским. «Я, прочтя, у г. Фервака рассказ об отвратительном «идоле Перуна» (!), которому будто бы поклонялся молодой семеновский подпоручик, с самостоятельной историософией и сложившимся мировоззрением (!), припоминаю, – признается Цуриков, – что я видел эту куклу. Как-то, зайдя в комнату к Тухачевскому и увидав в углу какую-то размалеванную образину, я (человек воспитания деревенского и принципиально простого) с некоторой гадливостью спросил: «Что это за чучело!?» Тухачевский (не без увлечения, но явно несерьезно) сообщил, что это бог Ярило, сооруженный ихней комнатой на масленице. Конечно, если бы он при мне и серьезно стал возносить ему молитвы, я бы постарался добиться отправки больного товарища в психиатрическую больницу»⁵¹⁶.

Цуриков не сомневался в том, что «Тухачевский «забавлялся», развлекаясь от скуки, и вел их „pour epoter le bourgeois“»⁵¹⁷. Этот эпатажный розыгрыш подпоручика несколько позднее вышел на грань политического глумления над советской властью и невежеством ее носителей.

По свидетельству Сабанеева, «когда Тухачевский стал «персоной», членом Реввоенсовета и командармом, им был составлен проект уничтожения христианства и восстановления древнего язычества как натуральной религии. Докладная записка о том, чтобы в РСФСР

объявить язычество государственной религией, была подана Тухачевским в Малый Совнарком». Сабанеев, хорошо знавший «красного Бонапарта», считал, что «он явно издевался, но в Малом Совнаркоме его проект был поставлен на повестку дня и серьезно обсуждался»⁵¹⁸. Далее Сабанеев вспоминал о реакции на это: «Тухачевскому только это и было нужно. Он был счастлив, как школьник, которому удалась шалость»⁵¹⁹.

В целом же все это было типичным проявлением «карнавализации культуры», жизни и, как показали грядущие события его судьбы, отчасти политики. Впрочем, замечу, «карнавальным» по существу являлся и сам образ «аристократа в демократии», с очевидностью «игравшийся» Тухачевским вплоть, образно выражаясь, «до эшафота». Напоминая его явные предпочтения эстетическим приоритетам перед моральными, хочу обратить внимание на то, что именно в этой формуле (эстетической по сути своей) уже совершенно отчетливо обнаруживается его склонность к «эстетике диссонанса».

Вышеотмеченные психокультурные свойства Тухачевского, равно как и серия не лишенных своеобразной поэтичности его статей о «революции извне» и «коммунистическом империализме»⁵²⁰, признанным идеологом коих он считался, были насыщены и предопределены специфической духовной атмосферой богемного декаданта, окутывавшей Тухачевского с рождения. Это, можно сказать, был образ повседневной жизни обезбоженного и развращенного Просвещением аристократа кануна Великой Французской революции. И такой образ жизни, разумеется, отвращал таких людей, как Ворошилов или Сталин, так или иначе воспитанных, во всяком случае, в простых, далеких от «аристократической богемности и развращенности» бытовых обстоятельствах.

«Я видел, что этот человек – пьянчужка, морально разложившийся до последней степени субъект», – заявлял Ворошилов на Военном совете в июне 1937 г.⁵²¹ Справедливости ради следует заметить, что Ворошилов не «наговаривает» на Тухачевского, называя последнего, хотя и грубовато-пренебрежительно, «пьянчужкой». 29 октября 1923 г. на заседании Партколлегии ЦКК (высшего партийного суда), на котором рассматривалось «персональное дело Тухачевского» (вызванного для этого в Москву) формула обвинения Тухачевского сводилась к следующему: «попойки, кутежи, разлагающее влияние на подчиненных». Тогда Тухачевскому был объявлен «строгий выговор за некоммунистические поступки»⁵²². Вернемся, однако, к моральной характеристике Тухачевского, данной последнему Ворошиловым на активе центрального аппарата НКО СССР через несколько дней после Пленума военного совета. «И здесь, кстати, нужно сказать следующее, – выступая, возмущался Ворошилов, – ... все эти господа... во всяком случае, такие мерзавцы, как Тухачевский, как Уборевич, как тот же Примаков, как Путна, – это разложившиеся люди, в личной жизни страшно грязные, мерзкие, подлые. Тухачевский – все знают, что он имел несколько жен везде и всюду...»⁵²³.

И это тоже не наговор. Но сюжет этот ныне вполне освоен и историками, и писателями, поэтому я не буду распространяться на тему «Тухачевский и женщины». Частично я уже затрагивал некоторые аспекты указанной темы⁵²⁴. Сказанное Ворошиловым можно было бы списать на обстоятельства, когда, согласно ритуалу такого рода «осуждений», требовалось говорить о моральном разложении обвиняемых. Однако это было отражением определенных реалий бытового поведения указанных лиц. Во всяком случае, думается, что, действительно, в этом отношении Тухачевский вряд ли может служить примером нравственности в традиционном о ней представлении. Что касается использованной Ворошиловым несколько пренебрежительно-унизительной характеристики Тухачевского как «пьянчужки», то, мягко говоря, неумеренное употребление горячительных, спиртных напитков в военной среде на протяжении столетий (как, впрочем, и ныне) стало своего рода традицией «милитарного быта». Вряд ли этот порок можно поставить в серьезный упрек именно и только Тухачев-

скому. Тем более что самые различные по своему отношению к маршалу свидетели не замечали за ним заметных чрезмерностей в этой сфере повседневной жизни. Впрочем, вряд ли среди офицеров императорской гвардии можно было сыскать трезвенников. Это тоже была не только традиция, но и известная бравада. Примеров тому можно было бы привести бесконечное множество. Тухачевский в этом отношении был традиционен в смысле своего «гвардейского» происхождения.

Во всяком случае, «дионисийский» разгул, вакханальный беспредел, оргиастичность поведения, органичной частью которых и являются «безграничные любовные развлечения», и почти ритуальное пьянство – это неотъемлемо от настоящего «карнавала», особенно для «обезбоженной» натуры, относящейся к миру и людям преимущественно эстетически. Как не вспомнить слова П. Верховенского, обращенные им к его кумиру Николаю Ставрогину: «Я нигилист, но я люблю красоту...»⁵²⁵.

«Вольтерьянский» настрой – «если бога нет, то его надо выдумать» – усвоенный и унаследованный Тухачевским от отца⁵²⁶, господствовавший в семействе Тухачевских дух творческого многообразия, интеллектуальной разбросанности и в то же время изящного эстетизма, даже богемности, живым воплощением каковых были отец и бабушка⁵²⁷ – все это позволило генералу К. Шпальке отметить в Тухачевском, спустя десятилетия, бросавшиеся в глаза, особенно, как вспоминал генерал, на фоне «неотесанных пролетарских коллег его», прекрасные специальные знания и светские манеры⁵²⁸, производившие впечатление на немецкий и французский (аристократический по преимуществу) генералитет. И как весьма выразительно резюмировал свою характеристику Тухачевского генерал Шпальке, «всем своим типом он больше соответствовал идеалу элегантного и остроумного офицера французского генерального штаба»⁵²⁹.

Предания о «латинских предках», подкрепленные художественно-поэтической ориентацией, во многом благодаря родственным и дружеским отношениям семейства с Тургеневым, Толстым, Фетом, Киреевскими⁵³⁰, были «оплодотворены» всепроникающим воздействием музыкального гения А.Н.

Скрябина. Он был лично близок семейству через их бабушку, друзей композитора Сабанеева и Жилиева – активных пропагандистов, знатоков его музыки и музыкальных воспитателей братьев Тухачевских⁵³¹.

«Музыка – вторая моя страсть после военного дела», – часто повторял Тухачевский⁵³². Возможно, что на подсознательном уровне именно скрябинская музыкальная апокалиптика, преображая «демона войны», овладевшего Тухачевским, рождала и первую его страсть.

И здесь я вновь хочу вернуть читателя к воспоминаниям Цурикова потому, что он, а я с ним по существу согласен, квалифицирует Тухачевского как определенный тип русского дворянина-интеллигента или, быть может, правильнее – дворянина-интеллектуала своей эпохи. Это была эпоха европейского и русского декаданса, «заката Европы», Русской революции, из которой вырвался дух «русского коммунизма», эпоха, диагноз которой поставил Ф. Ницше: «Бог умер!», а герой Ф.М. Достоевского как бы расшифровал этот диагноз: «Если бога нет, то все дозволено!.. Если бога нет, то – я бог!»

Одержимый войной

*Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.*

М.Ю. Лермонтов

«...После славных Люблинских боев, – писал полковник А.А. Зайцов, – закончившихся штурмом нашим славным II-м батальоном Кржешовской переправы через Сан, полк вступил в Галицию»⁵³³. Начиналась Ивангородская операция русской армии. В ходе боевых действий русских войск Юго-Западного фронта в районе Ивангорода, 10 октября 1914 г., как вспоминал об этом и описывал позже боевую ситуацию Зайцов, «дойдя до Гневошево-Границы, полк попал под жестокий артиллерийский огонь, а пройдя Гневошево, наши III и IV-й батальоны попали под сильный ружейный и пулеметный огонь»⁵³⁴.

«...Ползите сюда, влево, – услышал я чей-то голос и, обернувшись, увидел Тухачевского (2-й батальон шел во второй линии атаки. – С.М.), – вспоминал князь Ф.Н. Касаткин-Ростовский (тогда капитан, младший штаб-офицер 4-го батальона) один эпизод этого боя. – Он лежал, согнувшись в 3-х шагах влево от меня, в большой воронке от снаряда. Я подполз к нему и поздоровался. «Надо дождаться темноты», – деловито сказал он»⁵³⁵. Завязался разговор. Обстановка вынужденной кратковременной праздности, своего рода «антракта» в бою, который мог быть в любой момент прерван новой атакой, чреватой возможной гибелью, располагала к откровенности.

Разговор начался с того, что молодой подпоручик спросил 40-летнего капитана, вернувшегося с началом войны из отставки в полк: «Что побудило вас, пожилого человека, вернуться в полк и отправиться на фронт?» В ответ на то, что это было чувство патриотизма, и на встречный вопрос князя, разве не то же чувство побуждает воевать и его, Тухачевского,⁵³⁶ прозвучало: «Ах, да поймите меня. Нет! Это совсем другое. Я никому не известный человек, что у меня впереди? В лучшем случае через много, много лет служебной лямки пост бригадного генерала!... Поэтому между вами и мной на войне большая разница. Для меня война – это все! Или погибнуть, или отличиться, сделать себе карьеру, достигнуть сразу того, что в мирное время невозможно! Вы пришли сюда за идею помощи Родине. Я – чтобы выдвинуться, достичь той цели, которую себе наметил. В войне мое будущее, моя карьера, моя цель жизни! Уже и теперь, за эти короткие два месяца, что мы в боях, я убедился, что для достижения того, что я хочу, даже не надо много знаний, – главное, смелость и вера в себя, а я верю в свою звезду!» Он долго говорил на ту же тему, развивая ее и увлекаясь. Глаза его горели, и испачканное комьями земли лицо его было выразительно, напускная обычная холодность исчезла»⁵³⁷.

Почти такое же возбужденное состояние Тухачевского вспоминал другой его однополчанин в январе 1919 г. Приглашая своего приятеля на службу в Красную армию, «Тухачевский. (он был к тому времени только что назначен командующим 8-й армией. – С.М.) говорил о возрождении армии, о реформах и т. д. Видимо, опьяненный своею ролью и осуществлением своей мечты, он восторженно строил планы покорения всего, что противится новому строю, говорил, что это настоящее служение народу. По его словам, надо было прежде всего покорить все, что противится армии, возродить ее на старых основаниях, он говорил, что, не все ли равно, кому служить, веря в непобедимость русского солдата, который, по его мнению, остался тем же, что и раньше, только надо его дисциплинировать... Тухачевский про-

извел в это время впечатление человека бесконечно самовлюбленного, не считающегося ни с чем, чтобы только дойти до своей цели, достигнуть славы и власти, не считаясь с тем, через чьи трупы она его приведет, не заботясь ни о ком, кроме себя»⁵³⁸. Таким образом, бывшего подпоручика и будущего маршала большевистская власть привлекала не идеологически, а преимущественно как средство военного возрождения России и собственной полководческой карьеры.

Последняя фраза из воспоминаний Касаткина-Ростовского о разговоре с Тухачевским провоцирует цитирование свидетельства еще одного человека, Николая Александровича Цурикова, тогда армейского прапорщика, наблюдавшего Тухачевского в пору его «подпоручичьего служебного состояния», правда уже во время плена, в 1916 г., в интернациональном офицерском лагере форта № 9 замка Ингольштадт.

«Как-то, в один из первых же дней моего прибытия на форт № 9, – вспоминал Цуриков, – я стоял на веранде, когда «из-под горы» показались 2 офицера: весь в голубом, яркий брюнет-француз и русский, выше среднего роста, в зеленых обмотках на длинных ногах, как будто «нетвердых», в зеленой же подтянутой гимнастерке с гвардейскими кантиками, без погон с непропорционально большой головой на тонкой и «непрочной» шее. Быстрым и ровным, размеренным шагом они стали «кружить» по форту, изредка переговариваясь. Для привычного «гефангенского»⁵³⁹ глаза было ясно, что это не прогулка, а очередная, «дневная тренировка»⁵⁴⁰.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.